ВЛАДИМИР ДУБОВКА

ЖЕЛТАЯ АКАЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ВЛАДИМИР ДУБОВКА ЖЕЛТАЯ АКАЦИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Владимир Николаевич Дубовка — один из старейших белорусских писателей (родился в 1900 году, печатается с 1921 года). Окончил литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова в 1924 году. На белорусском языке опубликован ряд книг его стихов, поэм, стихотворных сказок для детей, а также переводов произведений классиков мировой литературы.

Книга стихов «Полесская рапсодия» на белорусском языке отмечена республиканской литературной премией имени Янки Купалы.

На русском языке, в переводах А. Ахматовой, А. Прокофьева, Всев. Рождественского, Н. Брауна и других, вышли в свет сборники Вл. Дубовки «Золотая ранница» (1961), «Полесская рапсодия» (1967), а в 1962 году сборник стихотворных сказок «Миловица».

«Желтая акация» — первое произведение Вл. Дубовки, написанное прозой. В этой повести рассказывается о пытливых юных натуралистах. В своих делах они руководствуются великими принципами: быть настоящими хозяевами земли, а не расточителями, бережно сохранять и приумножать богатства родной природы.

Герои повести проводят много различных опытов с дикорастущими растениями, богатыми полезными веществами, а также прививают грушу на тополь, кедр на сосну, разводят в своем озере водяные орехи, приводят в порядок заросли лесного орешника (лещины).

Но самое главное — они проводят опыты по улучшению желтой акации.

Настойчивость, упорство в достижении прекрасной цели, любовь к природе, трудолюбие и пытливость, проявляемые юными героями повести, несомненно заинтересуют читателей и побудят их провести у себя еще более интересные и полезные опыты с иными дикорастущими полезными растениями.

- Владимир Николаевич Дубовка
  -
  - Нет, я не против путешествий
  - И сады цвели тогда
  - Живите живой жизнью
  - «Подпольный» кружок «Желтая акация»
  - Про осот, оперу «Черевички» и сахалинскую гречиху
  - А повеет ветер, поразгонит тучи

- Когда весна была в полном расцвете
- «Текущие» и «праздничные» дела
- Лекарство от глухоты
- И баран бы косил, кабы косу кто носил
- То не шум боровой над моей головой!.
- Кто ищет, тот находит
- Насреддинова гробница и нарочанский мост
- Назад озирайся, а вперед продвигайся!
- Про Наполеона Бонапарта, про Зою Кирилловну и про нашу лещину
- Интересный спор, объяснения и интересные стихи
- Всегда вперед!
- Желтая акация
- Золотая осень
- Осенний праздник лещины
- Неожиданные приключения
- Дорога. Ореховая аллея
- Но вот и Минск!
- В Москву
- Венец человеческого ума и Бова Поллитрович
- От жгучки держи дальше ручки
- О розах, терниях, боксе и о маленьком Коле
- Наука, наука и еще раз наука
- Ах вы преступники, разбойники! Пришли?!
- Бездельники и созидатели человеческого счастья
- Ой, пора домой, пора!
- В полесских просторах
- В усадьбе лесника «Тихая затока»
- Не обед, а барский ужин
- Что же было в тех бумагах?
- О том, как дуб судьей был
- Предпоследний день
- Толока
- Сказка про зачарованную Лилю и правда о желтых кувшинках
- Бывайте здоровы!
- Приехали
- В гости к братковским юннатам
- Кедр в белорусском сосняке
- Это не конец, а начало
-

- notes
  - 1
  - 2

○ 3
○ 4
○ 5

Владимир Николаевич Дубовка

Желтая акация

Стихи белорусских поэтов перевел Всеволод Рождественский

Оформление Ю. Макаренко

Нет, я не против путешествий

Зовут дороги дальние,
Зовут дороги близкие…
……
Во все сторонки милые
Родной страны моей…

Евдокия Лось

Как я себя помню, родители мои и соседи приучали нас, малышей, бережно относиться ко всему живому:

«Не топчи траву, ходи тропкой. Трава вырастет, ее скосят — будет сено коровам, коню…»

«Не трогай, не ломай сосенку. Из нее вырастет большое дерево, пойдет на пользу людям — на хату, на сундук…»

«Осторожно рви яблоки — не ломай, не уродуй ветки. Дерево будет болеть, на сломанном суку не вырастут яблоки…»

«По ржи напрямки не ходи. Потопчешь ее — хлеба меньше будет…»

В детстве каждый день приходилось слышать что-то новое и занимательное:

«Эта травка — девясил. Если выкопать и посушить его корни, будет лекарство от боли в груди…»

«А вот красивый цветок — волошка, или василек. Если его высушить, будет лекарство от болезни глаз, которое поможет глазам зорче смотреть. Оно и от других болезней помогает…»

С того именно времени и появилась у меня большая любовь к природе. Даже крапиву, самую злую жгучку, которой, случалось, потчевали меня (да не одного меня только!) за детские шалости, запрещалось сбивать кнутом.

Про жгучку мать рассказала нам интересную быль:

— Случилось у нас большое несчастье. Напала на наши деревни страшная болезнь — холера. Люди умирали целыми семьями. Говорили, будто из воздуха она появилась, говорили — от воды. Докатилась она и до наших деревень — до Парасак, до Шабанов. Того и гляди, что в наши маленькие Язы придет. Мой отец, ваш дедушка, принес большую охапку жгучки и приказал нам всем раздеться до гола. А было нас, сестер, пятеро да мама (бабушка ваша) шестая. Мы — в слезы. Ничего не помогает:

«Раздевайтесь, и все!»

Разделись. Кладет нас тата по очереди на лавку. Набирает в обе руки целый веник жгучки и начинает от головы до пят натирать ею. Крик, стон… А он — хоть бы что. Всех понажег-понатирал этой крапивой, да так, что живого места не осталось у нас ни у одной.

Потом разделся сам, и мать его так же натирала. Нам даже приятно стало, и мы смеялись сквозь слезы, когда он стонал и приговаривал:

«А чтоб тебя!.. А чтоб ты затонула, холера!.. Три сильней, три сильней… А чтоб ее!..»

Мало того, потом еще набрал этого зелья и натирал те места, какие ваша бабушка недоглядела от страха или, жалея, пропустила.

И что бы вы думали? Или сама собою миновала нас болезнь, или жгучка действительно помогла, но никто в нашей семье холерой не заболел…

Стоишь, бывало, с кнутом над жгучкой. Даже руки чешутся — так хочется стегануть ее под корень. Но вспомнишь мамин рассказ и подумаешь: «А если страшная болезнь снова придет, чем же мы будем лечиться?»

Вздохнешь да и пойдешь дальше. Только для какого-то самоудовлетворения либо для устрашения ее (чтобы не так больно стрекалась) щелкнешь разика два кнутом в воздухе…

Любил я замеченный в лесу цветок принести в огород.

Отец говорил:

«Сынок! Ты же видишь — огород у нас небольшой. Если мы натащим сюда всяких трав, у нас негде будет посадить капусту, огурцы, свеклу… Вон разве около погреба сажай…»

И вот появился около погреба мой заветный питомник. Росли у меня там душистые пармские фиалки, пересаженные мною из княжеского парка, росли ромашки, васильки, медуница… Не очень просторно было им.

Зато теперь, когда через полусотню лет мне довелось посмотреть то самое место, где когда-то был наш маленький

огород, я увидел будто сказку: весь он занят школьным цветником. Это ученики школы, построенной на месте прежней усадьбы, сами не зная того, осуществили мою мечту, мои заветные желания.

Скажу честно, у меня даже слеза набежала на глаза, незваная, непрошеная. Я подумал и сказал своей жене, стоявшей рядом:

— Сказка моего детства стала явью! Оказывается, задержка и преграды в осуществлении моих мечтаний были в том, что у одного имелись огромные имения и большие огороды (на одну душу вдовы-княгини), а у другого — маленький огородец (на девять душ семьи)…

Теперь юные любители природы не спрашивают: «Можно ли посадить этот цветок?», а спрашивают только: «А на каком месте удобнее?.. А с какого места принесет он больше удовольствия и наслаждения людям?..»

Такие вот большие и чудесные перемены произошли в нашей стране.

Для того чтобы во всей полноте увидеть эти перемены, отправился я как-то по Белоруссии в путешествие. Мне думалось, что найду я около наших голубых озер и в шумливо-гомонливых пущах не меньше интересного и поучительного, чем где-нибудь у дальнего синего моря или и за синим морем даже.

Очень хорошо об этом сказала наша современница, русская поэтесса Надежда Полякова:

Нет, я не против путешествий
И предотъездной суеты.
Но почему же мы на месте
Порою слепы, как кроты?

Как будто все, что с нами рядом,
Одна тоска и канитель,
Как будто все, что сердцу надо,
Лежит за тридевять земель…

Людям, досконально и всесторонне знающим свою родину, ее природные богатства, красоту, не только не лишне, но даже необходимо побывать в далеких странах. Как известно, в воспитании человека надо идти от близкого к далекому.

Чтобы своими глазами посмотреть это близкое, чтобы посмотреть, как выглядит это близкое сегодня, как наши дети — юноши и девушки — готовятся быть хозяевами и созидателями завтрашнего дня, собрался я в дорогу.

Скажу сразу: я получил чрезвычайно большое удовольствие

от этого путешествия. Беседы на остановках, разговоры в автобусах, в крестьянских хатах, чудесные пейзажи, неповторимая прелесть рек, озер, лесов и перелесков — это все достойно кисти выдающихся художников, партитур знаменитых композиторов и вдохновенных строк великих поэтов.

Но одна встреча в автобусе дала мне особенно много и фактически послужила основой для этого произведения. Потому я расскажу о ней более подробно.

Ехал я обычным рейсовым автобусом. Пассажиров в нем было не так много, да и те быстро, через одну-две остановки, менялись. В одном месте осталось человек пять-шесть.

И вот в автобус вошли новые пассажиры: две девушки, четверо ребят. Все с заплечными рюкзаками, все одеты одинаково, по-дорожному. Я сперва подумал, что это молодые туристы приехали откуда-то посмотреть красоту нашей Белоруссии. Они сели на свободные места и начали разговаривать. И я сразу понял, что они — здешние, школьники.

Я спросил их:

— Простите, товарищи, что я перебиваю вашу дружескую беседу. В какой школе вы учитесь?

— В Ботяновской, если слыхали о такой.

— Слыхать-то я слыхал, но бывать у вас не приходилось. А куда ж это вы направляетесь?

— Мы едем в путешествие на озеро Стазоры.

— А не скажете ли вы, какова цель вашего путешествия?

— Мы должны обойти вокруг озера, описать его, собрать гербарий полезных растений, растущих поблизости от него и на берегах!

— Прекрасная цель! Вы получили задание или сами взялись за это?

— У нас в школе есть кружок натуралистов. Мы еще зимой наметили несколько тем, весной утвердили их на общем собрании, а теперь вот осуществляем свой план.

— Очень интересно! — сказал я. — Более того — чрезвычайно интересно. А не возьмете ли вы меня с собой в это путешествие?

Ребята дружно засмеялись.

— Вот это никаким планом не предусмотрено. Вам с нами будет тяжело: придется ночевать в лесу, у озера… Понравится ли все это вам?

— Почему нет? Еще как понравится!

Одна из юных спутниц сказала более определенно:

— Вы, наверно, тоже имеете какую-то цель в своем путешествии. И вдруг забываете о ней, переключаетесь на что-то

иное. Как же так?

— Представьте себе, что моя цель очень близка к вашей. Я интересуюсь полезными дикорастущими растениями, но несколько в ином направлении: как они использовались и используются у нас.

— Придется нам посоветоваться!

Они немного пошептались и потом сказали мне:

— Принимаем вас в компанию!

Я искренне поблагодарил их. Так вот я и попал «из автобуса на озеро».

Познакомившись с учениками во время экскурсии, я потом поддерживал с ними связь в течение нескольких лет. За это время узнал много интересного о работе самого кружка юных натуралистов, о достижениях и неудачах, о мечтаниях и свершениях.

Обо всем этом я рассказал своим друзьям, а они посоветовали написать книгу. Я так и сделал, но немного изменил собственные имена и географические названия. Мне кажется, что мои добрые знакомые, а теперь и герои этого произведения не обидятся за это. Во всяком случае, они себя, безусловно, узнают.

А я от души желаю им всего самого наилучшего, самого светлого в жизни и труде.

Понятно, что не все они станут агрономами, селекционерами, генетиками. Может, кто из них будет учителем, историком, химиком. Может, который и космонавтом станет. Но в одном я убежден, в одном уверен: всегда и всюду они останутся патриотами своей Советской Отчизны, всегда будут любить родную природу и каждый в своей области сделает то, что будет нужно для обогащения ее, а не для обеднения, что

Закаленные крепко, возьмут молодцы
Руль, который вручат им по праву отцы!

И сады цвели тогда

Пришла пора весенняя
Для всех садов, полей,
Заметены цветением
Морозы прошлых дней.

Анатоль Астрейка

Когда Нина Ивановна вошла в восьмой класс, ничто не предвещало неприятностей. Яркое весеннее солнце способствовало появлению какого-то праздничного настроения. Чистый, чуть влажный воздух проникал, казалось, во все поры тела. На учительском столе стоял букет первых весенних цветов: первоцвета, ландыша. И сады цвели тогда: перед окнами красовались снежно-белым и розово-белым убором груши и яблони школьного сада. Ученики дружно, с какой-то особенной сердечностью приветствовали учительницу.

Как обычно, она спросила у дежурного, кто отсутствует; как обычно, передала ему стопку тетрадей, в которых было за несколько дней до того написано сочинение на тему: «Каким бы мне хотелось видеть наш пришкольный сад и огород». Дежурный быстренько прошел по классу и раздал тетради.

Все, торопясь, перелистали каждый свою тетрадь: это же очень интересно узнать, какая отметка поставлена, какие ошибки вкрались. А Нина Ивановна тем временем записала в классный журнал тему сегодняшнего урока.

— Есть какие вопросы? — обратилась она к классу.

Несколько учеников спросили про свои, непонятные для них ошибки.

Поднял руку и Адам Скрипка.

— Что тебе непонятно, Адам? — спросила Нина Ивановна.

И тут началось целое представление.

— Я хотел бы узнать, с какого времени в нашей школе введена венгерская система оценки знаний учащихся? — спросил он деликатно и спокойно.

По классу пробежал волной приглушенный смех, но сразу стих, так как Нина Ивановна встала и, слегка покраснев, спросила:

— При чем здесь какая-то «венгерская система»?

— С вашего разрешения я хотел бы сказать, что я тоже удивляюсь, какое она имеет отношение к нам, особенно ко мне. Как всем известно, у них в школах оценка, обратная нашей. У них единица равна нашей пятерке, и так далее…

— Так что же далее?

— А далее то, что в моем сочинении не подчеркнуто ни одно слово, не зачеркнута ни одна запятая. Короче говоря, нет ни одной ошибки. Вот я и спрашиваю: не означает ли единица, поставленная мне, прежнюю пятерку?

По классу снова прокатилась волна смеха, но быстро смолкла под нахмурившимся взглядом Нины Ивановны.

— Нет, Адам! Единица эта и есть единица, а никак не пятерка. Я знаю только венгерские сливы, растущие и в нашем школьном саду, — попыталась пошутить она, — но они к этой единице никакого отношения не имеют.

Адам не унимался:

— Разрешите все же узнать, почему мне поставлена единица?

— А вот так и надо было спросить сразу. За хороший стиль, за грамматику пятерку может поставить Наталья Ивановна. А за то, что ты написал не на тему, больше того — против темы, и поставлена единица.

— Прошу извинить меня, Нина Ивановна, но я не могу согласиться с вами, — продолжал свое Адам. — Тема была такая: «Каким бы мне хотелось видеть наш пришкольный сад и огород». Мне — это значит мне, Адаму Скрипке. Я и написал, каким бы мне хотелось его видеть…

Нина Ивановна не выдержала. Ей следовало бы, по-видимому, сказать просто: «Этот вопрос мы обсудим с тобой после урока» или что-нибудь подобное. Ее вывел из равновесия спокойный, твердый тон ученика. Хоть бы он сказал слово лишнее…

— То, что ты написал, не подходит к нашим условиям и к нашей программе, — выпалила она.

— Тогда надо было дать тему иную: «Каким бы хотела видеть наш школьный сад и огород программа», — не сдавался упрямый Адам.

Класс рассмеялся так, что, наверно, было слышно и на улице. Амвросий, сын кооператора, слегка заикавшийся, даже зашелся от смеха.

Нина Ивановна стукнула кулаком по столу:

— Вон из класса!

И тут случилось такое, чего не ожидала ни Нина Ивановна, ни упрямый Адам, ни сами ученики.

Какое-то мгновение, буквально мгновение, стояла тишина. Потом все ученики поднялись со своих мест и стремглав выбежали из класса.

Нина Ивановна, растерявшись, отшатнулась от стола.

— Что вы? Куда вы? — только и смогла вымолвить она.

— В-в-вы ск-к-казали — в-в-вон! — ответил бежавший последним Амвросий.

Нина Ивановна осталась одна.

Прикусив губу, она забрала журнал и направилась в учительскую. Там оказался и директор.

— Почему это вы, Нина Ивановна, отпустили свой класс? — удивленно спросил он. Ему из окна видна была школьная спортивная площадка, на которой мальчишки с ходу занялись разными упражнениями, а некоторые пошли на руках.

— Сымон Васильевич! Скандал!

Сымон Васильевич, старый учитель, человек необыкновенно чуткий, заметив ее растерянность, попытался поднять настроение учительницы:

— В народе, Нина Ивановна, говорят еще не так: «Караул! Пожар! Корова утопла!»

— Ой, дорогой Сымон Васильевич! Что там корова — я сама утонула!..

— Ничего, ничего, Нина Ивановна, не волнуйтесь! Сейчас мы все обсудим. А пока что я их уйму немного, чтоб не мешали заниматься другим.

Открыв окно, он позвал дежурного и распорядился:

— Сейчас же установите порядок! Прекратите шум! В школе идут занятия… Я сейчас сам выйду к вам!

Тишина и порядок после этого установились приблизительно на «четыре с минусом». Во всяком случае, терпеть можно.

— Садитесь, Нина Ивановна! Теперь поговорим… Что у вас случилось? Не волнуйтесь… Вы молодая учительница. Сколько еще в вашей жизни будет разных происшествий и неожиданностей. О-ё-ёй! Если так волноваться, то и сердце испортить недолго, а его надо вам не меньше, чем на сто лет…

Нина Ивановна рассказала обо всем. Даже про Адамову интонацию. Даже о том, что как раз она, эта интонация, и вывела

ее из равновесия. «Хоть бы на одну ноту поднял голос! Будто я ученица, а он какой-то министр, а не мой ученик». Не утаила и того, что допустила большую ошибку, не обратившись непосредственно к ученику, не сказала: «Адам, или Скрипка, выйди из класса», а крикнула: «Вон из класса!» «Да еще рукой провела перед собой… А поскольку нарушили дисциплину все — смеялись всем классом, — они безо всякого злого умысла могли подумать, что я выгоняю всех».

Сымон Васильевич не перебивал ее, слушал очень внимательно. Тем временем в учительскую пришли и остальные преподаватели, так как урок, последний по расписанию, закончился.

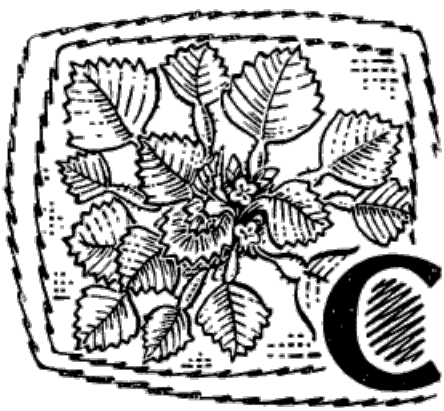
— У меня по этому вопросу, Нина Ивановна, есть свое мнение, но его надо обсудить коллективно. Поскольку здесь почти все наши учителя, мы проведем внеочередное заседание педагогического совета. Принесите только это злосчастное сочинение.

Нина Ивановна сходила в класс и взяла Адамово сочинение, так как восьмой класс еще не возвратился со спортивной площадки, а книги и тетради оставались в классе.

Живите живой жизнью

…Любите не школу, а детей, приходящих в школу; любите не книги о действительности, а самую действительность; не жизнь суживайте до учения, но учение расширяйте до жизни. А самое главное: любите жизнь и как можно больше живите живой жизнью.

П. П. Блонский



Сегодняшнее заседание педагогического совета было внеочередным и неожиданным. Правда, все участники знали о происшествии, которым было вызвано заседание. Правда и то, что все они доброжелательно относились к действительно способной и добросовестной учительнице Нине Ивановне. Тем не менее это же не шутка! Школа есть школа. Сегодня Скрипка что-то намудрил, завтра Ворошкевич, потом Казачок… В конце концов получится какое-то «вольное братство», а не Ботяновская средняя школа.

По этой причине все были немного озабочены и насторожены.

На заседании, кроме директора Сымона Васильевича и Нины Ивановны, присутствовали: Наталья Ивановна — преподавательница языка и литературы, Тит Апанасович — историк, Елена Осиповна — математик, Татьяна Петровна — преподавательница иностранного языка, Зоя Кирилловна — недавняя ученица, пионервожатая, которую, по старой привычке, порой звали просто Зоя, художник Роман Карпович. Не было только агронома Ивана Степановича и завуча Алеси

Сильвестровны, ушедших из школы раньше и ничего не знавших о случившемся.

Директор послал за ними.

Когда все собрались, уселись, Сымон Васильевич коротко информировал о происшествии, не скрывая ошибок Нины Ивановны, но и не выпячивая их, не заостряя. Тон его голоса, сама информация не производили впечатления чего-то чрезвычайного. Некоторые из учителей даже пошутили:

— Мы были удивлены, не зная, что там у вас произошло. Мои ученики к окну пытались подбежать. Похоже, им очень хотелось присоединиться к веселой компании…

— Весна, — вздохнула Елена Осиповна. — Нам самим хочется под яблоней посидеть или сходить в рощу… А тут целая стопа тетрадей…

Тит Апанасович сразу поставил вопрос по-деловому:

— В первую очередь надо послушать, что и как написал Скрипка.

Сымон Васильевич ответил, что именно с этого он и начнет. Попросил внимания и начал читать:

КАКИМ БЫ МНЕ ХОТЕЛОСЬ ВИДЕТЬ

НАШ ПРИШКОЛЬНЫЙ САД И ОГОРОД.

Мне очень нравится наш пришкольный сад и огород.

В первую очередь мне нравится то, что в саду растут хорошо ухоженные деревья, которые цветут весной, дают плоды осенью, украшают школьную усадьбу. Нравится мне и огород. Он тоже хорошо ухожен, вскопан, удобрен, разделен на правильные грядки. И в саду и на огороде все на месте, нет ничего лишнего.

Дорожки в саду хорошо утрамбованы, посыпаны чистым, желтым песком. Не так, как, к примеру, в соседней, Понизовской школе, где весь сад зарос крапивой, а огород — осотом да репейником.

— Нина Ивановна! — не выдержал Тит Апанасович. — Чего же еще лучшего хотели вы от ученика восьмого класса?

— Хоть в газете печатай, — добавила Наталья Ивановна.

— Подождите! Послушайте, что он пишет дальше! Как инспектор мне говорил, просто «криминал какой-то!», — ответила Нина Ивановна.

Директор продолжал читать:

— …Но мне совсем не нравится все то, что мы делаем в нашем саду и в огороде.

Яблони да груши? Вишни да сливы? В наших колхозных садах яблоки не хуже, чем в школьном саду, а груши даже в несколько раз лучше.

То же самое и в нашем огороде. Капуста, огурцы, помидоры, свекла, тыква, лук… Одним словом, все, что есть на обычном крестьянском огороде. Одно-единственное отличие — физалис, или мексиканские томаты, какие мы высаживаем из года в год, но которые никто из колхозников заводить не хочет, так как не видит в них никакой пользы, не зная, что с ними делать.

Если отдельные кочаны капусты достигают у нас чуть ли не 16 килограммов, а тыквы похожи на мельничные жернова, так это никого не удивляет.

Деревенские женщины про наши чудеса говорят так: «Если б у нас было столько помощников, сколько у Нины Ивановны, так мы по центнеру их вырастили бы».

По моему мнению, вся наша работа — никчемная.

Нина Ивановна подняла палец вверх:

— Обратите внимание: никчемная работа! Школа занимается никчемной работой!

— А мы и не знали, что у нас есть такой мудрец! — добавил Тит Апанасович.

— Почему не знали? Знали, — заметила Наталья Ивановна. — Я могла бы рассказать вам и о его замечаниях по языкознанию…

Директор кашлянул, посмотрел на присутствующих с улыбкой:

— Подождите немного. Объяснения, замечания и добавления потом. Сочинение, по-моему, очень интересное. Дочитаем его до конца… Мы остановились на словах:

…По моему мнению, вся наша работа — никчемная. Не лишне спросить: а кто культивировал эту самую капусту, свеклу, морковь, кто вывел полезные растения из дичков и дикорастущих растений? Разве какая-либо школа? Или какой-то агроном? Да нет! Отнюдь нет! Это все наследие наших далеких предков, живших еще в пещерах. Это сделали люди, не умевшие ни писать, ни читать, не учившиеся ни в начальных школах, ни в институтах. Если они и выпускали «стенные газеты» в

пещерах, так эти «газеты» высекались на каменных плитах или на скалах.

А мы учимся, читаем книги и газеты, слушаем радио, ходим в кино, летаем в воздухе, даже в космос летаем. А вывели ли мы «в люди», как говорится, хоть одно новое полезное растение, сделали ли мы его полезным во всех отношениях для человечества, как те неграмотные и дикие, на наш взгляд, предки?

Почему бы нам, вооруженным всякими науками, машинами, химикатами, не взять для первого примера дубровку с ее мелкими корнеплодами, что растет у нас повсеместно, и не вывести — вырастить из нее такой сорт корнеплода, чтоб он весил по килограмму и больше, а не по грамму или два, как теперь?

Почему не взять всем известную желтую акацию, многолетний бобовый куст, и не вырастить из него сорт многолетнего гороха, например?

Почему нам не взять, говорю также для примера, всем известную липу «вековую», в семенах которой находится до 60 % полезного, питательного растительного масла, и не вывести такой сорт, чтоб орехи на ней были, как яблоки у деда Янки Казачка?

Сотни растений вокруг нас просятся в наш сад и огород, а мы ходим около них и видеть не хотим.

Если бы мы вырастили в нашем саду такую липу или на нашем огороде такой корнеплод, какой мог бы зимовать в земле, не боялся никаких колорадских жуков, как их боится картошка, тогда ни один человек не сказал бы, что мы соревнуемся с деревенскими женщинами, а каждый пришел бы просить семян или веточку для прививки.

Так я и отвечаю на вопрос своей темы: я хотел бы, чтоб наш пришкольный сад и наш огород были питомниками новых, высококачественных культур, деревьев и растений, а не площадкой, на которой завоевываются рекорды по общеизвестным культурам.

Не нужны нам капуста и огурцы, не нужно все то, что известно старым и малым испокон веков.

Сымон Васильевич, дочитав до конца, снял очки. Посмотрел по очереди на всех присутствующих. Потом спросил:

— Как вам нравится это произведение, товарищи?

Слово взял Тит Апанасович:

— Видите ли, если подойти с одной стороны, так в

сочинении, безусловно, есть здоровая мысль. Справедливо, что и капуста, и свекла… да что там, не они одни — подавляющее большинство садовых, огородных и полевых растений выведены нашими предками в незапамятные времена. Справедливо и то, что во время археологических раскопок находятся такие употребляемые в древности человеком растения или плоды, какие он, как говорится, не успел довести до кондиции, а потом, может, именно у нас не нашлось времени заниматься ими. Для примера я приведу водяные орехи, или чилим, водяную бульбу, или рогулики, как их чаще называют, которые ныне широко известны в Японии, в Индии, но почти перевелись у нас, остались только как дикорастущие в некоторых старицах и озерах в Белоруссии, главным образом на Полесье, в дельте Волги и еще в некоторых уголках нашей страны.

— Простите, — заметила Татьяна Петровна, — но я о них ничего не слышала.

— И не удивительно, — ответил Иван Степанович. — У нас, правда, про них писали два известных научных работника: В. А. Михайловская в 1944 году в журнале «Беларусь» и И. Н. Соловей в журнале «Природа» в 1954 году. К сожалению, статьи прошли почти незамеченными в Белоруссии, хотя дают довольно полное представление об этом. Следует сказать, что в отношении вкуса и полезности как питательного продукта их можно сравнить только со съедобными каштанами. В них находится 15 процентов белков, 0,5 процента растительного масла, 52 процента крахмала и 3 процента сахара… Но, простите, я перебил Тита Апанасовича. Если будет интересно, могу дать и более основательную справку.

— То, что вы перебили меня, — усмехнулся Тит Апанасович, — неплохо. Вы даже помогли мне, так как я хоть их немало ел, этих орехов, но не знал, что они так богаты по своему химическому составу. Будем всё же говорить об Адаме Скрипке. Нам надо было бы только приветствовать все правильные и здоровые мысли, имеющиеся в его сочинении. Наша школа могла бы гордиться такими учениками. Но с другой стороны…

Все засмеялись. Кто-то пошутил:

— Природа не любит однобокости!

— Но с другой стороны, какое право имел ученик, хотя бы и восьмого класса критиковать в своем школьном сочинении — подумать только! — нашу учебную программу. Академик какой нашелся! Одним махом перечеркнул все планы практических занятий по биологии! По-моему, Нина Ивановна правильно сделала, что поставила ему единицу.

Слова попросила Наталья Ивановна.

— Прежде всего у меня есть вопрос к Нине Ивановне. Написал ли кто из учеников еще так, как Скрипка?

— Нет! — ответила Нина Ивановна. — Все написали так, как положено.

— Тогда меня интересует другой вопрос: почему вы, Нина Ивановна, одним поставили тройки, другим четверки и всего три или четыре пятерки?

— Дело в том, что у многих были грамматические и стилистические ошибки. Вот и сбавила им оценки.

— Тогда, дорогая Нина Ивановна, вы действительно непоследовательны: за отдельные ошибки вы сбавляли оценки, а за безупречное сочинение, без ошибок, вы поставили единицу. Если следовать вашему критерию, надо было всем, кто написал «на тему», ставить пятерки, независимо от наличия у них ошибок. Разве не так?

Татьяна Петровна тоже попросила слова.

— Вопрос ясен. Надо помочь Нине Ивановне установить снова добрые отношения с классом. Что касается Скрипки, то мы его хорошо знаем: ученик способный, много читает, мыслит. Пускай Сымон Васильевич обобщит, и будем кончать.

Сымон Васильевич согласился с этим мнением.

— Перед тем как обсудить наши практические выводы, я хотел бы, неофициально разумеется, рассказать вам об одном случае из своей жизни… Когда я, еще в старое время, держал экзамены в учительскую семинарию, нам дали задание написать сочинение на тему: «Что побудило меня поступать в учительскую семинарию». А имейте в виду, что на тридцать пять вакансий поступало сто тридцать девять человек. Единица, полученная за диктант или сочинение, лишала права держать дальнейшие экзамены. Все более ловкие и опытные, как один, писали, что их побудило «желание послужить вере, царю и отечеству на ниве народного просвещения». Я не был таким хитрецом и написал попросту и честно: «Мой отец бедняк, а к науке я способный. Учить меня дальше он не имеет возможности, так как всюду надо платить деньги за обучение, за квартиру и питание. А их у нас нет. Узнали мы, что есть такая школа, где не только бесплатно учат, но еще и деньги дают. Вот я и приехал сюда держать экзамены, так как очень мне хочется стать образованным человеком». Мое сочинение шло вразрез со всеми установками, со всей позицией старой школы. Но в нем не было ни одной грамматической или стилистической ошибки. Представьте себе, Нина Ивановна, мне поставили пятерку, а не единицу. Это значит, я получил право держать дальнейшие экзамены, выдержал их на «отлично» и был принят в семинарию стипендиатом. Представьте

себе также, что из тех кандидатов, которые так красноречиво писали о своем «желании» «служить вере, царю и отечеству», но наделали грамматических и стилистических ошибок, только сорок пять получили по единице. У некоторых были двойки, тройки. Во всяком случае, «квасной патриотизм» им не помог… Что это все значит? Учитель, дававший оценку, не был гоголевским чиновником. Он мыслил. Имел совесть и сердце. Почему же мы, советские учителя, которые сами недавно были пионерами, комсомольцами, порой так враждебно относимся к подобным себе, не поддерживаем, а норовим обрывать их горячие стремления и мечты?..

Нина Ивановна вскочила со своего места:

— Сымон Васильевич! Товарищи! Я просто растерялась… Я чувствую, что сделала что-то не то, и теперь мне трудно найти выход. Я сама сочувствую таким исканиям, ведь я мечтательница по натуре. В плане занятий по биологии на весенне-летний период у меня были предусмотрены точно такие проблемы, за которые ратует Адам Скрипка…

Сымон Васильевич удивился и немного усомнился:

— А куда и как исчезли они из вашего плана?

— Мне их вычеркнул инспектор товарищ Бараболка.

— Почему же вы мне ни слова об этом не сказали?

— Он назвал это криминалом и добавил, что, только жалея меня, оставляет дело без последствий, но предупредил, чтобы я никому об этом не говорила. Вот почему, когда Адам Скрипка написал свое сочинение, я просто испугалась и поставила ему единицу…

— Ну, знаете, — возмутился Сымон Васильевич, — тут что-то не так! Никаких криминалов у вас быть не могло. Это — раз. А во-вторых, не сказать директору школы — это действительно… нехорошо. Может, вы сделаете одолжение и зачитаете нам те пункты, которые вам вычеркнул Бараболка?

— Пожалуйста! Они у меня с собой… «Собрать сведения у населения, какими дикорастущими растениями и какими пищевыми суррогатами питались люди в тяжелые годы (война, оккупация и т. д.). Собрать гербарий растений, витрину образцов суррогатов…

Собрать гербарий всех полезных дикорастущих растений нашей округи, с ботаническим описанием каждого, с характеристикой качеств, а также с описанием способов их употребления…

Провести практические занятия по прививке кедра сибирского на сосну, по выращиванию черноягодного паслена, по посадке водяных орехов в заводях нашего озера».

Пожав плечами, Сымон Васильевич сказал сразу после прочтения этих «крамольных», с точки зрения Бараболки, пунктов:

— Не знаю, как товарищи, но я никак не могу понять: в чем тут «криминал»? Может, вы, Нина Ивановна, дадите нам дополнительное объяснение? Надо полагать, в беседе с вами он был более откровенен?

— А как же! «Нам, — уверял он, — все это не нужно. Все это не имеет… хозяйственного значения».

— Нет, Нина Ивановна! Вы очень хорошо сделали, что включили в свой план такие вопросы… Плохо только одно, что не сообщили мне о своем разговоре с Евстигнеем Поликарповичем — и об этих важных пунктах.

— Я не сказала… Видите, он все пытался узнать: сама ли я внесла такие пункты или с санкции директора. Я ответила, что сама, что на педагогическом совете мой план еще не обсуждался. «Тогда, — посоветовал он, — вычеркнем их, и на том конец. Вы — молодая учительница, жизни хорошо не знаете. Никому только не говорите, а я тоже закрываю глаза на всю эту историю». Вот я и молчала…

— Хорошо. Согласимся на минуту, что он был прав, выступая против первого и даже второго пунктов, — сказала Алеся Сильвестровна. — Но что же он, разрешите узнать, имел против кедра и водяных орехов, например?

— О, это еще интереснее! «Я никогда в жизни не слышал, — твердил он, — чтобы кто-то прививал хвойные деревья на хвойные. Это чудачество какое-то, не надо детские головы забивать такими глупостями». Черноягодный паслен, по его мнению, — это какая-то вообще отрава. А про водяные орехи: «Еще, чего доброго, дети утонут, сажая или собирая их. Тогда кто будет отвечать? Вы тогда и на меня будете ссылаться, скажете, что план утвержден инспектором… Ни в коем случае. К черту все, что связано с глубокой водой…»

Тит Апанасович даже захохотал:

— Простите меня, товарищи, за мою неделикатность и несдержанность… Но это же не анекдот! Он действительно любит плавать на мелких местах. Я однажды купался с ним вместе, так до сих пор забыть не могу… Я плаваю на самой стремнине, а он около бережка, около бережка, упираясь ногами и руками в дно…

Сымон Васильевич не на шутку рассердился, что с ним случалось редко.

— Его личные вкусы нас мало интересуют… Давайте, товарищи, ближе к делу. Я предлагаю конкретно: записать в протоколе нашего совета, что эти три пункта, зачитанные Ниной

Ивановной, мы включаем в ее план и утверждаем их. Вы только подумайте: какой интересный материал, нужный не только для одной нашей школы, подготовила Нина Ивановна, а тут… Кто за это предложение? Все? Очень хорошо. Так и запишем.

— Пора домой!

— Сейчас, сейчас, Елена Осиповна! Мы подошли к нашему главному вопросу — об инциденте… Для восстановления нарушенного контакта и добрых отношений учеников восьмого класса с учительницей Ниной Ивановной мы сообща должны сделать вот что. Во-первых, посоветовать Нине Ивановне отметку в журнал не вносить. Во-вторых, использовав удобный случай — начало активной работы в саду и огороде, — провести общее собрание юных натуралистов, а фактически учеников всех классов, на котором обсудить план весенне-летне-осенних работ по биологии, включив, разумеется, и восстановленные нами пункты. Как раз эти пункты больше всего интересуют учеников. В-третьих, на собрании мы с вами дополнительно внесем предложение включить в план несколько дальних экскурсий и интересных походов. Почему я говорю — на собрании, а не сейчас? Мне надо будет согласовать эти вопросы в районных организациях. Разговор идет о материальной стороне вопроса. Я узнаю точно, получим ли мы деньги для этой цели. Без средств в далекие экскурсии посылать своих учеников мы не сможем. А сегодня вечером я лично поговорю со Скрипкой. Мне думается, что он на очередном уроке извинится перед Ниной Ивановной, а Нина Ивановна, в свою очередь, найдет возможность сгладить всю эту историю, и дело пойдет у нас хорошо, как шло до сих пор. Как вы относитесь к таким соображениям?

В ответ послышались голоса преподавателей:

— Согласны!.. Хорошо!.. Лучшего не придумать!..

— Если так, пошли обедать! Действительно, мы задержались сегодня, но результатами нашего разговора я доволен…

«Подпольный» кружок «Желтая акация»

Молод ты. И кругом
Мир — как песня, пригожий, манящий,
Опадает дождем
Яблонь цвет, лепестками летящий.

Пимен Панченко

Адам шел из школы вместе со своими друзьями: Ганной Савич, Михасем Лосиком, Гиляром Стомой, Марылей Колечкой и Сымоном Жуком.

Сначала они молчали. Адам тихонько насвистывал мелодию народной песни: «Ой, беду веду, а беда моя, а беда не ведется».

Ганна подхватила мелодию и красиво повела ее:

Ой под вишнею, под черешнею
Беда спать ложится…

Потом засмеялась:

— Брось ты, Адам! Печальная песня, хоть и красивая. Весна… Надо что-то повеселее, светлое, бодрое…

И она запела другую, а друзья подхватили:

Весна красна, где ты была,
Да что ж ты нам принесла?

Принесла Адаму единичку,
А девушкам по цветочку…

Тут уже засмеялись все. Адам шутливо обиделся:

— Еще и ты, Ганночка! Недаром говорят: «В три секача секут, одного рака пекут».

Ответила ему Марыля:

— А ну тебя, Адам! Уж очень ты горяч! Все учителя знают, что ты хороший ученик. И Нина Ивановна сама исправила б твою единицу на четверку, а ты: «венгерская система»! Откуда ты ее выкопал только? Разве на самом деле есть такая?

— А как же! Я читал об этом.

— Нина Ивановна очень добрая, сердечная, — заметила Ганна.

— Честно говоря, я сам жалею, что так все получилось нескладно, — признался Адам. — Как посмотрел на единицу — жирная, большая… И подумать только: хоть бы одна-единственная ошибочка была, как на грех. Ни одной запятой не исправлено…

Гиляр обратил внимание на другое:

— Вы послушали б, что Кася выкинула: «Так ему и надо! Подумаешь, отличник какой! Еще „подпольный“ кружок организовал. Надо поинтересоваться, чем эта „Желтая акация“ занимается».

Все снова засмеялись. Адам спросил:

— А ты не предложил ей к нам присоединиться? Вот и посмотрела бы, чем мы занимаемся. Послали бы ее на тополь высокий, тогда узнала бы, «подпольный» наш кружок или «надпольный».

Михась сразу встрепенулся:

— Ой, братцы, простите! Хорошо, что Адам про тополь вспомнил… Зацвела груша на тополе!

Друзья сразу остановились. Ганна упрекнула Михася:

— Эх, ты! Молчал столько времени!

— Забыл! Сами должны понять — сегодняшний день ненормальный какой-то…

Девчата и хлопцы повернули в конец школьного сада, где стояла зеленая стена тополей. На десяти молодых деревьях еще позапрошлым летом были привиты ветки груши. Большинство их принялось, но в первый год они не цвели. Занявшись другими делами, как-то о грушах на тополе и забыли. Не забывал один Михась, инициатор этого дела. А сегодня он увидел, что на трех

тополях распустились грушевые цветы.

Подойдя ближе к этим деревьям, все как зачарованные остановились и начали смотреть на плоды своих исканий и опытов.

Вот оно, первое достижение!

В сверкающей зелени молодых тополей, будто в гостях, цвели крупные ветки груши, осыпанные бело-розовыми цветами. С первого взгляда создавалось впечатление, что туда поставлены цветущие грушевые ветки, как букеты в темно-зеленые глянцевитые вазы.

Даже сами творцы этого дива внимательно рассматривали деревья: не подшутил ли Михась, не создал ли он какой-то фокус, чтобы поднять настроение?

Нет! Все, как должно быть. Вот место прививки, вот окрепшие за два года ветки груши.

Юноши и девушки, взявшись за руки, стали перед тополями и закричали: «Ура! Хай живе!..»

В это время шел из школы Иван Степанович. Услышав взволнованные голоса и такие торжественные восклицания, он приостановился у забора и спросил:

— Что там у вас за праздник?

— Заходите, Иван Степанович, узнаете сами, праздник это или нет, — ответил Михась.

Иван Степанович прошел в сад. Остановился. Посмотрел на тополя и удивился:

— Что за чудо такое?

— Это наша самостоятельная работа, Иван Степанович, — ответил Адам. — Позапрошлым летом мы привили для пробы грушу на разные деревья: на вербу, на клен, на березу, на рябину, на тополь. Может, что не так, как полагается, сделали, но на тех деревьях прививки не принялись. А на тополях из десяти прививок три пошли хорошо и, как видите, зацвели.

— Дорогие! — воскликнул Иван Степанович. — Какие же вы молодцы! Какие же вы умники! И как мне стыдно смотреть вам в глаза. У меня самого руки не доходят до всего… Знаете, в колхозе работы много, в школе, да еще дома не все ладится — жена расхворалась… Но разве это оправдание! Теперь я сам запишусь в ваш кружок, если не прогоните меня.

— Что вы! Мы будем очень рады этому, — ответила за всех Марылька. — Скажите, Иван Степанович, — мы нигде не читали про такое, — проводил ли кто-нибудь опыты, подобные нашим?

— Милые мои! Даже не читая книг, можно сказать, что наверняка и безусловно в мире проводили, проводят и будут проводить в дальнейшем такие опыты… Человеческий ум всегда

стремится вперед, всегда ищет чего-то нового, интересного и полезного для общества. Многое остается неизвестным, не все своевременно попадает в печать. А если и попадает, так не всегда газеты печатают: это же не футбол, не хоккей. Но на этот раз я скажу вам довольно точно. Такой опыт, как ваш, провели еще в 1954 году юные натуралисты одного мичуринского кружка на Востоке. Они привили грушу на тополь, вяз, вербу, ясень и на многие другие деревья. В 1956 году с груши, привитой на тополе, был получен первый урожай груш. Их было много, они были крупные, сочные и сладкие, с мелкими зернами. Самое ценное и интересное то, что они могут лежать, не портясь, целый год. Теперь чрезвычайно важно уследить, чтоб на ваших прививках завязались плоды, чтобы они созрели. Тогда только можно будет судить, стоит ли распространять ваш опыт на большее количество деревьев.

— А известны ли еще подобные опыты? — спросил Михась.

— Видите ли, честно признаюсь вам, я специально таким вопросом не интересовался. Могу судить только по работам Л. Бёрбанка и И. Мичурина. Но, наверно, читали большинство этих работ и вы. Как мне кажется, все же прививки делались и делаются больше на близких по ботаническим признакам деревьях. Например, вишня — черемуха. Мне известен, правда, и такой факт, что в Испании в 1947 году прививали съедобный каштан на обыкновенный дуб. Прививки хорошо принялись, дают обычные плоды, как на каштановых деревьях. Для Испании этот опыт имеет большое практическое значение, так как деревья съедобного каштана там часто болеют «чернильной болезнью», которую заносит паразитный грибок, а дуб этой болезнью не болеет. Для нас прививка съедобного каштана на дуб имеет другое практическое значение: дуб у нас хорошо растет, а съедобный каштан не очень. Стоит попробовать, не передаст ли дуб, если на него привить такой каштан, свою стойкость прививке. Мы с вами попробуем осуществить это на деле. А пока что я еще раз поздравляю вас с победой… Не забудьте записать меня в свой кружок! — добавил он на прощание.

После ухода Ивана Степановича стали расходиться и ребята. День был необыкновенным, и только теперь они вспомнили, что дома их ждал обед.

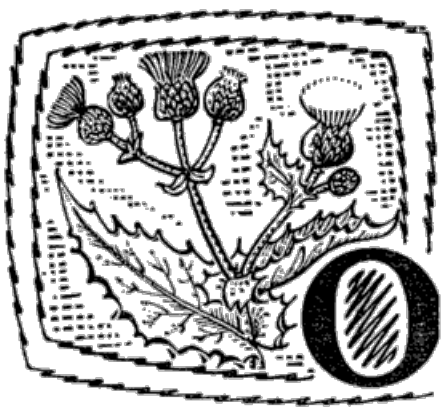
Возвращались возбужденными, радостными.

Груша на тополе!

Про осот, оперу «Черевички» и сахалинскую гречиху

Наляцелі чорны галкі
Ды усё поле скрылі,
Маладыя малойчыкі
Жалю нарабілі.

Народная песня



Отец Адама, Антон Иванович Скрипка, работал кузнецом в колхозе. Бывало, что и в поле выходил, но только в крайнем случае, так как работы кузнечной было много. Мать, Текля Васильевна, работала дояркой.

Готовя обед, она спросила у сына:

— Что-то вас долго сегодня держали. Хотели уже обедать без тебя… Хорошо, что отец из кузни тоже недавно пришел. Иди скорей мой руки, сынок.

— А чего отец задержался?

— Молотобоец не вышел. Пришлось одному все… Ты, сынок, очень занят? Не поможешь мне немного после обеда?

— Конечно, тата! У нас теперь повторение. А старое я знаю неплохо.

— На это я и надеюсь, сынок. Ты у меня способный малый. Только бы не сглазить…

Отец сел за стол и стал нарезать хлеб. На столе лежали ложки. Все было приготовлено к обеду. Мать начала наливать борщ в миски. Аппетитный запах ударил в ноздри. Адам попробовал и тут же спросил у матери:

— Мамочка! Никак не пойму, из чего это у тебя такой

вкусный борщ приготовлен?

— Из осота, сынок. Ешь на здоровье. Неужели забыл? Я каждую весну раза два-три готовлю из осота, потом — из сныти, из крапивы… За зиму надоест свекла да капуста. А еще старые люди нас учили: «Ешьте, потребляйте все хорошее понемногу. Никто не знает, в чем заключено самое полезное для человека». Каждая травка имеет что-то свое ценное, иначе все растения были бы похожи одно на другое…

— Может, мамуся, ты и права. Тем более, что борщ из осота очень вкусный.

Отец засмеялся:

— Это пока он молодой. Калина тоже похвалялась, что она очень вкусна с медом… Ты не забыл, надеюсь, что ответил калине мед?

— Нет, не забыл. Мед сказал, что «я и без тебя хорош».

— По правде говоря, того-сего положила для вкуса. Говорят же, что и «ботвинка любит солонинку». Да и осот не отбросит ее за плот[1].

— Ты, мама, скоро будешь стихи писать. Так у тебя складно получается, любо послушать.

— А что, сынок, если бы в свое время я могла учиться, так, наверно бы, и стихи сочиняла… Бывало, начну петь, так только мне первые слова из старой песни нужны. А дальше такое свое добавлю, что люди дивились. «Откуда, говорят, у тебя, Текля, что берется?» Теперь слушаю, как иногда некоторые по радио поют, ей-право, лучше бы спела и складней…

— Это ты от зависти так говоришь, Текля, — пошутил отец. — По правде говоря, есть у нас неплохие певцы и певицы. Ну хотя бы Марьяна. А дочка ее, Ганна? Признаться, выйду порой из кузни, когда они в огороде хлопочут, и прошу: «Спойте вы, соседки, немного. Что вам, жалко голосу для добрых людей?» А Марьяна смеется: «Хорошо, Антон, что хоть ты сам себя похвалил. За это мы и споем тебе, доброму человеку…» Обошел я и объехал вокруг света, а таких певуний не слышал…

— Правду, Антон, говоришь! Мне даже завидно бывает. Хорошо Марьяна поет, но не так. А вот ее дочь, Ганночка, — просто диво-дивное… Один раз услышит — с голоса в деревне, то ли по радио, или с пластинки, — и все. Словно весь год ее поет. Да как!..

Антон Иванович, помолчав, сказал:

— Ко всему способность от природы. От родителей. Кто его знает отчего…

Мать вела разговор дальше:

— Марьяна мне рассказывала, что недавно она была в городе

и зашла в магазин купить пластинки для патефона. Ганна слышала, как по радио исполняли оперу «Черевички». Вот и попросила свою мать: «Купи мне оперу „Черевички“». Марьяна в магазине и спрашивает: «У вас „Черевички“ есть?» А продавщица ей в ответ: «Какие „Черевички“? Это ж опера, это целых четыре пластинки». Марьяна, она тоже языкастая: «А вам что? Хоть двадцать четыре. Я плачу деньги». Продавщица опять свое: «Зачем тебе опера? Ты же деревенская. Возьми лучше частушки». А Марьяна, разозлившись: «Возьми ты их, говорит, себе домой, а мне дай то, что я прошу».

Адам заинтересовался:

— И что же? Дала она ей «Черевички»?

— Дала. Помогла какая-то женщина, стоявшая рядом. Она обратилась к продавщице и спросила: «А кто вам дал право так разговаривать с покупателями? Раз вас просят, а у вас есть — продайте!» Так подумайте, та еще и огрызнулась: «Я знаю, кому что продавать. Вам я не предложу частушки. А им это в самый раз».

Ну и женщина нашла что сказать. «Вы, говорит, не забывайте, что в нашей советской деревне есть очень много таких культурных людей, которым могут позавидовать некоторые городские. Вот, говорит, если на то пошло, ни один деревенский человек, когда вы будете спрашивать меду, не предложит вам дегтю или скипидару. А вы что делаете?»

Продавщица глянула, как середа на пятницу, но дала и больше ни слова не сказала…

— А я, мамочка, и не знал, что такие интересные пластинки у Ганны есть.

Отец обратил внимание на другое:

— Из всего, что ты рассказала про Марьяну, интересно одно. Действительно, та женщина правду сказала: в деревне есть много культурных людей, а будет еще больше, — преподаватели, врачи, агрономы, наша молодежь. Не будет молодежь бежать из деревни в город… Сколько у нас интересной работы, сколько нужно специалистов. Да и города, мне думается, не будут увеличиваться безгранично. Они также начнут больше тянуться к природе, к лесам. А захочешь в столице побывать, в театре — все тебе: хорошие дороги, машины, даже самолеты регулярно летают из районов…

Так проходил обед. И шутки, и дела, и смеху вдоволь. Адам подумал, что отец ничего не знает о сегодняшнем событии в школе, и хотел сам рассказать ему. А то будет досадно, если узнает от посторонних людей. Как вдруг отец, вставая из-за стола, спросил:

— Забыл у тебя из-за «Черевичек» спросить: что там у вас в школе приключилось? Говорят, что Нина Ивановна то ли одного тебя, то ли весь ваш класс вон выгнала? Недаром сегодня Марьяна все одну песню напевала:

Маладыя малойчыкі
Жалю нарабілі…

— Таточка, это правда. Но тут произошло какое-то недоразумение.

И Адам рассказал отцу о происшествии, не утаив ничего.

— А почему ты так написал? Чего ты добиваешься?

— Тата! Я хотел высказать мысль, что капусту и огурцы, например, хорошо умеют сажать и выращивать без нас. А мы, поскольку мы школа, должны растить что-то новое, что может в дальнейшем оказаться лучшим… во всяком случае, не худшим, чем та же капуста. Вот, кстати, мама приготовила сегодня обед из молодого осота. Почему, например, не взять этот самый осот и не сделать его овощем? Изучали его? Применяли на практике? Мыши-полевки его корни натаскивают осенью в свои норки, делают запас на зиму, кормятся ими. Значит, в них есть все, что необходимо для живого существа, и витамины в том числе. Представь себе, что мы вырастили бы такой осот, такие сорта, корни которых весили бы по килограмму и больше… Он же может и зимовать в земле — не портится так, как картошка.

— У него, сынок, у этого осота, будь ему неладно, очень много семян. Если ему дать волю, так он лет через пять заполонит весь свет…

— Вывести такие сорта, чтоб и семена были, как у подсолнуха, скажем. Будут и корнеплоды, и растительное масло вдобавок.

— Я, сынок, как ты хорошо знаешь, человек малой науки. Но что мне в тебе нравится — какой-то твой широкий взгляд. На всё ты обращаешь внимание, до чего мне и не дойти… Одно только я знаю и понимаю хорошо: в каждой травке, в каждом растении есть что-то свое, непохожее на другие. Но одному тебе, хоть бы у тебя были две головы даже, этого не осилить.

— А на то коллективы у нас, на то мы коллективную жизнь строим! Мы в позапрошлом году еще привили для пробы грушу на разные деревья. На трех тополях прививки взялись хорошо и цветут-красуются в этом году. Разве это не интересно? Даже Иван Степанович удивился, похвалил нас…

— Это интересно. В воскресенье схожу погляжу… Дельная затея. Я тебе расскажу кое-что и из своей жизни. Вот, к примеру,

такой случай. Был я, как тебе хорошо известно, у французских партизан, в маки. Пока по-ихнему ничего не понимал, так ничего и не знал. А когда научился кое-как разговаривать, а главное, понимать, так мне однажды старик француз рассказал такое, что просто диво. Говорят, что ровно пятьдесят лет тому назад (а разговор наш был в 1943 году) во Франции была неслыханная засуха — все поля, луга повыгорали. Скоту угрожала гибель. И что же ты думаешь? Выкарабкались! Спасла, говорил он, «русская трава» — сахалинская гречиха. Ее было у них посеяно много, и она, несмотря на засуху, выросла такая, что только в сказке можно найти другую, похожую на нее. Говорил, что косили ее три раза за лето. И кормов хватило на всю скотину… Газеты всего мира писали тогда про это чудо.

— А мы, тата, и не знаем про нее ничего.

— Нет, сынок, неправда. Оказывается, знаем. Я, вернувшись на родину, разговаривал с одним агрономом и сказал ему про ту траву. А он мне в ответ: «Хотя поздно, но узнали и мы. Перед самой войной она была на больших делянках посеяна и у нас в Белоруссии: в двух совхозах и трех колхозах. На Могилевщине, если не ошибаюсь».

— Ну и как?

— А так… Началась война, и никто не знает, что с ней стало и какая от нее польза… Начнут сеять снова, не думай. Одно тебе скажу только: учись, не ссорься с учителями, а когда сам выйдешь в люди — станешь или учителем, или агрономом, — тогда и будешь практиковать с разными растениями. А теперь пошли, сын, в кузницу.

— Твоя правда, тата. Но что я могу сделать, когда в голове роится много разных мыслей, хочется попробовать именно теперь, когда эти мысли зарождаются. Потом, может, будут совсем другие мысли… Если б я собакам хвосты закручивал или катки по улице катал, так это было бы стыдно, а если я прививку какую сделаю вместе с друзьями да поинтересуюсь, что из этого получится, стыда в этом не вижу…

— Дело твое. Ты уже почти взрослый человек. А это твое увлечение, как у Марьяны и Ганночки к песням… Пой, когда поется! Одно только скажу: если ты действительно чем-либо обидел Нину Ивановну, попроси прощения у нее при всех. Она у вас добрая и умная учительница, даром что молодая…

А повеет ветер, поразгонит тучи

Наивным и доверчивым юнцом
Искусства ковки я хотел добиться.
Казалось мне, под гулким молотком
И жизнь сама должна мне покориться.

Василь Витка

В кузнице отец и сын сразу принялись за дело. Размеренный ритм ударов, звон металла не позволяют особенно думать о чем-нибудь постороннем: зазеваешься — испортишь изделие. Не зря смеются над тем молодцом, который, постигая кузнечное ремесло, стал делать для своего отца топор, потом перешел на нож, затем на шило, а кончил тем, что получился «пшик», когда бросил последнюю окалину в воду. Этот рассказ известен всем, но не все его помнят…

Раскаленное железо в ловких, опытных руках Адамова отца обретало нужную форму, шипело в лохани с водой, куда он бросал его для закалки.

Все же невольно в Адамовой голове появились мысли о сегодняшнем происшествии, а красная полоса железа, пока она не обрела в отцовых руках нужной формы, напомнила ему красную единицу на белой бумаге… Вот почему, наверно, Адам так старательно и увлеченно бил по этой полосе, по этой «единице» своей кувалдой да еще приговаривал: «Тебе — раз, тебе — два», пока она не свертывалась под отцовским молотком в пятерки и даже в шестерки…

Вскоре, часа через два-три, подошли к последней детали. Адам немного устал. У него в глазах начали мелькать огненные точки, похожие на снопы искр от раскаленного железа. Он работал без передышки, накаливая в горне очередной кусок железа, пока отец в эту минуту отдыхал.

Вдруг дверь в кузницу открылась, и вошел Сымон Васильевич. Он приветливо махнул рукой, а потом подал знак продолжать работу, так как хорошо знал, что значит для кузнеца остановиться не вовремя. Бросив деталь в воду, отец Адама спросил у директора:

— У вас какой заказ — срочный или не очень?

— Заказ не такой уж срочный. Когда закончите работу, я расскажу о нем.

— Ладно, Адаме, заливай огонь. На сегодня хватит. Ты мне крепко помог. Молодчина!..

Оба, кузнец и директор, вышли во двор. Отец немного насторожился: не предлог ли это, чтоб пожаловаться на Адама? Но директор сказал совсем другое:

— Адам твой действительно молодчина. Добрый, приветливый, послушный и, что особенно приятно для нас, учителей, и для вас, родителей, способный к ученью.

Отцу было лестно слышать такие слова от Сымона Васильевича, так как знал, что он слов на ветер не бросает, зря ни хвалить, ни бранить не будет.

Но Антону стало немного неловко, смущало то, что Адам все же что-то натворил.

Не ожидая, пока директор начнет разговор, он первый сказал, усаживаясь на скамейке возле кузницы, и пригласил сесть директора:

— Так-то оно так. Я очень благодарен вам за добрые слова. Но что-то там он в школе набедокурил…

Сымон Васильевич понял, что кузнец не без основания начал разговор.

— Это, брат Антон, дело житейское. «В спорах рождается истина». Спор — это не ссора. А у нас ведь учеников много. Один — свое, другой — другое. Не удивительно, что иногда и недоразумение появится. Уладится все.

— Что же там приключилось? — спросил Антон, делая вид, будто он ничего не знает о случившемся.

— Да фактически ничего. Адам откровенно высказался о том, что ему хотелось бы делать в пришкольном саду и на огороде. Не сошлись его мысли с нашими школьными планами. Но не надо забывать и о том, что у нас школа. У нас не только кружок натуралистов, в котором активно участвует Адам, есть у нас

автомобилисты, фотолюбители, заядлые спортсмены, радиотехники, химики… У каждого свое, каждое дело нужное… И в то же время не может наша Ботяновская школа стать, скажем, к примеру, фотошколой или мотошколой… Есть же еще музыканты, певцы, да какие! Надо думать и о них, надо добиваться, чтобы некоторых послали в консерваторию, в столицу…

— Я понимаю: забот у вас много, обо всех надо беспокоиться и думать. Адам иногда делится со мной своими планами. И я понимаю: немало в его мыслях интересного и нужного, да только не все ему по силам.

— В этом-то вся и загвоздка. Что можно, делаем в школе, должны делать, будем делать. А некоторых вопросов мы решить не можем. Для этого существуют институты, академии, научные центры… Что касается наших недоразумений, через несколько дней в школе будет общее собрание натуралистов, тогда все и выясним.

После этого Сымон Васильевич рассказал кузнецу про свой заказ и пошел домой.

Адам тоже вышел во двор.

— Навел порядок? — спросил отец.

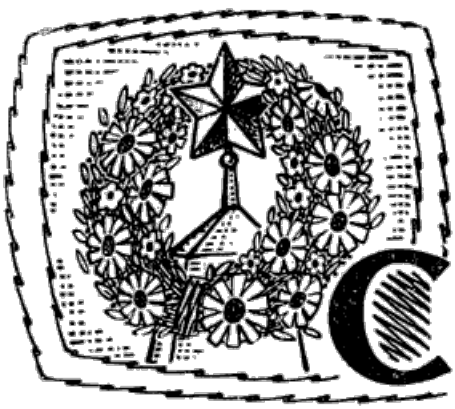
— Все убрал, тата… А директор ушел? Ничего он не говорил обо мне?

— Особенного ничего. Заказал мне кузнечную работу. Я сделаю ее вчерне, а вы там в своей мастерской все отшлифуете сами. Сказал, правда, что будет общее собрание учеников и родителей, на котором будет обсуждаться план летне-осенних работ в саду и огороде. Если я его правильно понял, они твои предложения принимают, но в то же время — это говорю я — не должно быть никаких недоразумений с учителями… Пусть повеет ветер, поразгонит тучи…

Когда весна была в полном расцвете

…Залечу твои раны,
осушу твои очи
и рукою расправлю
твой каждый листочек.
Подниму из руин
города все родные,
насажу в деревнях я сады молодые,
чтоб ты вечно цвела,
чтобы в счастье росла,
дорогая моя Беларусь!

Пимен Панченко



Сымон Васильевич приехал в районное местечко Пригожий Городок. Расположенный у самого озера, вдоль вытекавшей из него реки, городок был действительно пригожим, красивым. А река, приняв в себя несколько притоков — больших ручьев, через километра два была уже широкой, украшала окрестность.

Все улицы вымощены, перед каждым домом цветник, у каждого дома сад. А когда весна была в полном расцвете, сады создавали чудесную картину.

Казалось, что и листьев на деревьях нет — все утопало в розово-белом и алом цвету. Будто какой-то большой праздник был на свете.

А если подумать, так это и есть большой и необыкновенный праздник — праздник жизни, вечной и бесконечной, праздник возрождения природы после долгого зимнего сна.

Сымон Васильевич несказанно радовался. Ему невольно

припомнилась первая послевоенная весна, когда только-только прогнали врагов с советской земли…

Деревья стояли понурые, искалеченные… Кое-где мелькали цветы на деревьях, не так, как теперь, сплошными коврами…

Хаты разрушены, сожжены… Только фундаменты остались на усадьбах да широко раскрытые печи, из которых, как из ртов неведомых великанов, был слышен вопль: «Кривда! Кривда! Горькая кривда!..»

Женщины ходили замурзанные, с посеревшими лицами, будто они совсем не мылись… На лицах людских было горе, тоска, страдание… Не отыскали еще такой волшебной воды, которая бы смыла с людей следы горького, невыносимого страдания…

Да нет, нашлась такая животворная вода: мирная, счастливая жизнь. Изменилось все до основания. Даже не поверишь с первого взгляда, что у той женщины убиты на войне муж и два сына, а у той бабки замучена до смерти дочь-партизанка. В сердцах людских остались глубокие раны. Словно бы затянулись они, но ноют и болят перед непогодой…

Вспомнилось Сымону Васильевичу, как в Ботяновичи приезжали белорусские поэты и прозаики, читали свои новые произведения — стихи, басни, рассказы… Все — и взрослые и молодежь — сердечно приветствовали, внимательно слушали, дружными рукоплесканиями вознаграждали их за хорошие, интересные произведения…

Но вот один писатель прочитал небольшой рассказ из военного времени, в котором говорилось о том, как фашисты замучили до смерти маленькую девочку, связную партизан… Люди аплодировали, правда, как и всем, но, когда кончился вечер, подошла к тому писателю пожилая женщина и сказала:

— Хорошо вы написали, сынок, вспомнили правду горькую, но было бы лучше, если бы вы такого рассказа нам не читали…

Писатель невольно удивился:

— Почему?

— А потому, родненький мой, что у меня у самой было такое горе. Мою родную единственную дочь замучили вороги… Вот я уже — сколько лет прошло! — притерпелась как-то, а вы вновь задели меня за самое больное, привели меня на ту казнь… Вот и вспоминала я, как моя доченька ходила, разговаривала, шутила, песню пела:

О-о-ой, жыта спее…
Жыта палавее…

А вы мне напомнили, как ее мучили, как из нее жилы тянули… Не знаю, может, так и надо, а может, и не надо…

Смотрел Сымон Васильевич на встречных, со многими здоровался, а сам про себя думал: какие же песни, какие рассказы нужны этим людям, чтоб они становились еще более жизнерадостными, активными, работоспособными?

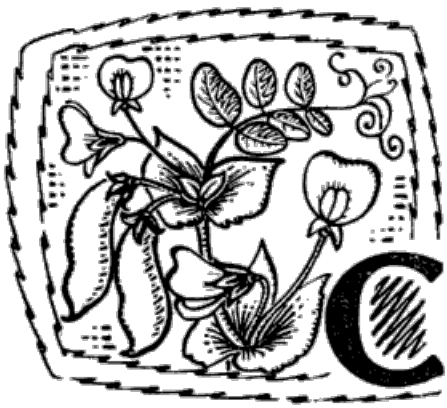
А сады цвели. Будто какая-то душистая пена океанского прибоя обдала эти деревья, все вокруг, и они в солнечном сиянии сверкали миллионами искр — искр красоты, жизненной силы, бессмертной жизненной силы…

А разве жизнь не океан? Океан непобедимый, страшный и радостный, веселый и грустный, созидающий и разрушающий, но всегда вечный…

«Текущие» и «праздничные» дела

Мы должны тщательно изучать ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками.

В. И. Ленин



Секретарь райкома партии Василь Григорьевич с первого взгляда был человек очень обыкновенный. Невысокий, худощавый, скромный, он ничем особенно не выделялся из ряда многих и многих работников. Единственное, что оставалось в памяти после встречи с ним, — это глаза. Спокойные, но проницательные, они будто читали на лицах собеседников то, чего они не смогли или, может, не успели высказать до конца. Тогда Василь Григорьевич, слегка улыбнувшись, взглядом, репликой, улыбкой ставил все на место. Это порой раздражало отдельных посетителей: все зависело от того, выгодна или не выгодна была такая ясность для них.

Будучи человеком одаренным, он все же много занимался, прочел сотни книг научной и художественной литературы. Знание жизни, чтение книг помогли ему во всем, и он говорил ясно, просто, красноречиво. Слушали его всегда с удовольствием, так как он украшал свою речь поговорками, меткими сравнениями. Не чурался и хороших стихов.

И вот он сидит в своем кабинете, просматривает официальные и неофициальные бумаги. Одним словом, занят текущими делами.

«Нет, это название мне не нравится, — решает он. —

Вспоминается народная пословица: „Текущая вода не вернется никогда“. Что-то, значит, прошло, протекло мимо тебя, ты хорошо не разглядел, не успел понять, что к чему. А там, глядишь, уже новая волна набегает».

Он даже улыбнулся при этом, но вошла секретарша и доложила ему о приезде Сымона Васильевича.

— Пожалуйста, пожалуйста! С большим удовольствием приму его. Давно не видел!.. Заходи, брат Сымон!

Сымон Васильевич поздоровался с Василем Григорьевичем. Обнялись. Что ни говори, фронтовые друзья, хотя Сымон Васильевич и намного старше.

Василь Григорьевич улыбнулся:

— Знаешь, чем я занимался перед твоим приходом? «Текущими» делами. А знаешь, что это такое?

Сымон Васильевич, немного подумав, ответил:

— Я никогда особенно этим словом не интересовался. «Текущие» и «текущие». Так, как скажем, коса, которой косят, и коса на женской голове. Когда слышу: «Надо отбить косу», не думаю о женской косе. Когда слышу: «Она лентяйка, мать ей до сих пор косу заплетает», не подумаю о той, которой косят.

— Э, брат, в том-то и дело, что на свете больше любителей «наклепать» на женскую косу, чем «отклепать», отбить стальную. Твоя филология как палка о двух концах.

— Конечно, тут есть элемент какой-то быстротечности, спешки. Не зря и на заседаниях «текущие» дела в самом конце рассматриваются, когда все участники устанут, начинают торопиться домой… Может, лучше сказать «мелкие», «обыденные»?

— Как ни назови, а если кто не хочет вникнуть в дело, оно всегда будет оставаться «текущим». Что же, постараемся ознакомиться с твоими делами, сделаем их не «обыденными», а праздничными… Погоди! Чтоб не забыть! Ты мне расскажи, какой это в твоей школе «подпольный» кружок существует, «Желтая акация», что ли?

— Он существует и, можно сказать, не существует. Но должен существовать. Наверно, и я на старости лет вступлю в него.

— Вот как! А что он из себя представляет?

— У нас в школе вообще хорошие ученики. Большинство — отличники. Троечников в старших классах почти нет.

— Без натяжки, честно?

— Без единой натяжки. Объясняется это, вероятно, не только хорошей и добросовестной работой учителей, но и усердием учащихся. Учительский коллектив исключительный — дружный, способный. Каждый любит свой предмет и стремится привить эту

любовь ученикам.

— Должно быть, и твоя заслуга в этом немалая? Есть же у нас и молодые учителя? Многие школы жалуются как раз на молодых преподавателей: «Нет педагогического такта… Нет опыта». Наверно, и ты слышал об этом от своих товарищей — директоров?

— Слышать-то я слышал. Но не понимаю их жалоб. Если ты настоящий директор, если ты хороший педагог, помоги младшему, поделись с ним своим опытом. Тут не надо много говорить, бывает достаточно одного доброго, искреннего слова.

— К сожалению, не везде так заведено… Послушай, что мне пишет одна молодая учительница:

> *На каждый мой урок начал ходить либо сам директор, либо завуч. Приходят с толстыми тетрадями. Не успею я сказать слово ученикам, как он раскрывает свою тетрадь и начинает что-то писать. Ученики перестают слушать меня, а поворачивают головы к «писарю» и стараются угадать: «А что он пишет?» Потом вызывает меня в кабинет, открывает свою тетрадь и начинает отчитывать: «Вы ставили вопрос так, а надо так, вы сказали так, а надо так…» Когда я ответила однажды, что и в учебнике написано так, как я говорила, так он мне ответил: «Учебники написаны для учеников, а не для учителя!..» Когда же приехал к нам в школу инспектор Евстигней Поликарпович Бараболка, побыл у меня, предварительно встретившись с директором, так они вдвоем наговорили мне такого, что у меня пропало всякое желание работать в школе. И я очень прошу вас помочь мне перейти на другую работу, хотя бы продавщицей в сельпо.*

Сымон Васильевич сразу же спросил:

— А какой предмет она ведет?

— Историю.

— Могу взять в свою школу с нового учебного года. У нас Тит Апанасович заболел. Просится на пенсию. Придется отпустить. А он очень хороший педагог. Будет помогать молодой учительнице.

— А что, если она действительно плохая учительница? Ты не боишься?

— Не верю я! Да и припоминаю что-то… Я ее на конференции видел. Хорошая девушка! Еще какая из нее учительница будет! На зависть той самой школе, где ей теперь житья не дают.

— Твое слово твердое? Хорошо, я попрошу, чтоб ее перевели в вашу школу. А как же кружок, как «Желтая акация»?

— Дело это интересное. Наша молодежь растет. Читает. Слушает радио. Бывает на экскурсиях. Начинает задумываться о таких проблемах, о каких мы в свое время, в годы своей юности, и не слышали даже или, если и слышали, не имели ни времени, ни возможности обращать на них должное внимание. Знают они много и делают много. У нас, как и в других школах, около двух десятков самых различных кружков: радио, авто, фото, химия… Есть и юные натуралисты. Юные натуралисты читали и про Лютера Бёрбанка, и про Мичурина, и про Вавилова. Заинтересовались они, понятно, мичуринской теорией, выведением новых культур на нашей почве. Да не только заморских, экзотических, но и своих дикорастущих. Говорят, надо дикорастущие, но полезные растения изучать, улучшать, увеличивать их ценные качества.

— Мысль вообще полезная и здоровая.

— Это нам с тобою так кажется. А вот товарищ Бараболка, оказывается, — я сам об этом недавно узнал — нашел в этом криминал, непотребщину и так напугал Нину Ивановну, что та вычеркнула из плана три нужных пункта.

— Бараболка? Он и про «Желтую акацию» мне говорил.

— Ясное дело, он. Больше некому. Этот Евстигней Поликарпович — удивительный человек.

— Интересно, какие пункты он счел криминальными?

— Она имела в виду собрать описание всех суррогатов, какими люди спасали свою жизнь во время оккупации, и затем собрать полный гербарий тех дикорастущих растений, которые богаты разными ценными веществами и во сто раз полезнее для человека, чем разные суррогаты. Возьмем для примера наш рогоз, или, как его зовут в других местах, пуховку, кугу, киевку. В корневищах этого растения находится до 45 процентов крахмала, 11 процентов сахара и до 25 процентов белковых веществ. Раньше из них пекли хлеб, готовили кисели. Даже печенье выпекали. Этого растения у нас множество. А люди во время войны душились мякиной или другими несъедобными веществами, лишь бы только как-нибудь обмануть свой желудок, дать ему какую-то работу… Таких примеров сотни…

— Черт возьми, я не слышал про это!

— Да как услышишь! Если что и печатают про такие растения, так в научных малотиражных изданиях, да еще название дадут такое, что для рядового читателя оно непонятно.

— Интересные дела!

— Еще какие интересные! Вот желтая акация и та выходит на сцену. Задумались юные натуралисты над тем, как бы ее сделать полезной для человека. Это же бобовая многолетняя культура —

кусты. Даже в диком виде она имеет в своих семенах до 35 процентов протеина, больше 4 процентов растительного масла, до 15 процентов клетчатки. Некоторые сорта имеют растительного масла до 12 процентов. «Флора СССР» отмечает, что семена желтой акации являются хорошим кормом для птиц, а в голодные годы использовались людьми. Но одна беда — семена мелкие, стручки сами по себе раскрываются и разбрасывают горошинки куда попало. Захотелось ребятам вывести такие сорта желтой акации, чтоб она при всех своих качествах давала большие стручки и чтоб они держались, пока их люди в руки не возьмут.

— Погоди, погоди! Слушаю тебя, а сам думаю: что-то знакомое! Где-то я читал, что наши ученые какие-то опыты проводят с желтой акацией. Не такое это, значит, криминальное дело, если академики занимаются им!

— У тебя, оказывается, память хорошая. Писали, но не все. В газетах писали, что академик Цицин проводит такие опыты. Под его руководством были сделаны десятки тысяч опылений, переопылений, но положительных результатов они не дали. Об этом пишут другие ученые. Шлыков в своей весьма интересной и капитальной книге «Интродукция и акклиматизация растений» дает другое освещение этого вопроса. У нас эта книга есть, я взял на всякий случай с собой. Могу прочитать несколько строк, если не задурил еще тебе голову.

— Что ты говоришь! Это ж не «текущую водичку» мы с тобой рассматриваем!

Тем временем Сымон Васильевич достал книгу, открыл нужную страницу:

> *— …Не менее показательны попытки скрестить однолетнее травянистое растение горох посевной (писум сативум) с древесным кустарником — желтой акацией (карагана арборесценс): попытки эти оказались безуспешными, хотя оба растения принадлежат к одному и тому же семейству. Неудача объясняется тем, что возникновение родов этих растений отделяют десятки миллионов лет: один из партнеров — реликт мелового периода (70–80 млн. лет), а другой возник где-то на рубеже современной и третичной эпохи, всего вероятнее в неогене (1–6 млн. лет), следовательно, история их становления различна…*

— Как это все интересно! — заметил Василь Григорьевич. — Миллионами лет швыряются академики, как волейбольным мячом… Миллионы лет! Да что же могут сделать ребята из Ботяновской школы, когда такой приговор дан этому делу? Надо

было почитать им об этом.

— Я читал. А они мне говорят: «Не боги горшки обжигают. Академики пускай делают свое, а мы будем делать свое. Будем соревноваться с ними, будем искать свои способы скрещивания». Они на тополе грушу привили даже.

— И как?

— На трех тополях прививки цветут. Сам смотрел перед отъездом. Осенью будем первые плоды пробовать.

— Все, что ты говоришь, Сымон, необыкновенно интересно. Возможно, эти юноши и девушки не добьются своего с желтой акацией, а преуспеют в чем-то ином, не менее ценном и полезном для нас. Но как приятно видеть и знать, что у нас растет такая славная и способная молодежь! Ты только подумай — наперекор всему, против ветра и грозы выходят на борьбу с самой природой!

— Основной их девиз — слова Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача». Я тебе скажу больше. У нас много разных кружков. Но ни один мне так не нравится, не захватывает меня самого, как этот. То ли на старости лет к земле потянуло, то ли действительно увлекся вместе с ними — не знаю! Я тебе расскажу еще про одно дело, но мне неловко, что я и так много времени у тебя отнял…

— Ничего, ничего! У меня маленькое затишье. Только вот одно… Жена работает, как ты знаешь, в больнице, а моей маленькой хозяйки — Нади — тоже нет дома, она еще в школе. Как придет — позвонит мне, сразу пойдем ко мне, пообедаем и все закончим. А пока рассказывай.

— Если так, начну рассказ о выведении новых сортов растений. Не подумай только, что это легенда какая-то. Самый настоящий факт. Фамилий я тебе не называю, так как они в этом случае значения не имеют. Тем более, что некоторых из участников нет в живых… Так вот слушай. Когда у нас начали делать первые шаги по осушению Полесья, в заграничную командировку-экскурсию поехала (в 1927 или 1928 году) группа наших агрономов-экономистов. Маршрут их пролегал по северной части Западной Европы, по тем местам, где болота осушивались давно, где был собран большой научный материал и, кроме всего, находились хозяйства-имения, опытные станции. Цель была такая: выяснить, как практически проводится осушение и как — это самое главное — используются осушенные земли, что на них сеют. Что они там видели, чему научились, я точно, не знаю. Наверно, были поданы соответствующие доклады и отчеты. Но вот что мне рассказал один из участников этой экспедиции. «Приезжаем на одну опытную станцию в северной части Германии. Все интересно. Обходим поля, смотрим, спрашиваем,

пишем. Подходим к одной — стоит стеной горох, да стручистый такой! Мы все удивились. Как известно каждому, горох хорошо растет и плодоносит на суходольной почве. Спрашиваем у хозяина: „Как вы вывели такой сорт гороха? Это же чудо, а не горох — на такой почве, на только что осушенном болоте! Как называется этот сорт?“ — „А это, — говорит хозяин, — ваш белорусский горох“. У нас глаза на лоб полезли. Покраснели мы все, как раки вареные. „Простите, — говорим ему, — но мы такого сорта не знаем“. — „Ничего удивительного в этом нет, — отвечает он. — Дело вот в чем. Во время мировой войны 1914–1918 годов я был офицером немецкой армии. Довелось бывать и в Белоруссии. Поскольку я агроном, меня все интересовало. И вот, проходя через ваше Полесье, я нашел на самой трясине горох. Он меня очень заинтересовал. Я собрал стручки — а дело было по осени — и отправил домой. Когда вернулся с войны, взял и из той горстки семян вывел побольше… Пожалуйста, возьмите, сколько вам надо, и отвезите на свою родину. Это мой подарок, да еще с большой благодарностью“».

— Черт знает что делается на свете! — воскликнул Василь Григорьевич. — Только подумать! А есть ли он у нас теперь, тот самый сорт гороха?

— Вот этого не знаю! Может, даже и нет. Сам знаешь, после войны всё начинали сызнова.

— Слушаю тебя, а сам думаю: не поехать ли с твоей молодежью на Полесье во время своего отпуска, закатать штаны да полазить всюду. Может, и мы с тобой, Сымон, что-то интересное там найдем.

Сымон Васильевич засмеялся:

— Тебя жена не пустит. С медицинской точки зрения: гипертония, гипотония… Да и работа твоя куда обширнее нашей.

Зазвонил телефон. Василь Григорьевич снял трубку:

— Надюша, ты? Пришла?.. Есть захотела?.. Даже очень! Со мной дядя Сымон. Так что накрывай на троих… Собирай свои бумаги и пошли, — обратился он к Сымону Васильевичу.

Лекарство от глухоты

…Побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства…

В. И. Ленин

Надя приветливо встретила отца и гостя.

Сели обедать. Во время обеда Василь Григорьевич спросил у дочери:

— А знаешь ли ты что-нибудь, доченька, про рогоз? Что в нем есть полезного для человека?

— Знаю. Есть много крахмала, сахар. Много хорошего в нем есть.

Василь Григорьевич обратился к гостю:

— Вот тебе, Сымон, юная натуралистка из Пригожего Городка!

Потом он снова спросил у дочери:

— Но откуда ты обо всем этом узнала?

— У меня, папочка, есть очень интересная книга «По следам Робинзона». Написал ее Николай Михайлович Верзилин. В ней говорится про многие нужные для человека и ценные дикорастущие растения.

— Почему же ты, Надюша, никогда мне об этой книжке ничего не говорила?

— Она написана специально для детей. Кроме того, у тебя нет времени читать такие книги. А еще — она недавно к нам домой вернулась. Ее брали мои друзья, так как в библиотеке ее

нет.

— Значит, интересная книга, если и друзья брали читать?

— По-моему, так даже очень интересная. И захватывает, на каждой странице дается все новое и новое. По правде сказать, подобной книги у меня нет и не было.

— Ты мне на ночь положи ее на тумбочку. Надо и мне почитать, проверить твою оценку.

Сымон Васильевич подтвердил слова Нади:

— Я знаю эту книжку. Надюша правильно говорит. Добавлю только, что и люди старшего возраста найдут в ней много для себя нового, интересного.

— Обязательно почитаю! — заинтересовался окончательно Василь Григорьевич. И, продолжая свою мысль о полесском горохе, сказал: — Для меня неясно только одно: почему мы сами не отыскали тот горох, не заинтересовались им?

Сымон Васильевич засмеялся:

— Да мало ли таких примеров есть еще? Во всем виновато какое-то наше равнодушие. Вот, к примеру, за границей вывели новые сорта салатных растений. За основу они брали те полезные дикорастущие растения, которые известны нам всем с детства: одуванчик, или, как его еще зовут, богатки, ключики-первоцвет, валерьяну, настурцию. А назвали их по-своему: рапунцель, рапункул, брункрес и т. д. Теперь мы привозим от них семена этих салатов и в академических даже изданиях — для придания этим салатам большей солидности и пикантности — пишем: «рапункул», «рапунцель», «брункрес». Не зная, подумаешь, что это, наверно, что-то вроде ананасов.

— Остается только подождать, пока из нашего осота не сделают какой-нибудь «трамтамтам», а из сныти — «пимпампам». Мне это очень напоминает то, как в столовых яичницу называют омлетом, а обычные мясные клецки — фрикадельками. А есть ли что действительно ценное в тех салатах или это только причуда какая?

— Еще бы! Возьмем для примера наши красивые весенние цветы первоцвета, или, как их еще называют, баранчики, ключики…

— Я их хорошо знаю! Сам в детстве ел эти золотистые цветы… Про них чудесная народная легенда есть, как ими весна небо отмыкает, после чего начинается великий расцвет на земле и запевают соловьи…

— Но в этих красивых цветах настоящий ключ к нашему здоровью: в листьях первоцвета находится до 6 процентов аскорбиновой кислоты, почти в пятнадцать раз больше, чем в апельсинах или мандаринах… Следует добавить, что в этой

чудесной травке есть еще много разных ценных веществ, которые использует научная и народная медицина. Учеными установлено, что корни первоцвета в пять раз более действенны при лечении, чем зарубежная ипекакуана или сенега…

— Надо нам самим взяться за эти ключики! Да и не только за них.

— Разве это все? У нас в резерве сотни, тысячи хороших полезных растений, но дикорастущих.

— Так почему же мы спим, медлим?

— Нет, братец, спать нам не дадут теперь такие герои, как твоя Надюша, как наш Скрипка, Лосик и многие другие. Они нас, в данном случае меня, крепко за фалды взяли. Я бы так и не приехал к тебе. Через два дня у нас должно быть общее собрание натуралистов совместно с учителями и родителями.

— Я слушаю, а в то же время думаю и размышляю. Мне почему-то кажется, что хорошо оборудованная и организованная школа может сделать в отношении отдельных растений не меньше, чем даже какой-нибудь ученый исследователь… Не хватил ли я через край, как по-твоему, Сымон?

— Нет, Василь Григорьевич, ничего лишнего ты не хватил. Я тебе дам пару исторических справок. Когда на Украине и в России начали сеять подсолнечник, то его использовали для лузганья и для кормления птиц. Академик того времени Севергин так и писал в своей книге «Наиболее употребление семени есть в пищу попугаям». Правда, он же добавил: «Можно получать из него масло». Но масла из подсолнечника тогда никто не добывал. А книга написана была в 1794 году.

— Откуда вообще взялся подсолнечник у нас?

— Подсолнечник впервые завезен в Европу испанцами в 1510 году. Но слушай дальше. В начале девятнадцатого столетия (1829–1833 годы) самый обыкновенный крестьянин слободы Алексеевка, Воронежской области, Данила Иванович Бокарев своим умом дошел до этого и начал ручным прессом выжимать масло из подсолнечника. Это дало ему хороший доход. За ним потянулись соседи. Потом нашлись находчивые предприниматели. Так и появилось подсолнечное масло людям на пользу.

— Польза от него немалая.

— Еще бы! На каждые сто граммов это масло имеет около 120 миллиграммов витамина Е, много линолевой кислоты да еще немало чего ценного и крайне необходимого человеческому организму. Не говоря подробно об их значении, отмечу только одно: подсолнечное масло, если его употреблять регулярно, снижает до нормы холестерин в крови, а в некоторых случаях

помогает рассасыванию атеросклеротических бляшек в кровеносных сосудах.

— Я тебе очень благодарен за эту интересную справку. Но ты обещал мне сказать, как именно школа может вести интродукцию, акклиматизацию и выращивание новых культур.

— Извини меня! Так много всего интересного, куда ни кинь, что я немного теряюсь. Вот пример из школьной практики. В 1904 году учитель Смирнов в Удмуртии посадил при школе семена кедра, полученные им из Томщины. После его смерти ученица, став учительницей, продолжала работу дальше. Вполне понятно, что и Смирнову и его ученице помогали учащиеся. Наконец при школе возник целый кедровый сад; в 1961 году там было 56 огромных могучих кедров, каждый из которых дает ежегодно по двести килограммов орехов. Обрати внимание на такое обстоятельство: кедр, растущий в тайге, дает нормальный урожай раз в три-четыре года, а тут плодоносит ежегодно. В чем дело? А весь секрет в том, что ученики ухаживают за деревьями, окапывают, подкармливают их. Вот деревья, этот самый чудесный кедр, и отдачу посылают ежегодно.

— Действительно конкретный пример! И самое интересное, что два поколения учителей и несколько поколений учеников ведут неустанную работу. Не надо и нам в некоторых случаях отмахиваться от таких задач, для решения которых потребуется не один год, а десятки лет.

— Правильное замечание, Василь Григорьевич, тем более что эстафету есть кому передать — смена растет надежная, трудолюбивая.

— Вообще все, о чем ты мне сказал, очень интересно и ценно. Взять хотя бы и кедр. Признаюсь, я тут мало что знаю. А может ли он хорошо расти у нас?

— Мы специально интересовались этим вопросом. Отдельные факты подтверждают, что расти он может у нас, но требует все же лучшей почвы, чем, к примеру, наша сосна. Есть даже небольшие посадки его и в Ботаническом саду нашей Академии наук. Для нас также интересной является практика Медведицкого лесного хозяйства Калининской области. Один научный работник этого лесхоза опубликовал недавно статью о результатах своей работы. Но плохо то, что для его посадок требуется «богатая, хорошо дренированная почва». Кроме всего прочего, кедр начинает давать орехи на двадцать пятом году жизни, а то и позже. Но люди овладели способом прививки кедра на нашу сосну…

— Стой, стой! Читал недавно заметку про это… Надейка!

Надя, которая уже занималась в соседней комнате, откликнулась:

— Иду, папочка!

— Скажи, дочка, где и что мы с тобой читали о прививке кедра на сосну?

— А это, папа, про Стрельнинское лесничество под Ленинградом. Там целые гектары напрививали. Еще ты сказал: «Надо и нам хоть пару гектаров занять».

— Слышишь, Сымон? У меня живые свидетели: читал, интересовался. Но признаюсь честно — забыл. В одно ухо вошло, в другое вышло. Суета, текущие дела… Не отказываюсь от своего прежнего объяснения. Правильно их назвали: текущие. Одна волна набегает на другую. Спасибо тебе, что напомнил. И тебе, Надюша, большая благодарность!

Надя шутливо отсалютовала по-пионерски:

— Всегда готова!

Сымон Васильевич усмехнулся:

— Благодарить нас не за что! Я очень рад, что так дело поворачивается. Я даже специальную докладную записку привез об этом. Пожалуйста, читай.

Василь Григорьевич бегло прочел записку.

— Ого! Целое научное исследование! Даже ссылки на научную литературу, на источники!

— Это составляли наши учителя. Говорят: чтоб не подумали, что мы все сами в Ботяновичах придумали, дадим библиографию.

— Это как раз неплохо, мои друзья с большим уважением будут обсуждать вопрос. Но почитаем, что тут такое у вас написано…

КЕДР СИБИРСКИЙ И ПРИВИВКИ ЕГО НА СОСНУ ОБЫКНОВЕННУЮ

Кедр сибирский (пинус сибирика) встречается в Предуралье, но основные его массивы находятся в Западной Сибири до 66° северной широты, в Центральной Сибири, в Алтайском и Хабаровском краях, вплоть до Тихого океана. Растет вместе с елью и пихтой, а местами и один — сплошными полосами. На горах поднимается до 2400 метров над уровнем моря, переходя в так называемую карликовую или стланцевую (от слова «стлаться, стелиться») форму (пинус пумиля).

Весь он, начиная от игл (хвои) до самого корня, имеет большую ценность для людей. В его хвое находится от

250 мг процентов до 350 мг процентов витамина С (аскорбиновой кислоты).

В хвое и в молодых ветках находится от 0,42 до 1,49 % эфирного масла. Дает живицу, из которой добывают скипидар с 6–20 % эфирного масла. Из этой живицы добывается бальзам, применяемый в оптической промышленности для склеивания стекол и улучшения их качества.

Кедровые семена содержат от 27 до 86 % высококачественного растительного масла, а из чистых орехов (без шелухи) масла выходит от 58 до 61 %.

Кедровые выжимки сохраняют в себе остатки масла до 12–15 %, имеют белок, крахмал, пентозаны, сахар. Масло питательно для людей, оно высокого качества. По своей пищевой ценности даже выжимки (жмыхи) превышают мясо и молоко, поэтому могут применяться в кондитерской промышленности.

Применяется кедр и в народной медицине как лекарство от глухоты, для чего делается настойка на скорлупе кедровых орехов.

Василь Григорьевич откинулся на спинку стула и громко, раскатисто засмеялся. Сымон Васильевич насторожился и удивился:

— Что-нибудь не так?

— Наоборот, все так, как должно быть! Но не мог бы ты, брат Сымон, срочно подготовить мне пару литров такой кедровой настойки?

Сымон Васильевич удивился еще больше. Он осторожно ответил:

— Подготовить все можно. Но зачем тебе? Ты же не глухой.

— Я-то не глухой, но перед тем, как буду обсуждать кое с кем этот вопрос, дал бы им по доброй чарке такого лекарства, чтоб им хорошо уши прочистило… Понимаешь или нет?

— Немного понимаю, немного нет.

— Да что ж это с тобой! Подумай лучше. Некоторые люди порой не слышат голоса разума. Нечего греха таить, встречаются порой такие. Короче говоря, глуховатыми они стали, а некоторые — становятся. Вот для таких людей кедровая настойка будет в самый раз… Но почитаем дальше:

Мелкослойная и легкая древесина славится прочностью и служит прекрасным материалом для столярных изделий. В шкафах, изготовленных из кедра, не водится моль, так как она не выносит запаха бальзама.

Это только часть его полезных и ценных качеств.

Наши советские ученые давно интересовались тем, как бы расширить его ареал (границы произрастания) на запад. Простая посадка экономически невыгодна, так как он требует сравнительно лучшей почвы, чем сосна, а кроме того, кедр поздно плодоносит.

Неожиданно на первый взгляд они пришли к очень интересным результатам. Еще когда-то, в двадцатые годы, в Красноярском крае В. М. Крутовских и О. П. Олисова начали делать прививки кедра на обычную сосну.

В дальнейшем научная сотрудница Академии наук СССР А. И. Северова провела плодотворную работу в этом направлении и, что самое главное, разработала и описала в своих научных трудах технику этого дела. Оказывается, кедр, привитый на сосну, начинает давать орехи уже на второй и на третий год.

Самое важное для нас, именно для Белоруссии, — это то, что по данным ее опытов, прививочный материал от кедровых деревьев заготавливается в январе — марте и затем хранится в холодных помещениях, так как он в момент прививки должен быть еще в стадии зимнего покоя.

Это значит, что можно заранее приготовить нужное количество прививочного материала, привезти его в Белоруссию без спешки и нормально прививать к молодым (от 3 до 6 лет) сосенкам.

Наша школа вела предварительную беседу с правлением колхоза «Светлое будущее», и оно согласилось выделить для этого дела делянку молодого сосняка на площади до одного гектара, если не будет никаких возражений.

Для того чтобы ученики своими глазами увидели практические результаты такой чудесной работы, желательно послать небольшую экскурсию в Москву. Вместе с тем надо договориться с соответствующим научно-исследовательским учреждением в Сибири, чтоб оно дало советы и оказало содействие в заготовке прививочного материала.

На все это потребуются деньги, которых школа не имеет.

Доклад составлен на основании работ В. Верещагина, К. Соболевской, А. Якубовой «Полезные растения Западной Сибири», А. И. Северовой «Прививки кедра на сосну» и

труда А. И. Ирошникова и др. «Способы прививки сосны обыкновенной на кедр и кедра сибирского в Средней Сибири».

Учителя Ботяновской школы Нина Ромейка и Иван Радько.

Когда Василь Григорьевич кончил читать, Сымон Васильевич спросил его:

— Ну как?

— Написано хорошо и ясно. Не обижайся на меня за шутку о лекарстве от глухоты. Очень к месту пришлась… Лекарства нам никакого не нужно будет. Все мои друзья, с которыми буду советоваться, люди умные, инициативные. Чует мое сердце, что они примут это предложение на «ура». Деньги на такое дело найдем. Под лежачий камень вода не течет.

— Лютер Бёрбанк в своей книге «Жатва жизни» сказал еще интереснее: «Я никогда не видал, чтобы чего-нибудь достиг человек, привыкший комфортабельно сидеть, откинувшись назад в своем кресле из соснового, орехового или красного дерева, и ожидать, что дело пойдет само собою».

— Правильно и это, Сымон Васильевич! Ветер может принести пыль, даже труху какую-нибудь, но из далекой Сибири кедровых веток не принесет. Ты говоришь чистую правду. Одним словом, дело решим так. Если у тебя нет больше ничего срочного, я тебя задерживать не буду. Сделаю сам. Про «Желтую акацию» кому надо голову просветлю. До вашего собрания пришлю вам, надеюсь твердо, положительный ответ. У меня насчет Москвы есть хорошая мысль, но ее тоже надо согласовать: ваша школа передовая, ей можно, даже надо дать несколько путевок на Всесоюзную выставку. А вот про деньги для поездки в Сибирь — подумаем.

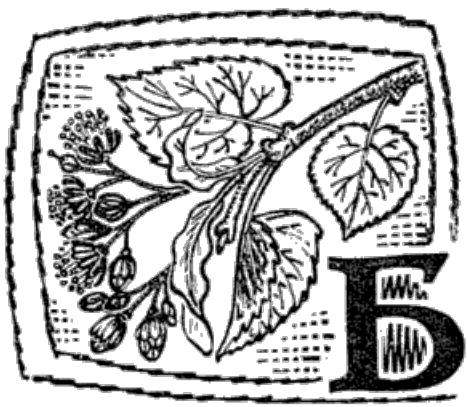
— Ты меня обрадовал, Василь Григорьевич! Главное-то, что наши юные натуралисты будут иметь возможность проявить себя всесторонне. Большое тебе спасибо!

— Дорогой Сымон Васильевич! Тебе тоже большое, большое спасибо! Если даже ваши планы осуществятся наполовину, и то будет необыкновенное достижение. В добрый час! Будь здоров!..

И баран бы косил, кабы косу кто носил

А из окон — с центра до окраин
—
Голоса летят — и все слышней:
«Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей».

Владимир Шаховец



Ботяновские юные натуралисты подготовили специальный выпуск стенной газеты. Она должна выйти к собранию. Собрание, что ни говори, необычное. Понятно поэтому, что не совсем обычным было и редактирование газеты. Авторов набралось больше, чем можно было ожидать. Одних заметок-статеек написали десятка три. Поместить же в газете можно было только половину, не больше. Дело в том, что, кроме заметок, должны быть рисунки и надписи — цитаты из произведений известных ученых.

Тем временем с любителями растений приходили любители рыб, птиц, разных зверьков. Каждый доказывал, что без его заметки «никто на газету и смотреть не будет…»

Один мальчик, в общем неплохой, Ципруков Василек, подал заметку про хрущей. Основываясь на своих собственных наблюдениях, он констатировал факт, что хрущ — силач. «Видел своими глазами, как он придушил овода!» — утверждал Василек. И он пришел к выводу: «Надо научить хрущей, чтоб они давили колорадских жуков, как только те устремятся к картофелю».

Дело, конечно, было бы неплохое, но весь вопрос в том, как

их научить и кто будет заниматься таким обучением. А самое главное, согласятся ли хрущи выполнять такие обязанности?

Молодые редакторы смеялись над ним, уж очень комичным показалось им все это предприятие.

Нина Ивановна тоже читала эту заметку. Выслушав реплики учеников, она посмотрела на дело по-другому.

— Смеяться можно. Я сама насмеялась вдоволь. Но не забудьте, что Василек своим умом дошел до такой задачи, над которой теперь работают сотни известных ученых. У Василька правильно продуман метод, но неправильно практическое предложение. Почему он предложил именно хруща? Только потому, что, по его мнению, хрущ очень сильный. Этого мало, ученые нашли такую жужелицу, которая и сама и ее гусеницы в больших количествах поедают гусениц колорадского жука, так как для них колорадский жук является вкусной, необходимой для существования пищей. Эта тема — использование одних вредителей для уничтожения других — является очень важной, и я через некоторое время прочитаю вам специальный доклад. А теперь отдадим Васильку его заметку и объясним, в чем он стоит на правильном пути, а в чем ошибается.

Василек взял назад свою заметку и обещал окончательно подготовить ее в очередной номер.

Петраченковых Галя написала о том, как белка грибы сушит на зиму. Даже сама нарисовала: на высокой сосне на поломанных ветром (или еще каким способом) ветках понатыканы боровики, а белка хлопочет около них, как хозяйка у печи.

Заметка сама по себе интересная, но рисунок не очень хороший: некоторые боровики величиной с белку. Пришлось срочно устранить этот недостаток.

Роман Карпович, школьный художник, иногда, подправляя ученические рисунки, объяснял недовольным авторам: «Нет места… не позволяет место… не лезет в рамки».

Рамки у него были линейки — черточки с делениями, которыми большой лист бумаги делился на столбики.

Борис Шуцкий написал про муравьев. Как они уничтожают разных червяков, жужелиц, жучков, вредных для растений. Доказывал — не сам же из своей головы, а из какой-то книги, наверно, — что муравьи только одного муравейника уничтожают за год не менее шести миллионов таких именно вредителей. Писал, что в школьном саду надо обязательно завести свой муравейник, тогда не надо будет, по его мнению, опрыскивать деревья всякой медянкой или чем-то еще. Заметку его приняли к печати, так как действительно написана была умно, грамотно, как говорят, с огоньком.

Но это все мелочи по сравнению с заметками о растениях. Писали их ученики старших классов. Они имели свой собственный взгляд на вещи и не очень легко поддавались редактору. Тут шла «война» за отдельные слова, не говоря уже о стиле. Вот хотя бы Гиляр Стома. Написал он про липу, про липовое растительное масло. Будто все гладко, чисто, понятно.

Но редактор, эта самая Зося, которая еще в пятом классе спрашивала у Гиляра, как будет лучше: «собрался в дорогу» или «вырядился в дорогу», за два-три года набралась сама такой мудрости, что, как Гилярова мать говорит, «аж пух летел» с тех хлопцев. Вот и теперь она укоряла не за содержание — так как что она может сказать против науки! — а за стиль.

— Гиляр! — сказала Зося. — Ты пишешь: «Нам необходимо провести следующие неотложные мероприятия по быстрейшему осуществлению всех поставленных перед нами в этом направлении задач». Можно подумать, что ты кому-то на пятки собираешься наступать. Ты слышал когда, чтобы кто-нибудь у нас так в деревне говорил? Скажут просто и ясно: «Нам надо сделать», и так далее. И мы так напишем: «Для того чтобы быстрее прийти к цели, мы сделаем вот что».

Гиляр разозлился:

— Ты не очень-то черкай! Так в газетах пишут.

— В газетах — больше места, мало времени — они печатаются за один день. А у нас времени хватает, мало места, и, кроме всего, нашу газету будут читать более внимательно. Потом в клуб возьмут, там висеть будет недели две.

Как ты ни упирайся, а я твою заметку переделываю вот так:

ЛИПА — МАСЛИЧНОЕ ДЕРЕВО

Мы все хорошо знаем липу. Она когда-то обувала людей (лапти). Она давала мочалу, из которой ткали (и теперь еще ткут) рогожи, вили и вьют веревки. Из ее цветков пчелы наносят много душистого, вкусного меда. Имеет она хорошую древесину, из которой делают мебель. Молодые липовые листья можно есть как салат.

Кроме того, липа дает людям наслаждение своими цветами, своей красотой. Недаром у нас седьмой месяц года, когда цветут липы, так и называется — липень.

Но, оказывается, это не все. Есть у липы еще одно ценное и очень важное качество: в ее орешках-семенах много растительного масла: от 53 до 58 %.

Масло полезное для людей, вкусное, с приятным запахом липового цвета.

Почему бы нам не заинтересоваться нашей красавицей липой, не начать использовать это ее ценное качество?

Надо только вырастить новые сорта липы, с крупными семенами.

Для того чтобы прийти к цели, мы должны сделать вот что. Собрать самые крупные, самые лучшие орешки с окрестных лип, посадить их около школы, ухаживать, удобрять, чтоб липы росли быстрее и чтоб давали орешки покрупнее.

В этом году мы всей школой должны собрать не меньше центнера липовых орешков-семян, выжать из них масло, чтоб все люди посмотрели, попробовали и убедились, что дело это нужное и полезное.

Прочитав эту заметку, Зося посмотрела на Гиляра. Немного подумала. Потом снова взяла в руку карандаш и черкнула по всей первой половине Гиляровой заметки.

Тот даже подскочил:

— Что ты делаешь?

— Ничего плохого.

— Ты мне зачеркнула всю заметку!

— Лишнего ничего я не черкала. Ты слышал, как у нас сельские мудрецы говорят: «И дурак знает, что в воскресенье праздник!» А как мы с тобой начинаем?

«Мы» — это она сказала дипломатично, будто и она соавтор этой заметки.

— «Мы все хорошо знаем…» А если мы все хорошо знаем, так зачем тогда и голову людям дурить? Скажи о том, чего мы не знаем. Так и начни:

Не все знают, что, кроме хорошего, нам известного (мед, лыко, мочала, древесина, лекарство от простуды), липа имеет в своих орешках-семенах от 53 до 58 % питательного масла.

Нам надо использовать это ценное качество липы.

Мешает только то, что орешки мелкие и собирать их долго.

Надо, значит, вырастить новые сорта липы, с крупными орешками. Такую задачу поставили перед собой юные натуралисты Ботяновской школы и надеются, решить ее успешно.

На этом, дорогой Гиляр, все.

— Я не согласен.

— Иди жалуйся Нине Ивановне! А мне некогда с тобой спорить. У меня еще черный паслен не отредактирован.

Гиляр забрал обе заметки и пошел к Нине Ивановне.

Нина Ивановна тоже была в школе. Она вела общее наблюдение: была и у художников, и у составителей гербария, который они готовили к выставке. Одним словом, она поспевала всюду. Настроение у нее было не только хорошее, но необыкновенно доброе, приподнятое. Как раз сегодня, в самом начале урока, Адам Скрипка попросил у нее прощения. Да как! Это надо было видеть и слушать самому.

Немного волнуясь, он сказал:

«Нина Ивановна! Я прошу вас извинить меня за все то, что из-за меня произошло на вашем уроке. Я знаю сам, что такое тяжелая работа, а ваша работа не легче, чем работа моего отца в кузнице… У меня на сердце очень тяжело… Я прошу вас снять с меня эту тяжесть…»

Тут снова случилось неожиданное. Весь класс встал и чуть ли не в один голос добавил:

«Извините! Извините и нас!»

Нина Ивановна, рассказывая об этом Сымону Васильевичу, признавалась ему:

— Не знаю, не понимаю, Сымон Васильевич, как я не расплакалась… Я только сказала им: «Прошу вас, сядьте. Между нами, будем так считать, ничего не было плохого и, будем твердо надеяться, никогда ничего плохого не будет. Я тоже в чем-то виновата… В том, что своевременно не провела свой план через педагогический совет. А в нем есть как раз такие работы, из-за которых совершенно неожиданно возникло то недоразумение. Теперь мой план утвержден, и я могу вам прочитать его». Когда я прочитала, все ученики зааплодировали. Я еще добавила потом, что, возможно, некоторые наши ученики поедут в далекую экскурсию, а некоторые на Полесье. Для них всех это было как большой праздник, а для меня…

Сымон Васильевич спросил:

— А для вас?

— А для меня и большой праздник, и наука на всю жизнь.

Вполне понятным должно быть сегодняшнее настроение Нины Ивановны, когда к ней обратился Гиляр Стома:

— Нина Ивановна! Почитайте, пожалуйста, эти две заметки и скажите, какая из них лучше.

Он надеялся, что будет одобрена первая редакция.

Нина Ивановна прочитала, подумала немного и сказала:

— Они, Гиляр, обе хорошие. Но вторая короче, больше

подходит для стенной газеты: ясно, коротко и точно. Отдай Зосе и скажи, что я похвалила вторую.

Куда деваться? Отнес и отдал.

— Ну, что тебе сказала Нина Ивановна?

Гиляр, не удержавшись, засмеялся:

— Что с вами, женщинами, сделаешь: вы всегда заодно! Печатай вторую.

С черноплодным пасленом было немного иначе. Дело в том, что если липу действительно все хорошо знают, так черноплодный паслен никогда такой популярностью именно в Белоруссии не пользовался. Наоборот, родители, бывало, предостерегали детей: «Не ешьте их! Смрад какой-то! Какие-то собачьи ягоды!» Ну и не ели. Хватало вкусных ягод и без него: смородина, малина, ежевика, костяника, земляника, клубника, калина, рябина, голубика, черника, брусника, клюква… Да и это еще не все: крыжовник, боярышник, терн. Кому он нужен, тот черный паслен? У нас и черемуху никто не ел.

Возможно, что те сорта черноплодного паслена, которые являются туземными у нас, и имеют в себе что-нибудь отрицательное. Речь идет о сортах, распространенных на востоке Советского Союза — от Урала до Амура, из которых выведены новые культурные, высококачественные сорта. Там их издавна используют вовсю: едят сырыми, варят варенье, начиняют пироги и пирожки. Попробуй напиши про него коротко, да еще так, чтоб заинтересовать им людей.

Сымон Жук поработал много. Сперва он прочитал несколько журналов и книг, в которых рассказано про ягоды этого ценного растения.

Книги дала ему Нина Ивановна. Прежде всего — «Полезные растения Западной Сибири». В журнале «Советская ботаника» Сымон прочитал статью профессора В. В. Иванова про историю самого растения. В журнале «Природа» — статью профессора В. Н. Ржавицина с анализом полезных качеств. А тут еще, совсем неожиданно для себя, прочитал книгу про египетские пирамиды[2], в которой нашел нечто совершенно необыкновенное.

Оказывается, был когда-то в Египте фараон Тутанхамон. Приблизительно три тысячи лет тому назад он умер. Его похоронили в гробнице, которую нашли и вскрыли совсем недавно. И что бы вы думали? Когда ученые прошли через все покои этой величественной подземной гробницы, когда дошли до самого последнего и открыли его, то увидели там неимоверные сокровища: золото, изделия из золота и драгоценных камней.

Вместе с тем в сказочной фараоновой гробнице поверх всех драгоценностей ученые увидели венок из простых цветов: из

васильков, мандрагоры и черного паслена. Даже краски на этих цветах сохранились, не поблекли. Будто свидетельствовали эти простые цветы через тысячелетия нам, потомкам, что богатство, золото — суета одна, а цветы вечны и обновляются из поколения в поколение.

Припомнил он слова народной песни, использованные Максимом Богдановичем в своем произведении:

Не найти цветочка
Краше василечка!

Вспомнил стихи многих белорусских поэтов про этот цветок. Особенно внимательно прочитал стихотворение Максима Лужанина, написанное им в Германии в конце Отечественной войны:

Да, жил я в стороне чужой,
средь языка совсем чужого,
и был я счастлив всей душой,
когда родное слышал слово.

А если тех родимых слов
не находил вдали от дома,
тогда деревьев и цветов
искал я близких и знакомых.

Я слушал шорохи в ветвях,
когда по-нашему шумели,
и письма слал на облаках,
которые в мой край летели.

Но что напрасно обходить
чужие пышные долины,
они не могут заменить
моей страны цветочек синий.

Пускай он сорная трава…
Мой василек! Я, не жалея,
тебя из поля вырывал,
из сердца вырвать не умею.

В узор на поясках родных
вошел ты, вечный, неизменный,
сроднился с песнею ткачих

и с их работой вдохновенной.

Сымон вспомнил о том, что написано про этот цветок: из него готовят лекарство, им промывают глаза, чтоб они яснее были.

Корень мандрагоры, пока не стал известен женьшень, на протяжении тысячелетий был «корнем жизни». Значит, и этот вопрос для Сымона стал ясным.

Но черный паслен? Почему же он был положен в гробницу фараона Тутанхамона вместе с васильками и мандрагорой?

«Значит, — думал так Сымон, — еще три тысячи триста лет тому назад черный паслен имел какое-то важное значение для людей, имел такие качества, каких мы досконально не знаем до сего времени».

А какое значение? Что в нем ценного?

Вот теперь попробуй, Сымон Жук, ученик восьмого класса Ботяновской средней школы, написать в заметке про черный паслен так, чтоб это было понятно, интересно и чтобы люди начали сажать его.

Как он ни старался — переписывал раза три, — как ни сжимал, но заметка вышла великовата. Вручая ее Зосе, он сказал:

— Знаешь, Зося, хотел написать как можно короче, но не получается.

Зося прочитала. Покачала головой, подала Роману Карповичу. Тот сразу сказал:

— Не лезет в рамку!

Стал читать. Задумался. Кто его знает, о чем он подумал, но сказал Зосе одно:

— Заметку и в журнал не стыдно послать. Смотри, Зося, сама. Может, что-нибудь другое сократим? Интересно написано. И ценные сведения собраны.

Зося подумала, взяла карандаш и… (Сымон даже глаза закрыл) вычеркнула вступительные рассуждения, потом сняла концовку.

— Сымон! Не обижайся. Вступление повторяет то, что сказано в нашей передовице. Концовка — будто отгадка на загадку:

Бегала лиска
Возле леса близко.
Ни стежки, ни дорожки,
Только золотые рожки.

Загадка? Да. Очень красивая. Дай людям подумать. Пускай проследят весь путь этой лиски, пускай некоторые ошибутся —

другие поправят. А ты что делаешь? Сразу — бряк: «Молния!» И вся красота пропала. Никому не интересно рисовать в своем воображении всю ту картину: как она бегает, какие у нее рожки. Так вот и у тебя, в твоей статье. Пускай люди сами, прочитав, подумают и скажут: «Такое интересное растение, такие ценные у него свойства. Надо достать семян, посадить, вырастить, попробовать». Одним словом, твою «отгадку» — вон! Не торгуйся, Сымонка, не спорь!

Сымон засмеялся:

— Зосенька! Разве я торгуюсь? Я тебе сразу сказал, что у меня короче не выходит. Только и всего.

Сымон Васильевич улыбался и думал:

«Лучше, чем квалифицированный редактор объясняет! Мне самому, когда я послал когда-то свое стихотворение в редакцию, ответили: „Не пойдет. Пишите лучше прозой“. А когда попробовал послать маленький рассказ, ответили: „Не пойдет. Пишите лучше стихами, так легче!“ Выходит: „И так сгинул, и так пропал“. Больше я ничего не писал ни прозой, ни стихами. Теперь бы, наверно, прошел: в некоторых произведениях сотня мудрецов не сможет понять, где стихи, а где проза. Но теперь уже поздно».

— Зося, — обратился к ней Сымон Васильевич, — разреши мне посмотреть его сочинение.

— Пожалуйста, — ответила девочка. — Простите, я даже устала, редактируя. За это время сама что-то сделала бы.

— Сделаешь, Зося, сделаешь. Еще вся жизнь впереди.

Сымон Васильевич начал читать, кинув взгляд и на зачеркнутое вступление, без которого действительно можно было обойтись:

ЧЕРНОПЛОДНЫЙ ПАСЛЕН — ОЧЕНЬ ЦЕННАЯ КУЛЬТУРА.

Черноплодный паслен растет почти на всем земном шаре, нет его только на Крайнем Севере.

На протяжении тысячелетий люди потребляли его.

Распространению его на огромных пространствах, вероятно, способствовало то, что у него очень стойкие семена: не теряют всхожесть по нескольку лет. Кроме того, в нем много других хороших качеств.

Ученый В. В. Иванов сделал подробный анализ и утверждает, что в ягодах черного паслена находится:

азотных веществ 1,41 %

органических кислот 2,91 %
сахаров 16,73 %
клетчатки 3,82 %
витамина С 1,63 %

В самих семенах есть от 20 до 30 % растительного масла.

Все ученые отмечают, что у черноплодного паслена витамина С в четыре раза больше, чем в лимонах, мандаринах, апельсинах. Есть еще в них каротин (провитамин А), есть много других ценных веществ, каких мы не упоминаем, поскольку они недостаточно изучены специалистами.

Человеку достаточно съесть за день 100–200 граммов свежих ягод черноплодного паслена, чтоб полностью обеспечить свой организм витамином С.

В давние времена употреблялся и теперь употребляется как лекарство от многих болезней (например, эпилепсия, менингит).

Зелень используется для изготовления красок разных цветов, в зависимости от протравы: коричневой, серой, зеленоватой, голубой, синей.

Выведены культурные сорта, дающие, конечно, более крупные и вкусные ягоды; из них готовят хорошее варенье.

Очень легко размножается. По этой причине рекомендуется сажать по краям огорода. Плодоносит до самого снега. Расстояние куста от куста — 50–60 сантиметров.

Заметив, что директор прочитал статью до конца, Сымон спросил у него:

— Как вам понравилось мое произведение, Сымон Васильевич?

Чтобы не подрывать авторитет молодого редактора, директор уклонился от оценки, а дипломатично ответил Сымону:

— Я молчу. Первое слово — Зосино.

Зося поняла этот шаг директора. Как-никак он считается с тем, что она — ответственный редактор стенной газеты.

— Нам понравилось. Будем печатать обязательно, но несколько сократим. Статья интересная. А теперь, Сымонка, иди. Мне надо заняться с Петруськом Боровиком, а он будет тебя стесняться.

Сымон вышел на улицу, а директор направился в соседний класс посмотреть, как идет подготовка к выставке.

Зося приветливо обратилась к шестикласснику Петруську,

принесшему в редакцию свое первое произведение.

— Ну, Петрусек, о чем же ты нам написал?

— Про джаз!

Зося от неожиданности засмеялась:

— Вот тебе и на! Одного только джаза нам не хватало! Да ты что, Петрусек?! Может, ты на солнышке перегрелся?

— Да нет, Зося, ты не смейся. Тут у меня сначала про лягушек.

Но это сопоставление еще больше развеселило Зосю. Начали улыбаться и другие члены редколлегии.

— Ну и шутник из тебя выйдет! Ты, наверно, будешь, как Кондрат Крапива, басни писать… А вообще-то лягушки к нашему кружку какое-то отношение имеют. Давай сюда свое произведение.

Петрусек подал Зосе лист бумаги, на котором аккуратно было написано:

ЛЯГУШКИ И ДЖАЗ

Недалеко от нашей хаты, за огородом, — небольшой пруд. В нем живет много лягушек. Их, правда, аисты глотают, но все равно хватает.

Я очень люблю слушать, когда они поют-квакают: сначала одна-две, видно самые запевалы, а потом все вместе.

Может, это кому и не нравится, но, по правде говоря, получается у них значительно лучше, чем когда по радио начинает играть джаз. Моя бабушка говорит: «Если б наших лягушечек столько учили, сколько тех калек, что так воют, то они бы слушать их (наших лягушек) из больших городов приезжали бы».

Я и подумал: а нельзя ли действительно этим лягушкам да какой-то хороший мотив дать? Скворцов учат говорить. А чем лягушки глупее скворцов? Может, даже более способные. Пускай скворец попробует так в воде и под водой плавать, как они. Но как их научить, никак не придумаю.

Дорогая редакция, подскажи!

Смеялась Зося, смеялся Роман Карпович. Смеялись Зоя Кирилловна и сам автор, Петрусек.

Зося начала расспрашивать:

— Никак не могу понять: ты серьезно это написал или в

шутку?

— Вполне серьезно. Вот приходите да послушайте, как стройно квакают лягушки, а потом послушайте, как джаз дудит. Тогда узнаете.

Роман Карпович обратился к девушкам:

— Мы смеемся, а читали ли вы в центральных газетах, как в Индийском океане дельфины за нашим кораблем «Ковель» плыли, пока на нем играли народные песни и вальсы?

Зоя Кирилловна ответила:

— Я читала. А когда после народных песен дали джазовую музыку, так дельфины сразу наутек… Еще как — кувыркаясь один через другого!

— Значит, Петрусева бабушка права. Знаешь, Зося, — обратился Роман Карпович к ней, — если эту заметку немного переделать, можно было бы дать ее в отдел сатиры и юмора. Подправишь, Петрусек, чтоб еще смешнее было?

— Нет, пускай Зося все сделает. Моя подпись только обязательно должна быть.

Зося возмутилась:

— Еще чего не хватает! Видали вы такого? «Дорогая редакция, подскажи, дорогая редакция, переделай, но подпись мою поставь!» А знаешь ли ты, Петрусек дорогой, что «и баран бы косил, кабы косу кто носил»? Учись жить и работать самостоятельно!

Петрусеку такой ответ не понравился.

— Если так, давайте мне мою заметку! Я ее без стенной газеты ребятам почитаю. Они у меня не потребуют никаких переделок.

Забрал свое произведение и направился к двери.

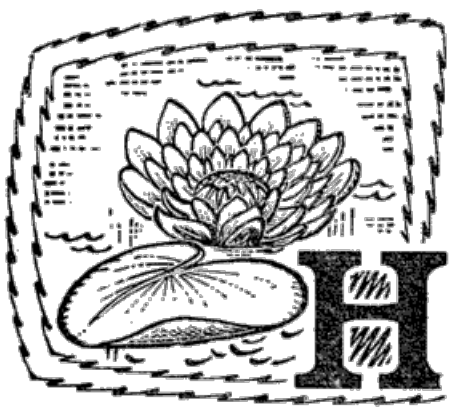
Пошутив немного на эту тему, редакторы разошлись: время обеденное. Уходя, Зося сказала своим старшим товарищам:

— У меня все. Можно показать весь материал Наталье Ивановне. Пускай она почитает. Возможно, кое-что поправит. Хочется, чтоб было не только интересно, но и красиво.

То не шум боровой над моей головой!.

Нам, друзья, со дня рожденья
Ярко светит на пути
Заповедное стремленье —
Жажда новое найти:
Оживить чертеж мотора,
Выгнать колос-богатырь,
Пересечь дорогой горы,
Влить моря в степную ширь.

Максим Лужанин



Незаметно подошел и день общего собрания юных натуралистов — воскресенье. Собрание было назначено на четыре часа, чтоб потом люди могли отдохнуть, но уже в три в физкультурном зале было полно народу.

И не так, как иногда бывает, ходят по очереди, по одному, а шли парами, целыми семьями. Пришел даже старый дед Тумаш, которому, казалось бы, можно было и не ходить: сыновья давно поженились, внуки повырастали, некоторые уже служили в армии.

Значит, было интересно побыть на этом собрании.

Зал был убран по-праздничному. Девочки сплели из плауна-дерезы гирлянды, украшенные, как самоцветами, весенними цветами. Убран был цветами и большой портрет выдающегося мечтателя и самого великого реалиста — Ленина. Рядом с ним были портреты Мичурина и Тимирязева.

На стенах были развешаны большие листы бумаги, к которым

прикреплены высушенные дикорастущие полезные растения, а над ними выписана большими буквами научная характеристика каждого: где растет, какие полезные для человека вещества содержатся в листьях, корнях, семенах. Тут были сныть, осот, бобовник, тростник, ситник, дубровка, репейник, аир, кувшинки желтые, лилия белая, липа, одуванчики, колокольчики, первоцвет… И это не все: зверобой, ландыш, лютик, пустырник, анютины глазки, кипрей (иван-чай), золототысячник…

Ученики и родители стояли у этих стендов, рассматривали знакомые всем с детства растения и удивлялись:

— Ты только подумай! Стрелолист болотный, который, бывало, свиньям только кинешь, а он:

Стрелолист (сагиттария трифолия). Растет по берегам озер, на болотах. Корнеплоды можно употреблять в пищу людям. В высушенных — до 50 % крахмала. Кроме того, есть декстрин, пентазаны, сахар. Очень полезен для водоплавающих птиц, для рыбы. Разводить можно корнеплодами.

— Лилия, белая лилия! — слышалось в другой группе. — Казалось бы, обычные водоросли… А у нее:

крахмалу до 50 % в семенах да 20 % в корневищах, белков до 8–9 %, сахару до 18–20 %… дубильные вещества…

— Камыш, тот самый, что стеной стоит на озере:

в корневищах — до 44 % безазотных веществ, главным образом крахмала.

Есть в нем сахар, есть много других ценных веществ.

Вот тебе и скирпус лакустрис!

— Гляди ты, а в водяных орехах:

белков — 15 %
масла — 0,5 %
крахмала — 52 %
сахара — 3 %

Из них можно делать крупу, муку, печь лакомства. Употребляется в сыром, жареном, печеном, вареном видах. Одним словом, как съедобный каштан, только что не на дереве растет, а в воде…

Используется от укусов бешеных собак, змей, от

кровавого поноса…

С одного гектара озерной или речной площади можно получить до 20 центнеров сухих водяных орехов…

Больше всех интересовались женщины:

— Подумать только! Ни тебе пахать, ни тебе бороновать, ни тебе полоть… А о поливке и разговора нет — они же в самой воде растут. Посадил осенью и через год двадцать центнеров с гектара принимай, сгребай!

— Слышала, Насточка?! Белок, масло, крахмал, сахар. Бери — и печенье готовое!

С шутками, с практическими предложениями переходили от таблицы к таблице. Нина Ивановна со старшими учениками давала пояснения, если они были нужны.

Большинство вопросов начиналось так:

— А почему про них никто ничего не говорил?

— Почему мы не слышали?

— Почему их не разводят?

— А почему?..

— А потому, дорогие товарищи, что у нас не было времени, не было возможности обращать на это внимание! Проклятые, навязанные нам войны отбирали у нас время, средства, талантливых людей. Если бы не это все, у нас был бы рай земной, было бы полное благополучие.

Так Нина Ивановна отвечала на бесконечные «почему».

Не меньше внимания было отдано и стенной газете. Тут читали и обсуждали заметки про липу, кедр, черноплодный паслен, аир, камыш. Все было как будто очень хорошо знакомо с детства и в то же время все как новое.

Дубровка, или, как ее называют в других местах, горлянка, серебреник, гортанная трава. Та самая дубровка, с мелкими, желтыми цветочками и серебристыми листочками. А в ней, оказывается, полная аптека:

В народной медицине применяется при туберкулезе, кровавых поносах, цинге, грыже; чтобы избавиться от песка в почках, при каменной болезни, при заболевании суставов, при судорогах, при воспалении глаз, при зубной боли, для омоложения кожи. В некоторых местах корнеплоды дубровки используют и как пищевой продукт.

А купальская травка — зверобой, тоже с золотистыми, как звездочки, цветками?

А что в ней?

Эфирные масла, дубильные вещества, смолы и краски, сахар, никотиновая кислота, каротин, аскорбиновая кислота. Каротина больше, чем в моркови.

Лекарство от колитов, всяких кровотечений, от болезни десен, при заболевании сердца, изгоняет глистов и острец, укрепляет сердце и печень, очищает почки, залечивает язвы, помогает при невралгиях, истерии, бессоннице, эпилепсии, при параличах, при заболевании легких, от болей в груди, от удушливых кашлей, ревматизма. Народная медицина утверждает, что зверобой — это лекарство от девяноста девяти болезней.

Будто какими-то удивительными яркими прожекторами осветили эти всем известные, тысячи раз виденные и перевиденные растения, травы, цветочки, и они засверкали так, как чудесные, сказочные, разыскиваемые всеми поколениями в ночь на Ивана Купала «цветы счастья», засверкали такими колерами — красками, что действительно захотелось потрогать их и проверить: они это или не они? А может, это привезенные из-за «тридевяти земель» немного похожие на них, но не наши цветы?

Нет! Это они, это наши цветы, травы. Они взяты из неоглядных наших лугов, наших дубров, наших боров и пущ, взяты из того величественного, чудодейственного храма, имя которому — природа, про которую поэт Анатоль Велюгин так красиво сказал:

Средь всех соборов есть собор,
Где я готов молиться.
В разгаре лета, свежий бор,
Твой шум звенит и длится.

Здесь, в душном запахе полян,
Где молодость ходила,
Багун, дурничник, дурнопьян
Раздули все кадила.

Стоят полки боровиков,
Гудит басок пчелиный.
Глубокий мох. На ветках кровь —
Медвежий сок малины.

Торжественно-возвышенное настроение создавали эти растения, собранные руками девочек и мальчиков, дочерей и

сыновей ботяновских граждан и показанные ими в этот день, залитый лучами горячего весеннего солнца.

На лицах у родителей была заметна гордость.

— Наши дети молодцы, они тоже что-то свое внесли в общую сокровищницу.

Веселый смех не прекращался у отдела сатиры и юмора. Если бы кто начал знакомиться с ним сразу, не осмотрев выставки, не читая интересных статей и заметок в стенной газете, может быть, тот и обиделся бы: «Моего сына (или дочку) высмеяли, какие-то шуточки строят». Но после всего предыдущего шутки воспринимались именно как шутки, как что-то нужное, ну примерно как горький хрен к салу, как острая присказка в беседе. Да тут и поговорок хватало:

Высоко поднял, а снизу не подпер!

Соответствующий и рисунок: наговорил много, а сделал бестолково, без фундамента. Вот и рушится высокое здание…

Лапоть с постолом
торгуются за лычко под столом.

А рядом рисунок: два «друга» не поделили лычка и подрались. Имена не названы — со временем забудется, а драться они никогда не будут. Под столом сидеть перед всем селом во второй раз не захочет никто.

В Беларуси пчелы, как гуси,
резвинами мед носят.

На этот раз рисунок был очень отчетливый: огромная пчела, больше похожая на шершня, но с лицом Юрки Рослика, несет за плечами резвины, а в них — соты с медом. Мед течет по этой пчеле или шершню на тропинку. Рисунок вызван тем обстоятельством, что этот Юрка — большой врунишка. Ему сказать, что среда — это пятница или наоборот, ничего не стоит. Даже глазом не моргнет. Никакой фамилии, конечно, не было, ее заменяла надпись:

Пусть посмотрит весь народ,
Как Врунишка мед несет!

Так-то оно так, фамилии не было, это верно. Но лицо, а главное — курносый нос! Тут все узнали без подписи, кто такой этот самый Врунишка (да еще с большой буквы). Узнал себя и

Юрка. Он сразу подошел к редактору и с возмущением сказал:

— Когда это я мед резвинами носил?

А Зося спросила:

— Почему ты решил, что это именно ты? Разговор идет о пчеле.

— А нос разве не мой, а пчелиный?

— А ты что, патент взял на такой нос? Я тебе в одних Ботяновичах десяток таких носов покажу… Еще чего не хватало!

Петрусек же, тот самый, что приносил заметку про лягушек и джаз, солидным басом добавил:

— Кто поросенка украл, у того в ушах визжит.

На том вся претензия и кончилась.

Но были тут шутки и про юных натуралистов. На одном рисунке — липа. Под ней сидит с цимбалами Гиляр (он, как и его отец, хорошо играл на цимбалах) и под музыку поет:

Для тебя играю,
Липа дорогая!
Дай ты мне в отплату
Масла два ушата!

Липа отвечала:
— Двух ушатов мало!
Я щедра безмерно:
Подгоняй цистерну!

Тут же нарисованы и ушаты. Имени нет, но узнали все по цимбалам. Посмеялись:

— Аппетит неплохой! Посуду взял подходящую! А может, и вправду будем цистернами липовое масло возить?

На следующем рисунке парнишка, похожий на Адама Скрипку, стоит в огороде и выбрасывает оттуда на улицу капусту с огурцами. Под рисунком соответствующее стихотворение:

От капусты с огурцами
Весь очистим огород.
Будем есть, ребята, с вами
Лишь орехи да осот!

Эти стихи написала Кася. Написала тогда, когда недоразумение на уроке Нины Ивановны не было еще ликвидировано. Редакция долго совещалась: не хотелось ворошить старое, но жаль было рисунка. Такой рисунок удачный,

хоть на выставку! Кочаны вылетают на улицу так, что кажется, видишь, как они летят. Один даже на четыре части разбился. И Адам как живой.

Наконец редакция решила: «Позовем Адама. Покажем ему. Если не понравится — выбросим».

Адам только взглянул и расхохотался:

— Галина работа! Больше никто так не сможет нарисовать!

Зося ответила неопределенно:

— Дело, Адам, не в том, кто именно нарисовал. Но после всего, что было, нам не хотелось бы снова вспоминать ту историю. Решили спросить у тебя: печатать эти стихи с рисунком или нет?

— Какие могут быть вопросы? Печатать обязательно! «То не шум боровой над моей головой!..» Обидного, по правде говоря, тут для меня ничего и нет. В наших обыкновенных лещиновых орехах одного только масла больше половины. За границей из них делают муку, и притом муку очень высокого качества. Пекут из нее всякие лакомства. Да и осот имеет немало чего хорошего: витамины, сахар. Теперь скажите: пропаду я с ними?

Зоя Кирилловна пошутила:

— Одним словом, «пустили рыбу в воду»!

— Что-то вроде этого. Белки же тоже не умирают от наших лещиновых орехов, да еще как высоко скачут, да какие хорошие шубки имеют! Значит, Адам, согласен? Жму твою руку. Ты такой славный парень, что и влюбиться в тебя можно, — сказала Зося.

— Я влюбился уже в другую.

— А в кого? Я и не замечала, — удивилась девушка.

— Во Флору.

— В какую Флору?

— Есть такая красивая дивчина. Я от нее без памяти.

— Погоди, погоди… Какая же это Флора? Разве что из Пригожего Городка? У нас такого имени даже не слышно.

— Из красивой Греции. Та, что цветы приносит.

Тогда только Зося спохватилась:

— Ой, Адам! Какой ты… А я всех девушек перебрала в памяти. А он: «флору»! Эту флору и я люблю не меньше твоего.

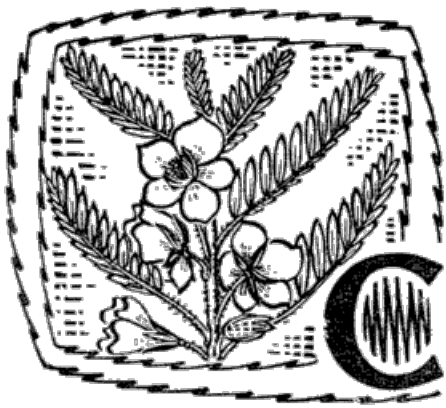
— Тем лучше. Давай еще раз твою руку, Зося!

Так и пошли в газету Касино стихотворение и Галин рисунок про Адама Скрипку…

Кто ищет, тот находит

Посадив утром дерево, не надейся, что оно в полдень даст тень.

Восточная поговорка



Собрание началось ровно в четыре часа. Президиум избрали небольшой: директор Сымон Васильевич, Нина Ивановна, председатель колхоза, полковник запаса Сергей Петрович, директор соседней, Братковской школы Дорофей Иванович, председатель кружка юных натуралистов (и редактор стенной газеты, как мы уже хорошо знаем) Зося и от родителей кузнец Антон Скрипка. Последнюю кандидатуру предложил Сымон Васильевич. С сыном Антона возник конфликт, о котором все знали: сына продернули в стенной газете, а отец — член президиума такого собрания. Какое-то моральное удовлетворение и для отца и для сына.

Первым слово взял Сымон Васильевич:

— Дорогие товарищи! Мы начинаем собрание юных натуралистов нашей школы, которое фактически является объединенным собранием учителей, учащихся и их родителей. Вы видели и хорошо знаете, что мы делаем и что сделали. Но есть у нас большие замыслы, планы на будущее. О них мы и хотим сегодня посоветоваться с вами. Мы живем, работаем, умираем. Таков неумолимый закон природы. Но творения наших рук остаются после нас. Если дело сделано нами добросовестно, от чистого сердца, оно служит примером для других, для тех поколений, которые придут после нас. Если оно сделано небрежно, без души, оно будет служить примером того, как не

надо делать… Бессмертный памятник нашим предкам и самый дорогой подарок от них нам, потомкам, та самая рожь, пшеница, чечевица, ячмень, овощи и фрукты, которые они, далекие наши предки, руководствуясь здравым умом, любовью к жизни и любовью к своему потомству, вырастили из дикорастущих растений, улучшили и передали в наследство нам, чтобы мы опять же передавали их — не ухудшенными, а улучшенными — следующим поколениям. Как можем, мы это делаем и будем делать. Когда, например, только вводили сахарную свеклу, в ней было всего 6 процентов сахара. А теперь мы ориентируемся на 35 процентов, так как давно прошли через 20 процентов. И так во всех культурах — полевых, огородных, садовых. Это итог творческой мысли и напряженного человеческого труда. Кто ищет, тот находит; кто старается, тот и имеет. Никогда не забывайте о том, что все наши современные культурные растения были в свое время дикорастущими. А сколько еще есть полезных дикорастущих растений, из которых человек выведет, вырастит бесчисленное множество новых культурных растений, среди которых, безусловно, будут такие, что станут выше по своим качествам, чем те, которые мы знаем и употребляем теперь. Такая работа проводится в академиях, институтах. Проводится она также миллионами любителей-земледельцев и юных натуралистов. Проводится она и в нашей Ботяновской школе, но несмело и осторожно. Теперь мы думаем развернуть ее как следует. Сумеем ли мы что сделать в этом направлении? Я отвечаю твердо и уверенно: безусловно, сумеем! Мы не собираемся доставать звезды с неба. Будем делать то, что нам под силу, но именно — будем делать! Возьмем, например, одну ценную дикорастущую траву — дубровку и начнем из года в год добиваться улучшении и обогащения всех ее качеств. Будем передавать эту работу, как творческую эстафету, новым ученикам, которые сменят тех, кто заканчивает школу. Если бы каждая школа нашей республики взяла под свою опеку по одному дикорастущему растению, через некоторое время у нас появилась бы сотня, если не больше, новых культурных полезных растений.

Все долго аплодировали Сымону Васильевичу.

Потом Нина Ивановна стала читать план работы. В этот момент директору подали пакет. Он вскрыл конверт, достал из него письмо, прочел и удовлетворенно улыбнулся.

— Уважаемые товарищи! — начала Нина Ивановна. — Я хотела сказать несколько слов от себя. Но Сымон Васильевич так ясно рассказал нам о задачах юных натуралистов, что мне остается только зачитать план и представить его на утверждение собрания. Вот этот план… Держать в полном порядке сад и

огород. Посадить на отдельных участках дубровку, черноплодный паслен. Подготовиться к прививке кедра сибирского на сосну обыкновенную. Посадить осенью на озере водяные орехи. Собрать гербарий всех дикорастущих полезных растений в нашей местности с полным описанием этих растений. Начать работу по выведению крупноплодной липы… Вот и все.

Сымон Васильевич попросил всех задавать вопросы и высказать свои замечания по плану.

— Должен вам сообщить и еще одну новость, — добавил он. — Только что получено письмо из района. Нашей школе выделяется восемь путевок на Всесоюзную выставку в Москву. Кроме того, отпущено пятьсот рублей на расходы, связанные с прививкой кедра на сосну.

Это сообщение вызвало всеобщую радость.

Первый взял слово Тимох Стома:

— Очень красиво и интересно Сымон Васильевич говорил о том, что нам оставили в наследство наши деды и прадеды. Но я хотел спросить: гречиха и просо — наследство? Наследство! А где оно? Нету! Мы теперь их не сеем, даже семена перевелись. Что же, они плохо росли? Хорошо росли. Значит, мы не увеличиваем, а уменьшаем наследство. Что же мы скажем своим потомкам?

Ответил ему председатель колхоза Сергей Петрович:

— С гречихой и просом получилось недоразумение. Мы их будем сеять. В этом году, правда, не так много — пять гектаров. Семена есть. Если кто имеет семена местные, так как у нас привозные, одолжите нам. Мы посеем и их для сравнения. Какие окажутся лучше, те и будем культивировать в дальнейшем.

Антон Скрипка выступил вслед за председателем колхоза:

— Когда мой отец умирал, он давал нам разные наставления: как вести хозяйство, когда что и как сеять. Между прочим, сказал так: «Никогда, дети, не переводите чечевицу. Хоть понемногу, но сейте». У нас теперь про нее никто и слушать не хочет. Но я выполняю отцовский завет, сею сотки две ежегодно на своем огороде. Семена ее не переводились у меня. Все же мне было бы интересно услышать, как смотрит наука на чечевицу? Прав был мой покойный отец или нет?

Сымон Васильевич попросил Ивана Степановича ответить.

— Действительно, у нас и семена чечевицы перевелись. Я впервые слышу, что у Антона Скрипки хоть немного их есть. Это хорошо. Из одного, бывает, зернышка зашумят поля. Мы посоветуемся с Сергеем Петровичем, обсудим на правлении и начнем сеять чечевицу. Культура эта очень древняя.

Марьяна откликнулась с места:

— И в Библии, слышала когда-то, было писано, как брат

брата на ней надул…

— Пускай себе и из Библии, пускай из других источников, но наука установила, что действительно чечевица — одно из самых древних культурных растений на земле. Пользовалась она большим уважением в народе, покупали ее очень много у нас и вывозили за границу: восемьдесят процентов всей используемой за границей чечевицы привозилось туда из бывшей России. Перед первой мировой войной на территории нынешнего Советского Союза засевалось около полумиллиона гектаров этой самой чечевицей… Чем же она интересна, какие у нее ценные качества, почему, даже умирая, отец сыну завещал ее? Постараюсь дать вам на это ответ. Вы хорошо знаете, что во всех бобовых культурах самое главное — это белок. Так вот, по количеству белка, а также углеводов чечевица стоит выше гороха и фасоли. Чечевица очень хорошо разваривается. Может, потому она и хорошо усваивается нашим организмом. Есть в ней и немного масла. Есть еще некоторые вещества. Не пугайтесь только научных названий, я их поясню. В чечевице есть метионин. А он очень нужен организму, так как помогает укреплению наших кровеносных сосудов. Он также содействует росту организма. Есть в чечевице триптофан. Этот триптофан ускоряет развитие организма и является основной частью гемоглобина, который, в свою очередь, является составной частью человеческой крови. Есть в ней еще так называемый лизин. Когда в организме лизина нет или его не хватает, рост приостанавливается. Лизин содействует нормальному развитию соединительных тканей в нашем теле. Есть в чечевице и гистин, который содействует нормальному расширению кровеносных сосудов и увеличению их проницаемости. Я взял только несколько из тех веществ, какими богата чечевица. Недаром люди испокон веков потребляли чечевицу: тогда аптек не было, метионину, например, купить было нельзя. У меня могут спросить: а как же мы — столько лет чечевицу не сеем, не едим, а живы? Это тоже верно. Но кто знает, может, потому и в аптеки начали чаще заглядывать. Это не основная причина, конечно, но одна из возможных. Во всяком случае, сеять ее стоит, есть необходимо понемногу всем, особенно детям, у которых непрерывно идет процесс роста.

Потом выступила Марьяна Ивановна:

— Я скажу так. План хороший. Его утвердить надо и пожелать, чтоб наши дети выполнили его. Мне очень нравится забота о липе. Мы все липу любим и бережем. Но я хочу сказать о другом — о лещине. Она у нас больше обижена, чем падчерица у злой мачехи. Если про горох старые люди говорят: «Кто ни пройдет, тот и сорвет», так про лещину можно смело сказать:

«Кто орехи не собирает, тот лещины не ломает». Но и этого мало. Кому надо удилище какое — руби лещину; кому какой обруч на бочку — ломай лещину; кому переплет на лубок — обдирай лещину… Про нее в плане ничего не сказано. Хорошо еще, что кто-то из наших детей вспомнил да в газету написал. И что же там написано? А написано то, что в лещиновых орехах доброкачественного, полезного масла чуть ли не 50 процентов.

Зося уточнила:

— От 58,6 до 71,5 процента.

— Спасибо тебе, Зося, за подсказку… Слышите, какое это чудо? Да еще можно орехи на муку молоть, а из муки этой и торты тебе, и лакомства всякие… А как же мы, культурные ботяновские колхозники, благодарим эту нашу ценную и красивую лещину за такие богатые подарки? Вы только посмотрите, какая она гостеприимная, какая она приветливая! Даже ветки, отростки свои к нам клонит: «Угощайтесь, люди, подкрепляйтесь!» А мы как? Я уже сказала как. Не стоит повторяться. Сходите в лес, в наш орешник, посмотрите, что там делается после сбора орехов! Простите, может, я что и не так скажу, но как раз такой вид имеют орешники, какой наши деревни имели после нашествия врагов, — все поломано, покалечено. Мало того, еще и порублено. Разве можно думать, что тут были хозяева? Не то что хозяин, а обыкновенный человек разве станет тебя топором рубить за то, что ты его напоил и накормил? А мы, значит, можем, если так поступаем… А что, если б наши дети, школьники, взяли шефство над этой падчерицей, над этой сироткой, чтобы они пришли к ней весной, как на праздник, с музыкой, с песнями, чтобы они спросили у нее:

Лещина, лещинонька,
А как зимовала, а как горевала?

Чтоб они взяли сухие сучки посрезали, в кучки сложили, чтоб лопатами на размытые корни земельки подкинули, порыхлили… Что вы думаете, обидится за это лещина? Уверяю вас — не обидится! Наоборот, зашумит всеми ветвями, всеми листочками да и скажет так: «Спасибо вам, детки! Приходите ко мне осенью, я вам гостинцев приготовлю!» А осенью, когда орехи хорошо созреют, снова всей школой, всем селом пойти туда с музыкой, с песнями. Да не ломая, да не круша, собрать там все поспевшие орехи. Скажите: разве хуже будет и для лещины и для наших детей?

Сергей Петрович, нагнувшись к Сымону Васильевичу, тихо сказал:

— Вот тебе и рядовая колхозница. Такую мысль хорошую подала, да как — даже растрогала людей… Ответь ей сразу.

Сымон Васильевич и ответил:

— Товарищи! Уважаемая Марьяна Ивановна не только хорошая певица, но и хорошая хозяйка. То, что она сказала, не только правильно, но даже исключительно правильно. Мы действительно забыли о том, что у нас под боком, что само просится в руки. Ведь в нашем колхозном лесу самые богатые орешники. Но они запущены. Я думаю, что вы все присоединитесь к тому, что сейчас зачитает Нина Ивановна.

Нина Ивановна внесла дополнение:

— В очередное воскресенье организуется поход всех школьников старших и младших классов в колхозный лес для упорядочения наших лещевников.

Тут голос Нины Ивановны заглушили рукоплескания главным образом младших школьников, которые дождались все же своего праздника: «Не обошлись без них! Вспомнили о них! Какая она славная, Нина Ивановна!»

Нина Ивановна, как только аплодисменты утихли, продолжала:

— Чтобы усилить внимание и ответственность, каждая делянка будет закреплена за отдельными звеньями, в которые будут введены ученики и от старших и от младших классов. Первый выход для сбора орехов осенью провести так же, как и весной, с музыкой, песнями, как «праздник лещины».

Сымону Васильевичу не надо было ставить вопрос на голосование.

Аплодисменты и радостные восклицания свидетельствовали о том, что это предложение Марьяны, отредактированное и зачитанное Ниной Ивановной, пришлось всем по сердцу. Когда все немного успокоились, поднялся дед Тумаш и попросил слова. Сначала все подумали, что он хочет сказать что-то против, так как, будучи бондарем, вырубил не один добрый прут на обручи. Поэтому у него кто-то спросил:

— Ты про лещину? Вопрос решен.

Дед Тумаш на ходу ответил:

— Какая там лещина! У меня дела поважнее.

Дед Тумаш прошел на сцену и произнес короткую речь:

— Вот я читал… Одним словом, мы читали, что в камышовых корневищах находится 40 процентов крахмала, а в стеблях столько же сахару. Там же написано, что есть в нем еще немало ценных веществ, но не сказано, какие они и чем они хороши. А потому я и спрашиваю: нет ли в тех веществах дрожжей?

Что тут произошло в зале, передать невозможно. Такие

сравнения, как «гомерический смех» или «катались со смеху», слабы для этого. Но чтобы было понятнее, почему именно так реагировали люди на его вопрос, следует дать пояснение.

Дело в том, что дед Тумаш любил порой выпить чарочку-другую. На второй день он, не позавтракав, шел по улице, надеясь, что кто-то откроет окно и скажет: «День добрый, дедуля! А не зашли бы вы на минутку к нам, позавтракали бы вместе?» Действительно, изредка такие случаи бывали. Главным образом осенью, когда нужны обручи и кому-то надо клепку заменить. А весной такое случалось редко. Походы чаще всего кончались тем, что дед Тумаш приходил домой злой, грустный и спрашивал: «Нет ли квасу или рассолу из-под огурцов?»

Когда он проходил по селу в подобных случаях, некоторые шутили: «Что-то дед Тумаш ходит согнувшись, как еж по дрожжи». Как еж ходит по дрожжи, зачем ему дрожжи, никто никогда не знал, не видел, но картина была абсолютно ясна.

Ни о чем ином, а именно про дрожжи и спросил дед Тумаш! Вот почему смех был таким веселым и заразительным.

Сымон Васильевич, насмеявшись вдоволь, быстро навел порядок и спросил серьезно, но подчеркнуто вежливо:

— А зачем вам понадобились дрожжи?

— Это всем понятно. Вы только хорошенько подумайте… Крахмал в камыше есть? Есть. Сахар в камыше есть? Тоже есть. А если добавить немного дрожжей, бери и горилку гони!

Новую волну смеха унять было трудней. Сымон Васильевич немного рассердился:

— Такое собрание, так хорошо все подготовлено, так хорошо все шло — и на́ тебе, вылез со своими дрожжами!

Посоветовавшись с членами президиума, он встал и объявил перерыв.

Насреддинова гробница и нарочанский мост

Хоть босиком хожу, а с перцем ем.

Народная пословица

Говорят, что восточный мудрец Насреддин попросил еще при жизни поставить для него гробницу, а перед ней — отдельно — ворота и запереть их большим замком. Ученики его удивились.

— Учитель, — спросили они его, — что это за прихоть такая, что за причуды такие? Ворота, замок, а ограды никакой. Кто захочет, может подойти к твоей гробнице если не с четырех, то, во всяком случае, с трех сторон.

— Эх, вы! — ответил им мудрец. — Поставь я еще и ограду, какой обыкновенной казалась бы гробница для всех людей! Никто и не поинтересовался бы ею, ведь таких тысячи. А вот мимо моей гробницы никто не пройдет, не остановившись. «Это что еще за диво дивное? Кто в такой гробнице похоронен?» — «Великий мудрец Насреддин», — ответят ему. Пойдет дальше и десятому расскажет…

Когда я спустя много-много лет приехал на свою родину, побывал на Поставщине, на Мядельщине, я встретил там известного писателя Михася Тихоновича Лынькова. Точнее говоря, встретил его на берегу Нарочи, того самого озера, в каком я когда-то, мальчишкой еще, не раз купался.

Михась Тихонович гостеприимно пригласил меня в свою моторную лодку, и поехали мы с ним вместе на другую сторону озера, к реке Нарочанке.

Там мы остановились, и я увидел чудо, от которого у меня волосы дыбом стали. А Михась Тихонович взял и, ничего не говоря, сфотографировал меня в таком именно виде. Этот «документальный» фотоснимок у меня хранится и поныне.

Что же меня так поразило? Мост! Стоит мост, можно сказать, совсем новый (на мосту я и сфотографирован), на прочных сваях. Одним словом, мост как мост. Когда я прошел в один конец — вода до берега метров полсотни. Когда направился в другой — не меньше чем полсотни метров до второго берега.

Согласитесь со мной, что это похоже на какой-то сон.

Я спросил у Михася Тихоновича:

«Дорогой! Что ж это за мост такой, что в какой конец ни пройди, либо утонешь, либо утопнешь?»

Тогда наш нарочанский мудрец Михась Тихонович засмеялся и сказал мне:

«Про историю я говорить не буду. Дело не в том, как мост поставлен и зачем. Дело в том, что этот мост замысловатый и своеобразный. Я его всем нашим писателям показываю, чтоб они немного призадумались. Мост символизирует наш писательский путь. Если он (путь наш) увязан с жизнью, с задачами нашего строительства — и ты пройдешь, и люди к тебе придут. Если нет — будешь сидеть, как лягушка на кочке, и квакать. Ни к тебе людям не пройти, ни тебе самому к людям не спуститься…»

Мне теперь и припомнился тот мост. Шел я, шел, и один, и вместе со своими героями. Посмотрели мы и послушали, как редактировалась стенная газета, побывали на общем собрании. А сейчас вот объявлен перерыв. Какой же наш переход к дальнейшему?

13!

Что такое «тринадцать»? Некоторые считают это число несчастливым. Я не верил, не верю в приметы, и не надо давать пищу для всякого рода суеверий. Если над главой, где будет описан переломный момент в работе ботяновских натуралистов, я поставлю цифру «13», а ребят постигнет неудача, возникнут помехи, — что скажут мои герои? «Автор виноват! Не будь несчастливого числа, так все обошлось бы хорошо!»

Может получиться, что, вопреки желанию, я поддерживаю этот пережиток седой старины.

Что же мне ответить? Словами Максима Богдановича, что мы, как его скитальцы, «не верим ни в бога ни в черта»?

Или сказать, что удачи в моей жизни бывали именно 13-го числа, а самые несчастливые события — 20-го и 28-го? Этим никого не убедишь.

Вспомнилась и еще одна история. Дело было в Сибири. Шофер, посадив полный кузов людей, выезжал из селения. А ехать ему семьдесят пять километров по тайге, бездорожьем. И вдруг одна местная жительница перешла ему дорогу (перед самой машиной) с двумя порожними ведрами.

И что б вы думали он сделал? Поехал? Нет! Остановил машину, схватил какую-то палку и, угрожая ею, заставил перепуганную женщину вернуться назад, «отколдовать» дорогу, что и было сделано, как теперь принято говорить, с космической скоростью. Тогда только он поехал дальше…

Чтобы меня случайно не постигла потом такая доля, я и подумал: напишу небольшое отступление про нарочанский мост, поставлю над ним цифру «13», так как он все равно несчастливый, а над новым разделом о делах моих героев поставлю законно и без всякого обмана 14.

Назад озирайся, а вперед продвигайся!

Милая молодость, славная молодость
Нашего вольного края,
Ты побеждаешь и горы, и море,
Сердцем их льды растопляя.

Янка Купала

Перерыв оказался не лишним. Поначалу участники собрания еще смеялись над выступлением деда Тумаша. Текля, мать Адама, даже слегка его пристыдила:

— Как тебе не совестно, дед Тумаш! Ты б еще спросил, нет ли в камыше колбасы или воблы копченой на закуску!

— Зачем колбаса? — огрызнулся дед Тумаш. — В камышах хорошие линьки жируют… Хватит мне и линьков…

Но вскоре все вошло в обычную колею. Мужчины курили. Женщины, окружив Нину Ивановну, задавали ей вопросы о лещине, которая их особенно заинтересовала.

Нина Ивановна ответила на вопросы довольно основательно:

— Лещина растет почти везде. Есть не только у нас, но и в Сибири, на Дальнем Востоке, на Кавказе и в Америке. На Дальнем Востоке, например, есть точно такая, как наша, а есть такая же по внешнему виду, но с незаметными, как у крапивы, жальцами. Если, не зная, кто начнет рвать орехи голыми руками, так жальца вонзаются в кожу, руки распухают от ожогов. На Кавказе лещина дает орехи вкуснее, чем наши, а главное, с более тонкой скорлупой. Их называют фундучными орехами. У нас в

Белоруссии, за Поставами, живет отличный садовод-ученый Иван Павлович Сикора, который, наряду с многими исключительно интересными и важными для нашего хозяйства опытами, проводит опыты и с лещиной, улучшая и совершенствуя ее. Проводятся такие, возможно не менее важные, работы в Московской области. Академик Яблоков и его коллектив вывели морозостойкий фундук. Вопрос о лещине в наших Ботяновичах поднимается своевременно, он назрел. Будем с большим интересом и мы заниматься улучшением лещины. Предложение Марьяны дало нам большой импульс в работе…

Но перерыв кончился. Люди заняли свои места. Сымон Васильевич первое слово после перерыва дал гостю — директору Братковской школы Дорофею Ивановичу.

— Дорогие товарищи соседи! Мы приехали к вам целой делегацией: пятеро юных натуралистов и учитель биологии. Хоть наши натуралисты тоже поработали немало, но у вас сделано больше. Взять хотя бы вашу выставку-гербарий полезных растений. У нас такого нет. Мы просим вас приехать к нам с выставкой, показать братковцам свой гербарий, чтоб и нам захотелось сделать такой же в своей школе… Рассказ о прививке кедра на сосну нас очень заинтересовал. Вот бы и нам вы помогли привить несколько сосенок, когда будете проводить свои опыты! Есть у нас и свои успехи. Юные натуралисты проводят опыты с шиповником и с дубом. Но об этом вам расскажет Стася Никифоровская, председатель нашего кружка натуралистов.

Стася, ученица девятого класса, взяла слово вслед за своим директором.

Она рассказала, что их кружок несколько лет занимается селекционной работой по выведению шиповника с более сочными плодами, с меньшим количеством семян. Напомнила, что шиповник является исключительно важным растением, которое дает людям витамины С, А, B_2, Р, Е. Есть в нем и другие полезные вещества, например лимонная и яблочная кислоты. Особенно богат ими коричный шиповник, растущий и в саду Братковской школы. Далее Стася сказала о значении шиповника как лекарства.

— Я перечислю вам коротко, от каких болезней он избавляет людей, как использует его народная и научная медицина. Препараты из шиповника влияют на кислотность желудочного сока, на углеводный обмен, на функции костного мозга. Шиповник помогает при язвенной болезни, при заболеваниях печени, при переломах костей, малокровии, истощении организма, употребляется как средство для заживления и лечения ран. Корни и листья шиповника, из которых делают настойку или чай, помогают при ослаблении желудка, кровавых поносах.

Помогает он при гипертонии, заболеваниях глаз, предупреждает кровоизлияния в мозг, сердце… Шиповник дает у нас крупные душистые цветы и съедобные плоды. Но немалую работу мы провели и с дубом. У вас на одной таблице написано, что дубовые желуди имеют в себе и крахмал (56 процентов), и белки (7 процентов), и сахар (10 процентов), и даже жиры (от 4 до 5 процентов). Но не всем известно, что в далекие времена, когда люди не знали еще ржи, дубовые желуди заменяли им хлеб. Недаром таким уважением испокон веков пользуется у нас дуб. На один праздник Весны, например, в хату обязательно приносилась хотя бы одна кисть дубовых цветов и ставилась обязательно в «красном» углу. Вы не хуже меня знаете, сколько наших песен начинается с упоминания о дубе: «На горе дубок, на горе зелененький», «Зеленый дубочек, отчего ты вянешь», «Ой, распустился дубок на четыре листа», «Не руби дуба, да зеленого». Под вековыми дубами собирались наши предки совет держать про свое житье-бытье. К нему приходили жаловаться на свои обиды:

Зеленый дубочек,
Широкий листочек,
Нету миленького
Уж второй денечек…

Недалеко от Браткова есть большая дубрава, растут в ней и старые дубы, и молодые. Мы заинтересовались желудями. Собирали их, сушили, вымачивали в воде, чтоб согнать горечь, а потом мололи, выпекали хлеб из них. Хлеб вкусный, но крошится. И вот, проверяя желуди от многих дубов, мы нашли дуб со сладкими желудями, в которых мало дубильных веществ. Посадили желуди от сладкого дуба, чтоб вырастить новые сорта. Но сколько надо ждать, пока на молодых дубках вырастут желуди и мы сможем проверить свою работу! Побывав после посещения вашей школы, мы, как мне думается, отыскали надежный путь к тому, чтоб ускорить появление желудей на молодых дубках. Ключ — в прививке кедра на сосну. Если кедр, привитый к сосне, начинает плодоносить на второй-третий год, то нельзя ли привить черенки с плодоносящего дуба на молодые дубки, не ускорит ли это его плодоношение? Если б так случилось, если бы такие предположения оказались правильными, то мы через два-три года могли бы проверить, удачны ли наши опыты со сладкими желудями. Это дало бы очень интересные результаты, помогло бы увеличить не только площадь земли, занятой таким полезным деревом, как дуб, кверкус по таблице Линнея, что в переводе означает красивое дерево, но помогло бы увеличению

наших пищевых ресурсов. Мы обязательно такие опыты проведем, а вас благодарим за то, что именно вы подсказали нам такую мысль!

Стася приветствовала своих юных и старших соседей, пожелала им больших успехов и пригласила к себе в гости.

Сымон Васильевич сказал братковскому директору:

— Умная дивчина! Интересное предложение подала. Такие не оставят дела на полдороге, а поведут до конца. Я верю в то, что результаты будут хорошие.

Потом слово получил Степан Колечка:

— Мы более-менее аккуратно читаем газеты. Из центральной печати я знаю, что под Москвой один ученый вывел сорт очень полезной и урожайной травы, которая называется козлятник. Пишут, что первый укос она дает в мае месяце, а потом еще два. В общем, за два-три укоса она дает с одного гектара пятьсот, шестьсот и даже семьсот центнеров зеленой массы. Но этого ученого что-то обижают, и он почти за тридцать лет не может вывести свою траву на колхозные поля. Зовут его Сергеем Николаевичем Симоновым. Нам трудно что-нибудь сказать об этом. А попробовать надо и стоит. Вот я и думаю: а что, если поручить нашим юннатам, когда они поедут в Москву, отыскать этого ученого и взять для пробы, сколько б он ни дал, семян? Если что получится действительно хорошее, то и нашего глаза не минет.

На этот вопрос ответил Сергей Петрович:

— Наша мудрая пословица гласит: «Назад озирайся, а вперед продвигайся!» Мы с вами оглянулись назад: и с чечевицей, и с гречихой, и с просом. Если хотите, даже и с лещиной, со сладким дубом. Но это вместе с тем означает, что мы смотрим и вперед. Предложение Степана Колечки мне нравится. Как хотите, а я предложил бы нашим экскурсантам, когда они поедут, обязательно посетить ученого, достать у него семян козлятника. А мы проверим, будет ли он полезным и для нас. Что в нем интересно, как я предполагаю, — он своим первым укосом дал бы коровам зеленую подкормку и избавил бы нас от печальной необходимости скашивать зеленую рожь на подкормку…

Юные натуралисты почти не выступали. Не потому, что они были какие-то безголосые, вовсе нет. Они сказали свое слово в плакатах, в статьях стенной газеты. Вероятно, по этой причине попросили слова только Адам Скрипка, Иван Бабич, Антон Саломаха и Ганна Лосик.

Адам говорил мало. Он только спросил:

— Почему бы не включить в план опытную работу с желтой акацией, которую мы фактически проводим? Мне кажется, было

бы лучше, если бы она была включена в школьный план, тогда нас не называл бы никто «подпольным» кружком.

— Пустые разговоры, — сказал Сымон Васильевич, нас не должны смущать. Когда будут хорошие результаты, всякие шутки отпадут сами собой. Почему мы не включаем в школьный план работу с желтой акацией? Потому, что мы не можем как следует руководить этими опытами. Но можно записать такой пункт: «Помогать всячески тем юным натуралистам, которые на школьной усадьбе будут проводить какие-либо самостоятельные опыты. Например, с желтой акацией, с разными полезными растениями». Скажу больше: я лично заинтересовался этим делом и буду принимать в нем участие.

Объяснение Сымона Васильевича, видно, понравилось и всем участникам собрания, и Адаму Скрипке. Тем временем попросила слова Ганна Лосик.

— Будучи в Минске, я посетила Главный ботанический сад. Скажу об одном. Мне очень понравилось украшение этого сада, особенно туя, высаженная вдоль аллей. Но туя, хоть она очень красива, растет медленно, примерно лет до десяти — пятнадцати. Между тем у нас есть очень красивое растение — можжевельник, который можно подстригать и создавать из него аллеи не хуже, чем из туи. Вот я и предлагаю, чтоб наши юные натуралисты посадили в школьном дворе сотни две кустов можжевельника, расположив их в два ряда, от ворот до самого крыльца. Позже их можно будет подстричь. Это украсит наш школьный цветник.

Нина Ивановна сказала о большой ценности можжевельника как фитонцидного растения, поддержала это предложение, и оно было одобрено всеми присутствующими.

Иван Бабич говорил про куколь:

— Все мы знаем, что куколь — это ядовитое растение, враг, от которого гибнут скотина и люди, когда он попадает в хлеб. А недавно я прочитал в научном журнале, что югославские ученые выявили очень интересную и ценную особенность куколя. Оказывается, если из него извлечь определенное вещество и в самой малой дозе внести его на поля, то оно становится стимулятором и увеличивает урожай ржи или пшеницы наполовину. Поскольку у нас растет куколь, интересно было бы перенять такую практику самим. Только, к сожалению, в журнале не сказано, как извлекается то вещество.

Иван Степанович внес практическое предложение:

— Это интересное сообщение мы основательно проверим. Вместе с Иваном Бабичем мы напишем в редакцию журнала, чтобы они нам прислали подробный материал и пояснение. Если ждать у моря погоды, так может утечь дорогое время.

Следом выступил Антон Саломаха. Это серьезный юноша, ученик десятого класса, который тоже много читал, очень любил химию.

— Я много работаю в саду, на огороде. И на колхозном поле работаю не хуже, чем мои друзья. Но мне больше всего нравится химия. Меня тянет к ней. Я бы тоже подписался под стихотворением в стенной газете: «От капусты с огурцами мы очистим огород!» Дорогу химии! Она обеспечит нас всем необходимым! Не будет пища будущего пучить так животы людям, как эта самая капуста. Я сказал все!

Из зала послышались голоса:

— Ишь ты какой химик нашелся!.. Ты раньше покажи, чем заменишь капусту!..

Слово тут же попросила Нина Ивановна.

— Дорогие товарищи! Я думала про капусту сегодня не говорить, но, оказывается, говорить надо. Антон Саломаха подходит к делу очень просто: он химик, химия даст замену, а потому — вон капусту! Вполне резонно кто-то подал доброе слово: «Ты раньше покажи нам, чем заменишь капусту». А показать пока что нечего. Профессор К. Петровский, например, про капусту говорит так: «Она позволяет удовлетворить потребность организма в калии и витамине С на протяжении всего года. Кроме всего прочего, в ней есть молочная кислота, биологическая роль которой очень велика. Есть основание полагать, что сок свежей белокочанной капусты имеет витамин U, который является целебным средством при язвенных заболеваниях желудка и двенадцатиперстной кишки. Известно также, что в сырой белокочанной капусте есть тартроновая кислота, которая предупреждает ожирение». Теперь послушайте другое. Швейцарские ученые Лурав и Ляртик, изучая ценные свойства капусты, провели один опыт. Под опытом находилось триста морских свинок, которых облучили дозою в 400 рентген-единиц. На пятнадцатый день после облучения стопроцентная смертность выявилась в той группе свинок, которые не получали овощей. Смертность в другой группе, которая имела в своем рационе овощи, уменьшалась в зависимости от того, какие именно овощи они ели. Осталось в живых 10 процентов тех морских свинок, которые имели в своем рационе свеклу; осталось в живых 50 процентов, которые питались капустой, и 65 процентов, которым давали цветную капусту. Таким образом, наглядно доказано, что наибольшую пользу принесла именно капуста. Теперь перед нашими учеными стоит задача: выявить вещество, приносящее эту пользу, и выделить его из капусты в чистом виде. Так что еще рано и нецелесообразно выкидывать

капусту за забор. Убеждена, что если б какой химик нашел способ выделять из капусты такие полезные и ценные вещества, ему бы аплодировал весь мир. Я не охаиваю Антона Саломаху. Хлопец он способный, знает и любит химию. Но этого еще недостаточно, и не так-то близко до великих открытий. Мы от души желаем ему всего светлого в жизни и науке, но думается мне, что он сам еще много съест и огурцов и капусты, пока придет к открытиям.

Антон Саломаха встал и откровенно сказал:

— Решительно отказываюсь от своего предложения!

Многие засмеялись. Кто-то крикнул:

— Нина Ивановна прояснила сознание! Капуста еще будет жить, если Антон ее «помиловал».

Как это, может, ни странно, но один из самых важных вопросов — о кедре — почти что не обсуждался. Дело в том, что большинство участников собрания либо прочитали статью в стенной газете, либо были хорошо проинформированы до собрания. Вопрос этот показался для всех ясным. Тогда слово взял председатель колхоза Сергей Петрович:

— Товарищи! Вы все понимаете, что это дело полезное, ясное. Разговор должен идти о том, когда, где и как проводить его в жизнь. Мы на правлении колхоза уже обсудили, а общее собрание, твердо надеемся, утвердит наше мнение — отдать молодой сосняк в Суховерше, более одного гектара, для этой цели. Сымон Васильевич сказал, что дело с путевками и деньгами решено положительно. Не останется в стороне и колхоз, — дело наше, родное. Что касается водяных орехов, тут вопрос совсем простой. Ехать надо осенью. Машины у нас есть. Надо только обязательно, по-моему, написать в три-четыре школы на Полесье, чтоб они ответили, в каком месте более удобно набрать водяных орехов.

Кто-то подал голос:

— И где они вкуснее!

Сергей Петрович подхватил этот совет:

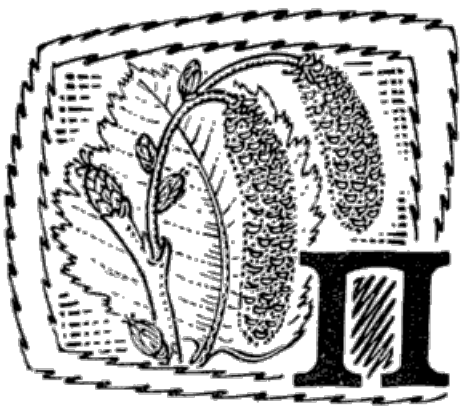
— Вполне резонно: и где они вкуснее. А про расходы на такую поездку разговора нет. Сами всем обеспечим, — дети наши, дело наше.

После утверждения плана работы собрание закрылось.

Про Наполеона Бонапарта, про Зою Кирилловну и про нашу лещину

Завоеватели! Немало книг
Написано про десять тысяч их,
А превзошел их всех мудрец один —
Для нас смиривший молнию Франклин,
И слава вечная дана ему!

Дж. Байрон



Пожалуй, на сотне картин выдающихся художников вы можете увидеть, как давние полководцы, когда люди не знали ни пулеметов, ни огнеметов, ни тем более термоядерного оружия, — как они отдавали последние приказы перед большими битвами.

На высоком холме на большом барабане восседает Наполеон. Перед ним на еще большем барабане раскрыта карта. Он указывает на карте определенный пункт и отдает приказы:

«Маршал Нэй занимает со своими полками эту высоту… Маршал Дау — эту… Маршал… Маршал…»

Приняв приказы, маршалы садятся на коней и со своими адъютантами отъезжают ставить полки на указанные места.

Наполеону остается одно: сидеть на барабане с подзорною трубою, время от времени поглядывать через нее на дымовые облака и ждать сообщений-реляций об итогах сражений. За эти итоги более всего — своими головами — отвечали солдаты…

Если разобраться как следует, так обязанности и хлопоты Зои Кирилловны по расположению своей армии перед походом на

чествование лещины были несравненно более сложными и трудными.

Ее маршалы, они же и адъютанты, без всяких аксельбантов, только с красными нарукавными повязками, были совсем молоды. Они фактически впервые участвовали в таком походе, а это усложняло и без того сложную обстановку.

Это — ученики старших классов, комсомольцы, которые должны были следить за порядком в классах-отрядах. В большинстве девчата, потому что хлопцы, по каким-то непонятным причинам, уклонялись от таких обязанностей. Но при расстановке октябрят (в особенности) и пионеров (частично) помощники оказывались недостаточно авторитетными. Все непременно обращались к пионервожатой:

— Зоя Кирилловна! Он меня толкает…

— Зоя Кирилловна! Он меня за косы дергает…

— Зоя Кирилловна! Он говорит, что мою лещину поломает…

— Зоя… Зоя… Зоя…

Если бы кто подсчитал, сколько раз было названо ее имя в это утро, так, кажется, было б не меньше, чем тысячу и один раз.

И эта смуглая, черноглазая, стройная девушка, с красным галстуком на шее, с комсомольским значком над сердцем, поспевала всюду, отвечала на тысячу и один вопрос.

— Мы все друзья. Мы идем делать общее дело. А ты его толкаешь…

— Весь лес наш, колхозный, народный. Весь лещевник, каждая лещинка наша…

— На вас смотрят малыши, с вас будут брать пример. А какой же пример вы показываете?..

Наконец школа выстроилась по номерам классов: первый, второй… И так, по очереди, все остальные.

Правда, вперед вышел оркестр с блестящими, позолоченными трубами, трубочками и свирелями. А впереди — красный флаг.

Как только оркестр занял свое место, к Зое Кирилловне начали подходить по очереди ее помощники — адъютанты — и рапортовать: «Первый класс к походу готов!», «Второй — готов!..»

Нина Ивановна стояла рядом с пионервожатой и только улыбалась, глядя на шустрых, веселых и шаловливых школьников. У многих старшеклассников были при себе лопаты, у некоторых топоры или пилы.

Малыши проснулись на восходе солнца и не позавтракали: никак не могли есть от возбуждения. Пришлось успокоить матерей — в лес выедет школьный буфет.

Было воскресенье. Детей вышли проводить почти все матери, даже отцы. Собрались все учителя, но они в лес не пошли. Пошел,

кроме Нины Ивановны, один директор.

Когда матери, и особенно бабушки, смотрели на своих счастливых детей, как много вспоминалось им тогда.

— Посмотри, какой порядок у них!

— С музыкой пойдут!

— Рыбонька моя, отчего же нашим деткам не жить! Такой радости дождались…

— Меня, когда-то, маленькую, разбудят… Спать хочется, а мама-покойница… Разве она меня не жалела? «Никак ты не выспишься! А гуси в ярину пошли. Телушка в рожь побежала!..» Да как жиганет меня кнутом по ногам! Не нужен и твой оркестр — бежишь да как труба медная голосишь…

Да только ли об этом они вспоминали, стоя у забора крайней избы.

Наконец Зоя Кирилловна подала команду:

— Орлята, в поход!

И ударил оркестр во все трубы, гусли и свирели:

Эй, орлята! Шире крылья!
Взвейтесь выше в битве ярой…

Музыку на эти слова Янки Купалы написал композитор-самоучка — он же руководитель школьного оркестра и хора, — Микола Лапушинский.

Весь хор подпевал оркестру:

Серп и молот нам, отважным,
Доля даровала,
Чтоб отныне сила в каждом
Богатырской стала…

Эхо катилось далеко — и к родным хатам, и к могиле отца нашей поэзии Янки Купалы. Если бы он был жив, если б услышал эти напевы, как бы он обрадовался и, конечно же, не прогневался бы за то, что «вам» и «вас» они переиначили на «нам» и «нас».

В каждой армии бывает свой арьергард. У ботяновских школьников таким арьергардом были неорганизованные дети лет по шесть-семь, которых никакая сила не могла бы удержать дома. Они обежали деревню огородами, украдкой стояли у заборов, а когда школа вышла на дорогу, присоединились к ней и создали таким образом этот самый арьергард. Было с ними не менее десятка псов, как у древних воинов, которые не могли остаться дома без своих маленьких хозяев. Среди псов были лохматые и

гладкие, черные и белые, рябые и пестрые, рыжие — Бобики, Тузики, Рябчики, и как только их не назвала досужая детская фантазия.

В перерывах шла дискуссия:

— Прогонят или не прогонят нас?..

— Разрешат или не разрешат помогать?..

— А не осталось ли там прошлогодних орехов?..

— А что, если повстречается медведь?..

Задавались и более серьезные вопросы:

— Ты отдашь мне синюю пуговицу или я должен ее силой отнять?

Предстояло пройти немногим более километра, а шли очень долго.

Но вот и лес.

Вот она, партизанская поляна, вокруг которой стоят, как колонны дивного старинного храма, великаны дубы. От них и начинается лещевник. Между двух дубов, под величавым шатром, растет красивая, разлапистая лещина. Она первая на этой поляне, как хозяйка у порога гостеприимного лесного дома.

Оркестр расположился близ дубов. Трубы наготове. Школа выстроилась буквой «П» перед лещиной. Девушки набросали на лещину разноцветных лент, вырезанных из бумаги и склеенных ими накануне.

Сымон Васильевич сказал несколько слов:

— Мы начинаем свой «праздник лещины». Докажем же добросовестной работой, что мы стоим доброго слова, что мы можем не только давать обещания, но и выполнять их. В добрый час!

Ну, а Зоя Кирилловна, эта смуглая, эта черноглазая девушка Зоя?

Когда мы в самом начале вспомнили про Наполеона, говоря о Зое Кирилловне, у некоторых читателей на устах появилась если не саркастическая, то, наверно, скептическая улыбка.

«Несравнимые величины» — будто и слышалось от них.

Тем не менее мы поставим их, Наполеона и Зою Кирилловну, рядом еще раз и посмотрим, появится саркастическая или скептическая улыбка теперь.

Вспомните, что говорил Наполеон своему войску в Северной Африке, высадившись там для ее завоевания?

Он указал рукой на египетские пирамиды и сказал:

«Солдаты! Сорок веков смотрят на вас с вершин этих пирамид!»

После этого он приказал бить и крошить все живое, что не захочет подчиниться французскому штыку и кнуту.

Он не сказал в своей речи об одном: как на них смотрят те сорок веков.

Всем хорошо известно, что смотреть можно ласково, приветливо, с умилением, но можно смотреть и с неприязнью, презрительно, с ненавистью.

Недосказанное Наполеоном досказал великий поэт Джордж Байрон:

А в этот час у нильских берегов
Седые тени сорока веков
На пирамидах свой сомкнули строй,
Испуганно взирая на разбой.
Гигантов мрачных страх сковал, когда
В пустыне мчалась за ордой орда,
Гремели залпы, добивал клинок
И кровь поила выжженный песок…

Что, кроме неприязни, презрения и ненависти, могло быть в глазах тех сорока веков, к которым обращался Наполеон, если сразу, вслед за его речью, загремели пушки, застреляли ружья-мушкеты, а штыки начали вонзаться в самое сердце черной Африки?

А что сказала Зоя Кирилловна, может и не слышавшая о речи Наполеона? Что сказала эта простая, обыкновенная белорусская деревенская девушка?

Она сказала будто то же самое, да не то. Она сказала так, что за нее не придется, как Байрону за Наполеона, ни Петрусю Бровке, ни Максиму Танку, ни Пимену Панченке, например, давать какие бы там ни было дополнения или пояснения.

— Девочки и мальчики! Тысячелетия смотрят на нас с ветвей и листьев этой красавицы лещины, в течение которых она питала наших предков своими плодами и питает нас. Отблагодарим же ее своим трудом. Вы только посмотрите, как приветливо колышутся ее листочки, как ласково говорят нам: «Добро пожаловать!»

Возможно, Зоя Кирилловна сказала бы еще что-нибудь, но она, увлеченная своими мыслями, которые так вдохновенно слагались в простые и искренние слова, подняла вверх правую руку, показывая на лещину, и Ганночка приняла это как знак начинать песню (такая была у них договоренность), вышла в круг и начала:

Лещина, лещинонька,
А как зимовала, а как горевала?

А весь хор, все до единого, подхватили:

Воевала с ветрами,
С морозами лютыми.

Ленты, красные, золотистые, белые, синие, колыхались на ветках лещины. Темно-зеленые дубы сочувственно шумели над русыми, черными, льняными головками детей.

Незабываемая картина, незабываемые впечатления!

Сымон Васильевич растрогался. А Нина Ивановна даже прослезилась. Это были прозрачные, чистые слезы. Не слезы тоски, печали, жалости, скорби (сколько их, этих слов, для выражения горя). Это были слезы радости, веселья, счастья предчувствия светлого и хорошего в жизни.

Сымон Васильевич думал в это время о деревенской женщине, горемычной вдове Марьяне Ивановне: «Надо же внести такое дельное, нужное, умное предложение! Как оно пришлось всем по сердцу: и старшим ученикам и младшим. Какой праздник, не искусственный, придуманный, а действительно общий праздник получился сам собою, без агитации или принуждения».

— А вон и тетка Марьяна пришла, не утерпела! — тихо сказала Нина Ивановна.

— Где она? — спросил Сымон Васильевич.

Оглянувшись, он увидел Марьяну, одетую по-праздничному. Сразу же направился к ней, взял за руку и привел ее в круг.

— Вот, Марьяна Ивановна, как быстро ваша задумка пошла в жизнь. Если б так все добрые мысли людские осуществлялись, если бы так подхватывали их людские руки, лучшего и желать ничего не надо. Почему же вы не поете?

— О, Сымон Васильевич! Наши песни кончаются. Теперь молодым дорога. Вон как заводят, что соловьи!..

Но вот и песня допета. Началась работа.

Работали не только ученики старших классов. Они, правда, выполняли более трудные работы: распиливали бурелом, большие сухие ветки, подсыпали лопатами землю на оголенные корни, перекапывали, пушили землю под лещинами.

Девочки относили большие суки и распиленные валежины, складывали их в штабельки, потому что из них, когда они подсохнут, будет хорошее топливо.

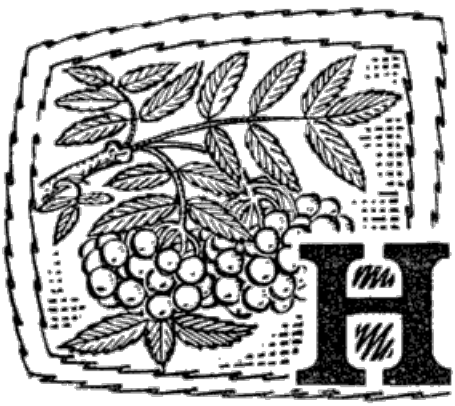
А малыши, как муравьи, таскали сучки, хворост, всякую мелочь на поляну, на которой должны потом зажечь костер.

Какой же то был бы поход в лес, если бы не было костра!

Интересный спор, объяснения и интересные стихи

В перелесках осенней долины
Разбежались красотки-рябины,
Были ягоды с бусами схожи,
Красовались на ветках пригожих.

Янка Журба



Не обошлось, как в каждом деле, без конфликтов и споров. Некоторым хлопцам хотелось показать себя с лучшей стороны, показать, что они и работящие, и умные, и хозяйственные. Амвросий свою делянку прочистил так, что едва поспевали выносить суки и разный хлам из-под его топора. Но вот в одном большом лещиновом кусте он заметил рябину. Деревце было рослое, красивое, с раскидистой кроной — ну прямо как яблонька, ухоженная опытным садовником.

— Ее надо вырубить! — и замахнулся топором.

Девочки схватили его за руку да в голос:

— Что ты делаешь? Такую красавицу губить?! Не позволим!

— А зачем она вам, горечь такая? Все равно срублю!

Зная, что с ним спорить трудно, особенно когда он начинает волноваться, они позвали Нину Ивановну. По дороге рассказали ей о своем споре.

Нина Ивановна нашла верную тропинку к сердцу Амвросия. Прежде всего она похвалила его за проделанную работу:

— А-я-яй! Вот это работники! Вот это делянка! Хоть на выставку! Э, да чему же я удивляюсь: тут у вас руководит всем

Амвросий. Так и должно быть!

Амвросию это понравилось. Каждый человек, хоть старый, хоть молодой, у которого есть какой-то природный, врожденный изъян, хочет в чем-то выделиться, чтобы этим самым снизить в глазах людей свой «брак». Он улыбнулся и ответил:

— Это вы, Нина Ивановна, чтоб подбодрить нас, так говорите, а на самом деле, наверно, у других еще лучше.

И так, будто между прочим, не догадываясь, что Нина Ивановна знает о его покушении на рябину, добавил:

— Мы хотели посоветоваться с вами, не срубить ли нам эту горькоту-непотребицу, а то сколько соков она отнимет у лещины.

— Какую непотребицу? — удивилась Нина Ивановна.

— Вот эту рябину.

— А почему она стала непотребицей?

— Что же в ней хорошего? Горькие ягоды, и все!

— Нет, Амвросий, это неправильно. Ты только послушай, что, кроме красоты, дает рябина. В первую очередь, это витамин С, витамин Р, каротин — провитамин А. Наша медицина рекомендует рябиновые ягоды как лекарство от многих болезней: авитаминозов, ревматизма. Народная медицина еще более широко использует рябиновые ягоды: как потогонное средство при простудах, от цинги, как кровоостанавливающее при кровавых поносах. И это не всё. Там, где рябины много, люди запасают ее на зиму и не только сами едят ягоды, но и кормят домашнюю птицу — кур, уток, гусей. А тетерева, глухари, рябчики, дрозды — что же они будут есть? С голоду им умирать?.. Еще из нее делают вкусный квас, варят варенье, делают настойки, вагонами привозят на кондитерские фабрики, а там делают пастилу, мармелад, конфеты. Ученые выделили из рябины сорбиновую кислоту (от латинского названия рябины — «сорбус»), предохраняющую продукты от порчи при консервировании. А черноплодная рябина имеет в себе такое вещество, которое связывает и выводит из организма стронций. Я рассказала только о том, что пришло мне на память. Возьми книжку в библиотеке и почитай сам — найдешь еще много, может, даже более интересного. Так стоит ли уничтожать такое красивое и полезное дерево?

— Ой нет, Нина Ивановна! Я обязательно посажу около своей хаты несколько рябинок. Спасибо вам за такое объяснение.

А девушки, которые с большим интересом слушали свою учительницу, хитренько усмехались: «Вот так Нина Ивановна! Топор было поднял, чтоб срубить рябинку, а теперь: „Около хаты посажу“».

Но никто не упрекал Амвросия за это, и работа снова пошла

полным ходом.

Услышав какой-то шум у первоклассников, Нина Ивановна направилась к ним. Оказывается, там спорили из-за заячьей капусты, или кислицы, как ее зовут еще.

— Можно ли ее есть?

Толя сказал, будто бы, наевшись заячьей капусты, будешь прыгать, как заяц.

Малышам Нина Ивановна не могла объяснить так, как взрослым, не могла им сказать, что в этой капусте-кислице есть щавелевокислый кальций, витамин С, что в народе этой трехлистной травкой пользуются для лечения от воспалений, для утоления жажды, для укрепления сердца. Пользуются в определенных дозах, в ограниченном количестве. Но знала она и о том, что бывали случаи, когда овцы погибали, наевшись этой травы. Чтобы на всякий случай предостеречь ребят от опасности, она объяснила им так, как это могло быть им понятно:

— Немножко можно съесть, попробовать, листочков пять-шесть. А остальное пусть остается зайчикам. Им тоже надо что-то есть. Орехов они не достанут, если бы и хотели; с наших огородов им никто капусты не даст. Кто же им посочувствует, как не вы, такие добрые дети? Кроме того, по этой траве можно узнать, скоро будет дождь или нет: перед дождем она складывает свои листочки, как бабочка крылышки, и поднимает их вверх. Увидишь — быстрей иди домой, а то промокнешь.

— Хорошо, Нина Ивановна! Мы немного попробовали, а остальное пусть остается дождю и зайчикам. Не будем их обижать.

А ели ли когда зайцы эту капусту, названную в их честь заячьей, она точно и сама не знала. Но ботяновские «зайчики» сразу кинулись от нее в другую сторону.

— Ящерица! Ящерица!.. — закричали первоклассники.

Вдруг новое дело: Аленка Михалюкова порезала палец. Вернее, оцарапала острым суком, но так, что пошла кровь. Пока Нина Ивановна дошла туда, девочки уже лечили свою подружку подорожником, за которым сбегали на поляну. Они аккуратно промыли палец криничной водой и обернули его большим, промытым листом подорожника. Потом завязали чистой тряпочкой.

Это средство известно не только взрослым, но и всем белорусским детям.

Интересно узнать, а почему именно подорожником надо обернуть палец или приложить подорожник к порезанному месту и есть ли еще какие травы с такими хорошими свойствами?

Действительно, учителям надо быть какими-то

энциклопедистами! Попробуй скажи один раз на такой вопрос: «Я не знаю», второй, третий… Никто больше обращаться не будет ни с какими подобными вопросами, а за глаза скажут: «А, да она сама ничего не знает, чему же она научить может!»

Хорошо, если учителя пополняют свои знания.

К счастью, Нина Ивановна читала научную литературу по своей специальности, журналы. Всего в голове не удержишь, это правда, но знала она много. Вот и про травы от порезов, а также для остановки крови в других случаях она знала и ответила ученикам так:

— Народная и научная медицина знает не меньше полусотни трав, которые могут быть использованы для этой цели. Кровь идет не только от порезов. Она бывает при заболеваниях кишечника, желудка, легких. Тогда, в зависимости от причины, пользуются черникой, геранью луговой, аистником, зверобоем, малиной, крапивой, дубровкой, ольхой, рябиной, подбелом, молочаем желтым, или, как его еще зовут, кровником, чистотелом, ценцелеей. Я не буду перечислять вам все эти хорошие травы, так как из них на первом месте стоит подорожник. Он растет везде, где только ступает нога человека, при каждой тропке, при каждой дорожке. Но он известен нам не только потому, что растет всюду. В подорожнике наука находит больше двадцати полезных веществ, в том числе витамин С, витамин К. Есть в нем каротин, эфирное масло, фитонциды, убивающие микробов. А витамин К, как вам уже известно, кроме всего прочего, помогает оседанию, свертыванию крови. Вот эта способность убивать микробов и помогать свертыванию крови и делает подорожник в первую очередь ценным и полезным при заживлении ран. Наши ученые старательно изучили все другие хорошие свойства подорожника, научились добывать его ценные вещества в чистом виде, что помогает лечить людей от разных болезней: заболеваний крови — для увеличения в ней гемоглобина, неврастении, атеросклероза, язвы желудка, заболевания легких, почек. Притом некоторые лекарства делаются из листьев, некоторые из корней. Для этого существуют специальные институты, фабрики. Вот почему подорожник пользуется таким почетом у нас и почему даже малые дети знают о нем. Это действительно наша «скорая помощь». Не оставили без внимания эту добрую травку и наши поэты. Наверно, вы знаете, какой белорусский поэт написал стихотворение, посвященное подорожнику?

Несколько голосов закричало:

— Витка, Василь Витка!

Нина Ивановна обратилась к Касе, услышав и ее голос:

— А может, ты, Кася, знаешь на память это стихотворение?

— Знаю, — ответила Кася.

— Так прочитай, пожалуйста.

Кася охотно согласилась, только заявила:

— Мне нужна высокая трибуна. Иначе вы меня и не увидите в такой толпе.

Трибуна нашлась сразу — большой пень возле лещинового куста.

Толпа слушателей сразу увеличилась — прибежали первоклассники, от которых ящерица все же убежала и спряталась под корнями.

Кася стала на «трибуну», обняла одной рукой дубочек и начала читать стихотворение. Над ней, как шатер, нависли гибкие ветки лещины, над лещиной выступали резные дубовые листья, а с левой стороны стояли две сосенки с красивыми дымчато-зелеными лапками. Хорошо она читала, приятно было и смотреть на нее в таком чудесном обрамлении.

ПОДОРОЖНИК

Здесь, у дорожной колеи
И троп, где часто люди шли,
Его заметить можно,
Он — подорожник.
Его немало топчет ног,
Босых или обутых;
Другой бы сник и занемог,
Не вынес и минуты,
А он разросся бестревожно,
Страдалец-подорожник.
Я думал, может быть, людьми
Наказан он жестоко.
А люди учат:
— Лист возьми,
Лечись целебным соком.
Поможет он надежно,
Наш скромный подорожник.

И с детских лет запомнил я
Широкий лист приметный.
Мила мне доброта твоя,
Ты терпишь, друг заветный,
Все, что терпеть возможно,

Зеленый подорожник!

На такой чудесной «трибуне» читалось красиво. Голос Каси доходил до слушателей, поднимался к вершинам дубов и сосен. Внимательная, отзывчивая аудитория вознаградила и стихотворение и Касю громкими аплодисментами.

И сразу же все дружно взялись за работу.

Трудно было поверить своим собственным глазам: лещевник, который «напоминал наши деревни после налета вражьей силы», стал выглядеть так, как парк в столице. Только что не было асфальтированных дорожек. Но зато были две хорошо утоптанные стежки, пересеченные ручейками. Через ручейки приходилось переходить, закатав штаны.

Хлопцы надумали сделать переходы-клади. Материалу много. Выбрали смолистые вершины, подтесали, положили хорошие опоры, и такие мосточки появились, что любо-дорого, да и только.

Не могли решить, как сделать перила, — не было ни гвоздей, ни проволоки. Совет дала Марьяна:

— Затешите колышки, да чтоб верх у них был с развилкой, вбейте в суглинок, а на развилочки положите жердь и лозой как следует привяжите.

Так и сделали. Тогда началась «обкатка»: всем младшим школьникам захотелось обязательно пройти на ту сторону и назад. На некоторое время они перестали носить хворост. Подумать только, как много нового дома надо рассказать!

«Мамочка! Ребята сделали в лесу новые мосты. Да такие большие! Ну как от стола до печи! А мы по ним ходили, даже бегали!»

Но вот перепилены последние валежины, ветки и сучки принесены на поляну. И тогда, уже одновременно с закатом солнца, вспыхнул костер. Сухой можжевельник, которым разжигали, наполнил воздух приятным, душистым, сладковатым дымом. Старшим школьникам оставалось только следить, чтоб малыши не обожглись: они обступили костер со всех сторон.

Оркестр исполнил несколько песен. Затем читали стихи Янки Купалы, Алексея Пысина. То ли потому, что последнее стихотворение читала Кася, а она читает очень хорошо, то ли потому, что и стихотворение Пысина очень хорошее, но ее попросили почитать на «бис». По этой причине и мы даем его полностью:

Не знаю я, каким узлом
Навеки я привязан

К вам, сосны за моим селом,
И яблони, и вязы!
Мостки болотистых полян,
Хлеба отчизны милой.
Курганы наших партизан,
Гвардейские могилы…
Я знаю, не скуется меч
И время не настанет,
Когда б он узел мог рассечь
И сердце не поранить.

Костер догорал, несмотря на то что в него подбрасывали недогоревшие головешки.

Встали снова по классам. Теперь никто из малышей не жаловался Зое Кирилловне, что его толкают или еще как обижают: не было времени заниматься такими глупостями. Все головки, русые, чернявые и светло-льняные, были так переполнены впечатлениями сегодняшнего дня, что даже начинали клониться, как спелые колосья.

Нина Ивановна сказала:

— Надо скорее, Сымон Васильевич, вести их домой, а то малыши еще заснут тут, в лесу.

В целях восстановления исторической правды скажем, что арьергард утреннего похода целиком влился в авангард вечернего.

Оркестр заиграл снова:

Эй, орлята, шире крылья!
Взвейтесь выше в битве ярой…

И все двинулись в обратный путь. И тут запели соловьи.

Как они пели!..

Это надо слышать самому, потому что рассказать — не расскажешь. Во всяком случае, они пели так, как сказал о них когда-то наш земляк, выдающийся поэт Владислав Сырокомля. По его словам, соловьиная песня

…горя тяжесть снимает
и, печаль разгоняя,
в сердце радость колышет
в предвечернем затишье…
Мил тот щелк соловьиный
свежим травам, лощинам.

Даже месяц двурогий,
съехав с вечной дороги,
встал и тихо вздыхает
над опушкою с края.

Но наш отряд не свернул никуда: надо было идти домой. Нина Ивановна и Марьяна Ивановна на всякий случай шли сзади, чтоб случайно кто из малышей не отстал.

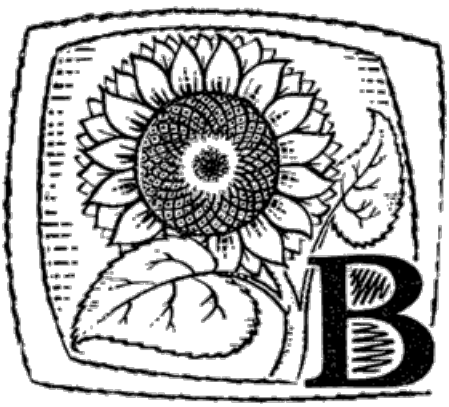
Под торжественное пение соловьев, под прощальный гомон великанов дубов и шелест лещины колонна вышла на дорогу.

Вскоре пришли в родные Ботяновичи.

Всегда вперед!

Ты слушай, послушай,
товарищ и брат, —
вперед неизменно, ни шагу назад!
[3]

Янка Купала



В школьном саду и на огороде работы шли непрерывно. Не было ни суеты, ни путаницы, так как каждая, самая маленькая делянка была закреплена за определенной группой учеников. В каждой такой группе-звене были ученики всех классов. Старшеклассники передавали свой опыт и знания младшим незаметно, во время работы. Тут же проводились обсуждения, поиски лучших, более пригодных способов посадки. Спорные вопросы решались совместно с Ниной Ивановной. Случалось, что проводились консультации и с Иваном Степановичем.

Не будем говорить про капусту и огурцы, а также морковь, свеклу, которых тут было по нескольку сортов, возьмем для примера черноплодный паслен.

Ответственной за эту делянку была Кася. А у нее в звене, кроме учеников младших классов, был и Амвросий.

Выполнив посадку, они начали делиться мыслями о том, как сделать крупнее сами ягоды.

— Как известно, черноплодный паслен не пасынкуют, — сказала Кася. — А если взять да кустов пять или шесть спасынковать? Не поможет ли это укрупнению ягод?

— Их, понятно, будет меньше, но попробовать стоит, — подхватил Амвросий. — Ведь томаты бывают мелкими, если их не пасынкуют. Спросим у Нины Ивановны.

Нина Ивановна встретила их предложение одобрительно.

— Обязательно надо проверить! — сказала она. — Только имейте в виду, что пасынковать надо ежедневно. Черноплодный паслен растет очень бурно.

Так и договорились. Шесть кустов, как только они более-менее подрастут, будут регулярно пасынковаться.

Две грядки были заняты под дубровку, но на каждой работало отдельное звено. Это для того, чтоб не было ошибок и недосмотра: одно звено своей работой будет проверять и контролировать другое.

Чтоб дубровка лучше принялась, ее выкапывали с землей и приносили с луга на огород.

Каждая грядка была разделена на пять делянок: одна контрольная, без удобрения, на остальных разные удобрения — обычный навоз, минеральные удобрения, смешанные (перегной и минеральное удобрение).

Условились, что как только созреет дубровка, обязательно собрать семена, чтоб потом можно было посеять и сравнить, как лучше — из корнеплодов или из семян.

Звену Ганны Лосик был поручен топинамбур, или земляная груша. Но девочки попросили разрешения у Нины Ивановны посадить на соседней грядке подсолнечник. Поскольку оба эти растения из одной ботанической семьи, они решили провести опыты по скрещиванию их.

Нина Ивановна одобрила их решение, но предупредила, что такие опыты проводились на Украине и в Румынии.

— На Украине получены гибриды, которые уже культивируются в совхозах и колхозах. В среднем этот гибрид дает там пятьдесят тонн клубнеплодов и более семидесяти тонн зеленой массы. В стеблях есть 12–15 процентов сахара и до 3–4 процентов белков. В любом случае, — добавила она, — работа очень интересная и должна дать нам много поучительного.

Так и было сделано.

Особенно заинтересовало юннатов, что клубни топинамбура могут, не портясь, зимовать в земле.

Сымонову звену был поручен физалис двух сортов: ягодный (земляничный) и обычный (маринадный). Тут никаких вопросов не возникало, если не считать одного: почему первый называется ягодным?

Нина Ивановна объяснила, что у ягодного физалиса мельче плоды, что он действительно имеет вкус и запах, напоминающий нашу землянику. Кроме того, в земляничном физалисе вдвое больше сахара (8,8 процента), тогда как у обычного — 3 процента. Да и вес ягод очень разный: у обычного от 30 до 90 граммов, а у

земляничного только от 3 до 5. Надо сажать каждый сорт отдельно, так как обычный вырастает до двух метров высоты, а земляничный намного ниже — от 60 до 80 сантиметров.

Зосино звено третий год проводило интересную работу с картофелем. При этом, разумеется, ученики руководствовались научными советами.

Оказывается, если взять с картофельных кустов семена, какие бывают в так называемых яблочках, и посадить их, так из каждого семечка вырастет почти что другой сорт, многие из которых непохожи на материнский куст. Это помогает людям выводить совершенно новые сорта картофеля.

В первую же осень, когда под маленькими кустиками появились картофелинки чуть крупнее горошины, был сделан отбор по форме и цвету картофелинок. Те картофелинки, которые имели несовершенную форму, недоразвитость, были отброшены.

На другой год лучшие картофелины были посажены уже с разделением на сорта, а их набралось пять: синие, розовые, красные с белыми крапинками, снежно-белые и черные.

Собран был второй урожай. Картофелинки были чуть меньше обычных.

И вот в этом году картофель сажали на семена, чтоб осенью окончательно решить вопрос о том, какой сорт лучше, более урожаен и вкусен.

Звено собрало много золы. В каждую лунку сыпали пригоршню золы, а потом клали картофелину и присыпали землей. При этом имелось в виду не только дать подкормку молодому растению, но и предупредить появление какой-нибудь болезни. Как известно, многие возбудители картофельных заболеваний от золы погибают.

Делянка была не малая, каждый сорт высаживали отдельно. Петрусек сразу заявил, что наибольшее внимание будет отдавать первой делянке, на которой был посажен картофель синего цвета.

Зося спросила его:

— Петрусек, а если осенью выявится, что синяя картошка невкусная, а вкуснее красная с белыми крапинками, как тогда будет?

— А я скажу, что все равно синяя вкуснее!

— Так же нельзя! Это будет обман!

— Не знаю, Зося, — честно признался Петрусек. — Может, надо ухаживать за всеми сортами, чтоб потом не ошибиться.

Посмеялись над таким признанием. Тем временем закончили и посадку.

— Теперь, братцы, — сказала Зося, — как придет время, будем полоть, окучивать.

— Копать и пробовать, — добавил Петрусек.

Звену Ганны, в котором был и Адам, были поручены бобовые культуры: горох, фасоль, боб, соя, чина, нут. Делянка была параллельно с оградой, возле которой росла целая полоса желтой акации. У Адама как раз и была цель: использовать что только можно для прививки на желтую акацию и на переопыление с этими бобовыми растениями.

Старшие ученики, которые в этом году кончали школу, решили оставить по себе добрую память. Прежде всего они отремонтировали ограду всей школьной усадьбы. Это была работа не легкая. Нужно было и столбы многие менять, и штакетник новый пилить. Одним словом, попотели. Другие старшеклассники выкопали в лесу около сотни кустов можжевельника, да не кое-как, а с большими комьями земли. Для перевозки их были использованы колхозные машины, которые возили удобрение на поле, а назад возвращались налегке.

Кусты надо было посадить на школьной усадьбе. Ученики прокопали две параллельные траншеи от ворот до школьного крыльца, а потом ставили в них можжевеловые кусты на некотором расстоянии один от другого и засыпали землей.

После посадки их не подстригали, а оставили эту операцию на предосеннее время, чтобы дать им приняться, окрепнуть. Но уже и в таком виде они украсили школьную усадьбу.

При этом ученики попросили Нину Ивановну объяснить, почему можжевельник растет не деревом, а кустом.

— Наш можжевельник может расти деревом. В северо-восточной части Норвегии, например, растет одно можжевеловое дерево высотой 17 метров, а в толщину, на высоте груди, 66 сантиметров в обхват. Лет ему 85–90. У нас такие деревья не встречаются. Может, и потому, что можжевельнику у нас не дают расти. Как только подрастет немного, то на кнутовище, то на трость, то на кочережник вырубят, так как древесина у него очень крепкая, прочная. Вы только обратите внимание, что делается осенью: каждая хозяйка обязательно нарежет добрую охапку можжевельника кадки парить. А для копчения мяса, рыбы разве не идет можжевельник? Недавно еще, когда мало липы было, с него драли лыко на лапти. Он же идет и на лекарства от разных болезней. В ягодах можжевельника есть сахар, смола, воск, яблочная, муравьиная и уксусная кислоты, минеральные соли, витамин С, эфирное масло…

— А мы не посадили даже двух деревьев, забраковали их. Думали, что они для подстрижки не годятся, — сказал один из мальчиков.

— Как раз их и надо посадить у ворот, — сказала Нина

Ивановна. — Пускай растут деревцами, на память о вас.

Хлопцы сразу взялись за дело — и около ворот встали два красивых можжевеловых деревца.

Старшеклассники решили также оборудовать школьную спортивную площадку. Они основательно выровняли ее и посеяли на ней семена спорышника, или, как его зовут иначе, зерницы, гусятника, гречишника.

Это очень интересная и ценная трава. Как и подорожник, спорышник растет всюду, где есть люди: на дворах, на стежках, на дорогах. Кто его только не топчет! Какая скотина его не поедает, какая птица не выбирает его мелкие семена! А он растет и растет, застилает все площади, на которых никакое другое растение расти не может.

А какая эта трава ценная по своим качествам — просто удивительно! Медицина использует ее как лекарство от многих болезней.

Кроме этих качеств, есть еще одно качество у нашего заброшенного спорышника: он не растет высоко, стелется по земле, сплетаясь в тугой, плотный ковер, по которому можно бегать не спотыкаясь; тем самым он задерживает собою пыль.

Потому и посеяли спорышник на школьной спортивной площадке.

— Не будете, мальчики и девочки, бегая, пыль глотать. Вспомните нас добрым словом, — сказал Сымон Васильевич.

Посеяли как раз в добрую пору, под самый дождь. Через несколько дней спортивную площадку нельзя было узнать: будто светло-зеленый бархатный ковер расстелили на ней. Только вокруг стояла темно-зеленая трава, оттеняя красоту спорышника. Несколько дней на спортивной площадке не проводилось никаких занятий, тем более что и не до того было: сев. Юные натуралисты шли всё вперед и вперед.

В этом походе они не знали ни усталости, ни скуки, а приобретали знания, набирались сил, имели всегда веселое, праздничное настроение, которое приносит всем людям творческая, радостная, плодотворная работа.

Желтая акация

Создание гибридов между древесными и травянистыми растениями дает огромное число самых разнообразных форм растений по признакам и свойствам. Преодолев трудности и овладев познаниями в этой области, мы сумеем тогда превращать травянистые растения в древесные и древесные в травянистые.

Академик Н. В. Цицин

О желтой акации состоялся предварительный разговор старшеклассников и натуралистов с участием Сымона Васильевича, Нины Ивановны и Ивана Степановича.

Было прочитано еще раз полное описание желтой акации с характеристикой ее ценных качеств.

Желтая акация растет на всей территории Советского Союза. Если бы подсчитать количество отдельных кустов ее, были бы огромные миллионы. Кроме тех мест, где она растет испокон веков как дикорастущая (в Западной Сибири, например), неисчислимое количество ее посажено и ежегодно высаживается вдоль железных дорог как живая изгородь, для защиты от заметания снегом путей.

Много ее высаживается возле садов и парков для создания красивой зеленой изгороди.

Если бы удалось придать ее семенам — мелкому горошку — свойства гороха, бобов или фасоли, это было бы необыкновенным

событием в сельском хозяйстве, так как добавило бы в закрома миллионы тонн многолетнего гороха, который не надо сеять каждый год, для которого не надо занимать дополнительную площадь земли, так как желтая акация и так занимает ее много и будет занимать независимо от того, смогут ли люди использовать ее семена. Ведь она ценна и в своем современном виде. Притом и листвой, и древесиной, и семенами.

В ее листьях находится глюкозид караганин (названный так по ее ботаническому имени) и много витаминов, в том числе витамин С, каротин. Как лекарство желтая акация использовалась только народной медициной: при катарах дыхательных органов и от золотухи.

В семенах, которые и теперь во многих местах используются на корм птицам, а порой, в трудные годы, шли и на питание людям, содержится до 12 процентов жиров.

Из коры, после соответствующей обработки, вили веревки, из листьев делали синюю краску…

Об этом узнали любители желтой акации на своем маленьком совещании.

В статье академика Н. В. Цицина дополнительно прочли еще и о том, что в прошлом столетии сибиряки называли желтую акацию гороховым деревом.

«В мукомольном и хлебопекарном отношении, — отмечает академик Цицин, — семена желтой акации также очень интересны. Из муки, полученной из семян желтой акации, можно приготовлять лепешки, галеты, печенье. После технологической обработки зерна мука из желтой акации в смеси с пшеничной дает вкусный, красивый по цвету, питательный хлеб».

Это не все, но, во всяком случае, основное, что характеризует желтую акацию с хорошей стороны.

Надо думать, что опыты с желтой акацией проводят многие, только мы точно об этом не знаем. Быть не может, чтоб никто не заинтересовался у нас таким делом!

Но…

Академик Цицин пишет, что «десять тысяч цветков этих растений, переопыленных между собой искусственным и естественным путем, дали отрицательный результат».

— Не отказаться ли нам от этой работы? — спросил Сымон Васильевич.

— Нет! — ответили школьники. — Не хотим отступать перед трудностями. Всё испытаем сами.

— Я хотел только проверить, насколько вы подготовлены к такой нелегкой работе, — ответил Сымон Васильевич. — Хотел убедиться окончательно, ясно ли вы представляете ее. Это же и

Лютер Бёрбанк сказал: «Выводить растения может только человек, наделенный фантазией и точно знающий, чего он желает достичь». Чего мы все хотим достичь, мы выяснили всесторонне. Теперь своей работой мы должны доказать, что у нас есть и творческая фантазия. Давайте же обсудим способы, какими мы будем достигать своей цели. Это обсуждение будет одновременно и испытанием нашей фантазии.

Мыслей, соображений и предложений было высказано много. Но все пришли к одному выводу: надо в первую очередь использовать методы вегетативного сближения, прививок, которые разработал Мичурин, которые использует в своих последних экспериментах и академик Н. В. Цицин.

Если удастся привить однолетние растения — горох, боб, фасоль, нут к желтой акации, тогда можно будет вести работу дальше, по всестороннему закреплению успеха.

Иван Степанович подал дополнительно такую мысль:

— Вы, Сымон Васильевич, вспомнив Лютера Бёрбанка, помогли и мне вспомнить один очень интересный его эксперимент — «соковую гибридизацию», как он назвал его. Прививая пурпуровую сливу к обычной, он заметил, что прививка не принялась, но получен был плод пурпуровой сливы с обычной. Это явление он объяснил воздействием соков от прививки. Если так, то почему ж и нам не попробовать этот способ в своей работе с желтой акацией? Терять мы ничего не теряем, а хороший результат может получиться.

Так и порешили. Акации хватает. Как только подрастут горох и все другие бобовые, сразу браться за дело, причем в трех направлениях: переопыление, прививки веток от однолетних бобовых на желтую акацию и прививка соками тех же растений.

На этом первое собрание, можно сказать организационное, закончилось.

Но жизнь идет вперед. Через две недели материал для прививок был готов. Все участники первого совещания снова собрались и принялись за прививку. Не без того, что некоторые гороховые или бобовые стебельки были испорчены. Бóльшая часть все же была привита хорошо. Прививку соками, или соковую гибридизацию, проводили двойным способом: самостоятельно и как поддержку к прививке.

Все работали с большим увлечением. Привили много, сотни единиц, а принялось… всего восемнадцать.

Хорошо или плохо?

Сошлись на том, что результаты необыкновенно хорошие. Надо было видеть, как привитые стебелечки однолетних растений зеленели, деревенели, цвели, как на них начали завязываться

лопаточки, переходить в стручки… Одним словом, как фантазия превращалась в действительность. Это был первый праздник. Второй будет тогда, когда будут собраны семена. А вот третий, самый торжественный, состоится тогда, когда семена взойдут, так как, к сожалению, не всегда в таких случаях они всходят.

Золотая осень

Тихо стелется, стелется
лист к листочку в лесах,
золотая метелица
шелестит на дубах.
Замела рыжеватая
вересковый разлив
и плывут грустноватые
надо мной журавли.

Антон Белевич

Лето кончилось. Приближалась осень. На березах, на дубах, особенно на кленах, начали желтеть листья. Аисты уже вылетели на луга, на болота с семьями. О чем-то уже они начинали сговариваться со своими соседями, готовясь в далекий отлет.

Приближалась золотая осень.

В одной нашей предсвадебной песне поется:

— Чалом, мая матачка, мы да вас!
Ці здарова дзевачка тут у вас?
— Ды здарова, здарова, як зіма,
Ды вясёла, вясёла, як вясна,
ды рабочая, рабочая, як лета,
ды багатая, багатая, як восень.

Своя прелесть есть в каждом времени года, не только у весны; работы хватает круглый год, но богатство людям, особенно в сельской местности, действительно приносит осень. Недаром в

старые времена люди Новый год праздновали осенью: некоторые первого сентября, некоторые первого октября.

Мой один знакомый сказал как-то, идя со мной по улице города Зугдиди, на мостовой которой там и сям лежали яблоки: «Осенью бедных нет. Все богатые».

На полях, в огородах, в садах, в шумливых борах и пущах — везде созревает урожай, сеянный и несеянный, подготовленный людьми и уготованный извечной матерью — Природой.

На просторах колхозных полей мерно рокочут комбайны, по дорогам едут автообозы с зерном, с овощами. Из лесов утром люди носят кошелками грибы, ягоды.

Все старшие ученики работали на колхозных полях. Они еще весной взяли почетное обязательство — вспахать, посеять, обработать двадцать гектаров полевой земли. Теперь на этом участке кончали уборку зерновых, бóльшая часть которых была собрана и обмолочена раньше. Спешили — все дни имели свое назначение. Сегодня четверг — последний день работы в поле; в пятницу надо собрать все, что должно быть убрано на пришкольном огороде и в саду. В субботу побыть дома, помочь родным в домашних делах, а в воскресенье — осенний поход в лес, в лещевник. Там ждет их всех со своими дарами лещина, которую они чествовали весной, опекали летом.

Предварительные смотрины показали, что сбор будет богатый. То ли действительно помог хороший уход, то ли год такой выдался, но орехов было полно. Плоды так и сверкали в зеленой листве, особенно теперь, когда орехи поспевали и стали золотистыми.

Малыши тоже беспокоились. Они заметили, что в лещевнике что-то чересчур шустро хлопочут белки.

— Соберут все самые лучшие орехи, — говорили они дома и в школе, куда прибегали специально с этой целью.

Их успокаивали: мол, хватит для всех и белкам надо что-то есть. Но медлить не стоило, так как время от времени находили опавшие орехи на земле. Значит, чем дальше, тем больше они будут опадать.

Вот почему поход был назначен на воскресенье.

Хорошо все шло и на школьном огороде. Черноплодный паслен давал очень много ягод. Старались обобрать куст как следует, не оставив ни одной спелой ягодки. Приходили утром и удивлялись: снова стоит куст весь в ягодах, черный. Так они быстро поспевали, так их было много.

Пасынкованные кусты черноплодного паслена резко отличались от непасынкованных. Ягод было, правда, меньше, но зато они были величиной с вишню. Несколько ягод было со

сливу. Самые крупные ягоды держали на кустах до полной зрелости. Потом их снимали, и они дозревали отдельно, для семян, в теплице. Эти семена должны были на будущий год показать, передастся ли укрупнение потомству.

Собраны были и посеяны семена дубровки. Она сама дала хороший результат: корнеплоды были вообще втрое больше, чем у лесной.

Для первого года тоже хорошо.

Из некоторых кочанов капусты выглядывали огуречные листочки, будто прищемленные капустными. А на огуречной грядке лежали десятка два бутылок, а в них… большие огурцы.

В чем дело? Что это — фокус или недосмотр какой? Да нет! Все было сделано с умыслом, для практики. Оказывается, если огуречную плеть с маленьким огурчиком ввести в пустую бутылку, то огурец там будет расти вполне нормально. Когда он полностью вырастет, созреет, тогда плеть срезают, бутылку закупоривают и даже засмоливают. Так огурец может лежать почти всю зиму. Горлышко бутылки срезают, достают огурец и едят зимой, будто только что с грядки, свежий.

Нечто подобное было и с капустой. Пока кочан не завился, за капустные листья закладывались огуречные плети с завязью, с маленькими огурчиками. Огурец доспевает в кочане, после чего плеть отрезается. Так в кочане, как в каком-то маленьком амбаре, и лежит огурец, пока его зимой не достанут и не съедят, скажем, на Новый год. Для того чтоб знать, в каких именно кочанах есть огурцы, в них и оставляют часть ботвинки с листочком.

Просто, но интересно. Эти опыты очень понравились младшим школьникам, которые внимательно следили, чтоб огурцы в бутылках не пожелтели.

Они же под наблюдением старших ребят смолили бутылки и наклеивали на них этикетки с надписью, кто ухаживал за тем или другим огурцом.

На желтой акации принялось восемнадцать прививок. Но летом по неизвестным причинам четыре захирели, потом совсем зачахли, едва проклюнулись лопаточки.

Всего было собрано шестьдесят восемь нормальных стручьев, а в них по три-четыре горошины.

Стручья рвали и сортировали все участники опытов с желтой акацией: ученики, преподаватели, директор.

Решили положить их на скамейку возле теплицы, чтобы они до вечера посохли на солнце, чтобы последний сок, который был еще в стручьях, перешел в семена.

На всякий случай поручили Гиляру следить, чтобы кто-нибудь их не разбросал и не съел, приняв за обыкновенный горох.

Должно быть, нет более нудного занятия, чем работа сторожа: друзья ходят, что-то делают, а ты сиди сложа руки. Можно только удивляться, как это здоровые, сильные люди стремятся именно на такую работу. Наверно, как говорится, лень раньше их на свет родилась.

Гиляр, активный, работящий парень, томился так, что нельзя даже себе представить.

Вдруг он заметил, что девочки, которые были в «гарбузном» звене, начали носить тыквы. А тыквы крупные; не так тяжелы, как неудобны при переноске.

Гиляр побежал к ним:

— Давайте, девочки, я вам помогу!

— Пожалуйста.

Тыкв этих было десятка три-четыре. Но пока туда-сюда, прошло с полчаса. А до этого мимо Гиляра раза два прошел Юрка Рослик, тот самый, которого в стенной газете нарисовали в виде пчелы, что резвинами мед носит.

Когда Гиляр отвлекся, Юрка спокойно подошел, собрал все стручки в кепку и направился с ними в самый конец сада, где и поставил под сосенкой. Сам же, будто ничего не зная, вернулся в огород и занялся томатами.

Гиляр, став снова на пост, чуть в обморок не упал. Вначале он подумал, что девчонки подшутили над ним:

— Девочки! Что это за шутки? Отдайте стручки.

— Да ты что, Гилярка! — удивились те. — Мы их не трогали.

— Ужас! Куда же они делись?

Кто-то вспомнил, что тут поблизости вертелся Юрка.

Сразу к Юрке:

— Ты взял! Больше некому.

— Да отстань! Я ваших стручков в глаза не видел, — начал отказываться Юрка.

Но Кася обратила внимание на то, что он именно про стручки заговорил.

— Подожди, подожди, а почему ты знаешь, что мы стручки ищем? А может, у нас кто тыкву взял?

Почувствовав, что он попался, Юрка начал выкручиваться:

— Я видел, как их ежик унес.

— Какой там еще ежик? Ежи днем не ходят.

— Если я говорю, что еж, так я что-то знаю.

Сымон, который до сих пор молчал, выкрикнул вдруг:

— А ну веди к тому ежику, а то… знаешь, что будет?

Не говоря больше ни слова, Юрка повернулся и пошел в сад. Все за ним. Дойдя до сосенки, под которую он положил кепку со стручками, он сказал:

— Смотрите, вон ваши стручки, а вы ко мне прицепились.

Адам подбежал к сосенке и достал кепку со стручками.

— С каких это пор ежи начали кепки носить? Они же в шляпах ходят, — пошутила Марыля.

— Э-ге, — добавил Сымон, — да это же, Юрка, твоя кепка! Или ежик занял ее у тебя?

Юрка насупился и молчал.

Адам сказал ему с укором:

— Зачем так сделал? Разве ты не знаешь, что мы все лето за ними ухаживали, работали… Это же мы не для себя — для всех людей стараемся, в том числе и для тебя… Эх, ты!

— Я думал, что вы меня в свой кружок примете, если я помогу вам отыскать стручки.

Все засмеялись: уж очень неожиданным был такой ответ.

— А почему же ты не попросился в наш кружок?

— Вы не взяли бы меня. Вот я и решил геройский поступок совершить.

— Какой же это героизм — стручки прятать? Ты нам все перепутал. Теперь надо снова разбирать — который с какого куста.

Подумав немного, Адам добавил:

— Хорошо. Принимаем тебя в свой кружок.

Девочки и мальчики ужаснулись.

— Молчите! Я знаю, что говорю. Так слушай, Юрка. Все наши друзья принимают тебя в кружок «Желтая акация», но с испытательным сроком. Сегодня ты будешь у нас сторожем. До самого вечера будешь охранять стручки, чтоб никакой ежик на них не польстился. Понял?

— Согласен! — с радостью ответил Юрка.

Адам пересчитал стручки.

— Видишь? Шестьдесят восемь!

— Вижу.

Так Юрка, сменив Гиляра, стал сторожем в звене «Желтая акация».

К вечеру, когда намеченные планом работы были закончены, снова пересчитали стручки — все были на месте.

Их разобрали, вышелушили и сложили в пять отдельных пакетиков, и на каждом написали, с какой прививки семена.

— Вот наше золото, — сказала Марыля.

— Эти семена могут оказаться дороже золота, — задумчиво, глядя на пакетики, сказал Сымон Васильевич.

— Теперь только посадить и дождаться окончательных результатов, — добавила Ганна. — Как хочется, чтоб результаты были хорошими!

— Посадим сразу, — поддержал ее Сымон Васильевич.

— Никак нельзя! — ответила Нина Ивановна. — Можно посадить только на той делянке, где растет фасоль, а она еще не вся поспела. Придется несколько дней подождать. Семена я могу взять в биологический кабинет.

— Да нет, Нина Ивановна! Еще туда какой-нибудь ежик заползет, беда будет!

Слушая этот разговор, Кася предложила взять семена к себе домой.

— Верно! — согласилась Нина Ивановна. — У Каси одна мать дома, малышей нет.

Так плоды летней работы и долгих размышлений кружка «Желтая акация» оказались в Касиной хате.

Придя домой, она взяла деревянный шар, пустой внутри. В нем когда-то были мелкие игрушки, а теперь он стоял на комоде как память о детстве. Кася развинтила его и вложила в него пакетики с семенами. Потом снова поставила шар на комод.

В субботу она занималась домашними делами, помогала матери, а в воскресенье пошла со школой собирать орехи.

В тот же день и произошел неожиданный случай с шаром… Но пока что пройдем в лес.

Осенний праздник лещины

…Сколько в тенистых
Дубравах, долинах
Там было орехов
На ветках, в лещинах!

Максим Танк

В субботу по колхозному радио объявили, что в воскресенье в семь часов утра назначается сбор школьников для похода за орехами. Всех предупредили, чтоб оделись потеплее, надели на себя что-нибудь похуже, во всяком случае будничное, чтоб каждый взял с собой корзинку. Заранее было договорено, что колхоз даст раздвижные лестницы, чтоб не лазить по сучьям. В субботу же лестницы были подвезены к школе.

Школьное начальство сомневалось, стоит ли везти буфет, поскольку дети, безусловно, наедятся орехов. Решили все же привезти несколько больших термосов со сладким чаем и печенье.

Нина Ивановна предложила начать сбор немного позднее, так как с семи часов рановато, но директор не согласился с ней:

— Вы, Нина Ивановна, забываете, с кем мы имеем дело. Некоторые придут в одних рубашонках, увидите сами. Придется посылать их одеться потеплее. Да мало ли еще какие задержки будут! Хорошо, если двинемся в половине девятого.

Так и вышло. Несколько мальчишек прибежали в праздничных рубашках. Некоторые, младшие главным образом, взяли такие большие корзины, которые даже пустыми таскать утомительно.

— Ну, Петрусек дорогой, — спрашивала Зоя Кирилловна, —

зачем ты такую большую корзину взял? Разве у вас нет поменьше?

— Почему нет? Но какой из меня работник будет с маленькой? — никак не соглашался Петрусек.

Как ни старались, как ни разъясняли, а приходилось некоторых упрямцев посылать со старшими учениками по домам, чтоб на месте уладить вопрос.

Так час и прошел, пока все стали в строй.

Сымон Васильевич пошутил:

— А все же я ошибся. Думал, что на подготовку уйдет полтора часа.

Сложили лестницы на грузовик. Пришел оркестр. Все стали в строй. И снова, как весной, старшие по классам, адъютанты, отрапортовали Зое Кирилловне о готовности.

И снова Зоя Кирилловна скомандовала:

— Орлята, в поход!

Оркестр заиграл походный марш.

Все двинулись. Шли дружным шагом, но впереди были самые маленькие, поэтому оркестр был предупрежден идти медленнее.

Директор пригласил в лес Марьяну Ивановну, Сергея Петровича. Они обещали быть, только попозже: надо управиться с домашними делами — как-никак воскресенье.

Когда взошли на полянку, все снова построились, как и весной.

Сымон Васильевич сказал всего несколько слов:

— Вот, дорогие мои, мы дождались и другого праздника лещины. Теперь мы все своими глазами убедимся, как она отблагодарит нас за наши хлопоты о ней. В добрый час!

Оркестр заиграл новый походный марш. Под звуки этого марша все начали расходиться на свои площадки. В каждом звене были старшие и младшие школьники, каждое звено получило по пять лестниц.

На поляне разостлали большие брезенты, на которые должны были высыпаться орехи. Подвезены были и мешки.

Так началась веселая, любимая всеми детьми и юношами работа. С самого начала разговоров не было: каждому хотелось разгрызть и попробовать орехов. Ждали же их долго.

На брезентах росли целые кучи орехов. Прибегали шустрые, веселые девочки и мальчики. Высыпали торопясь, так как сборщикам нужны были корзины…

Часа через три был объявлен перерыв. Наевшись орехов, действительно никто есть не хотел, а только просили чаю. Во время перерыва ни у кого руки не отдыхали — каждый вышелушивал из гнезд орехи.

После перерыва работали с песнями, с частушками, с

шутками. В лесу стало полно веселых голосов.

Пришел и председатель колхоза. Вместе с Сымоном Васильевичем они обошли весь лещевник, прикинули на глаз, сколько собрано, сколько остается собрать.

Сергей Петрович даже головой покрутил.

— Подумать только! Такое богатство пропадало. Самое плохое, что рвали зелеными. Одна порча была. А это — какое ядро! — показал он Сымону Васильевичу, разбив орех камнем, так как зубами грызть не отваживался. — А вкус какой! — добавил, попробовав орех.

— Я уже ел, — ответил Сымон Васильевич. — Вкуснота. Не знаю, как по-твоему, а я считаю, что тонны четыре — соберем.

— Меньше не будет. У нас в Ботяновичах семьдесят четыре хаты. Надо сделать так… Учеников сто одиннадцать. Если на каждого ученика отсыпать килограммов по пять да на семью, независимо от того, есть ли дети или нет, килограммов по пять тоже…

— А зачем еще на семью? — спросила Зоя Кирилловна, которая как раз в это время подошла к ним.

— Взрослые тоже берегли лещевник. Никто не ходил, не рвал самовольно. А разве мы охрану ставили или на замок лес запирали? Это надо ценить. Пусть получат все. Кто сам не погрызет, малышам отдаст. Одним словом, пусть это будет общим праздником. Таким образом, у нас сбор сразу уменьшится на тонну. Вторую тонну я предлагаю засыпать в колхозный амбар, чтоб орехи лежали для подарков на праздники — Октябрьские и на Новый год. Тонны полторы надо использовать для выжимки масла. Это даст нам самое малое литров четыреста — пятьсот хорошего масла. Пускай люди попробуют и еще больше убедятся в том, что лещина достойна нашего внимания. Макуха или выжимки пойдут на выпечку печенья.

— А если будет собрано больше, чем предполагали, что будете делать с остатками? — спросила Нина Ивановна.

Сымон Васильевич долго не думал:

— Если будет собрано больше, очень хорошо. Я предлагаю все, что будет сверх нашего предположения, продать на рынке, а деньги использовать на организацию экскурсий, вообще на расширение работы юных натуралистов.

— Вот это, Сымон Васильевич, ты хорошо придумал! — заметил председатель колхоза. — Это понравится и детям: сами заработали на свои расходы.

Не будем рассказывать о разных мелких происшествиях, без каких не обходится ни одно дело, ни большое, ни малое. Но время шло, солнце склонилось на запад.

Некоторые звенья закончили работу раньше, но не потому что они работали лучше, помогло то, что на некоторых делянках меньше лещиновых кустов: разве их считали, когда весной ставили звенья на расчистку? И тогда они со своими лестницами переходили к соседям. Как бы там ни было, а в четвертом часу закончили сбор орехов.

Потом стали очищать, насыпать орехи в мешки…

Когда вновь все собрались на поляне, к ним обратился Сергей Петрович:

— Дорогие наши юные друзья! Дело, ради которого мы сюда пришли, завершается. Вы своими руками собрали богатый урожай с лещины, про которую весной так хорошо сказала Марьяна Ивановна. Лещина действительно отблагодарила всех за заботу о ней. Теперь поговорим о том, что будем делать с орехами. Мы посоветовались с директором, с учителями и решили вот так…

Сергей Петрович рассказал об этом проекте.

— Согласны ли вы с ним, нет ли у вас возражений или, может, каких-нибудь других предложений?

Поднял руку Адам Скрипка.

— По-моему, проект ваш, Сергей Петрович, хороший. Но я предложил бы центнера два послать в подарок Братковской школе. У них своего лещевника нет, а мы с ними поддерживаем связь, дружим.

Все зааплодировали. Сергей Петрович и Сымон Васильевич посмотрели друг на друга и усмехнулись.

— Гляди ты! Нет того чувства, что «все для меня, все для меня», заботятся и о соседях, о друзьях, — тихо сказал Сымон Васильевич председателю колхоза.

Сергей Петрович ответил Адаму:

— Орехи ваши. Если все согласны с таким постановлением, так мы будем только приветствовать его.

Тогда попросила слова и Марьяна Ивановна, которая пришла в лес перед обедом и помогала ученикам рвать орехи.

— В нашем колхозе есть еще четыре деревни…

— Если вы хотите дать им орехов, — перебил ее Сергей Петрович, — так у них есть свои лещевники, надо было поддержать наше предложение. Я им в свое время говорил об этом, но они не откликнулись.

— Вот я и предлагаю послать в эти деревни килограммов по сто орехов, чтобы всем стало ясно, какой итог венчает доброе дело. Дети будут довольны, а родители, как мне кажется, краснеть будут, будут сами у себя спрашивать: «А разве в Ботяновичах лещевники лучше наших? Тогда почему же у них и для себя хватило, и нашим детям прислали? Может, потому, что

мы свои зелеными оборвали, сгубили?» Верю, что так оно и будет.

Сергей Петрович, не задумываясь, сказал:

— Дорогая Марьяна Ивановна! Вы снова подали удивительно хорошую мысль.

Опять все зааплодировали.

Сергей Петрович предложил еще и другое:

— В Братковскую школу с подарками надо послать небольшую делегацию учащихся. Кто-нибудь и из учителей тоже поедет. А в деревни нашего колхоза я предлагаю вместе со школьниками и учителями обязательно послать Марьяну Ивановну. Думается мне, что после ее приезда они еще зимой начнут приводить в порядок свои орешники.

Это предложение особенно понравилось малышам. Они мысленно представили себе картину, как люди по сугробам бредут к своим лещевникам…

Попросила слово и Кася.

— Весной вместе с нами приходили в лес дети, которые еще не учатся в школе. Они пришли и теперь, осенью. Что и как могли, они делали. Надо и им всем дать по столько же орехов, как и нам, школьникам. Им они даже нужнее, — пошутила Кася, — так как у них больше времени грызть их, пока еще в школу не ходят.

И это предложение было принято единогласно.

Самые маленькие прямо-таки расчувствовались.

— А я и не знал, что Кася такая добрая девочка, — сказал один из них.

— Что ты! Я давно тебе говорил об этом, — ответил еще более младший.

Когда он мог «давно» говорить об этом деле и говорил ли он вообще о Касе, неизвестно.

Мешки с орехами погрузили на две автомашины, уложили на них и лестницы. Разожгли костер, спели две песни, но настроение у всех было одинаковое — скорее домой! Спешили рассказать своим родным, какой интересный был поход, как отблагодарила их лещина.

С музыкой вышли из лесу, с музыкой входили в Ботяновичи.

В деревне, около колхозного амбара, быстро взвесили несколько ведер и начали отсыпать орехи: ребятам за работу, родителям за то, что вырастили себе такую хорошую смену.

Оставшиеся орехи взвесили на больших весах, и стало ясно, что за вычетом намеченных расходов остается еще семьсот пятьдесят килограммов. Это фонд на расширение работы юных натуралистов.

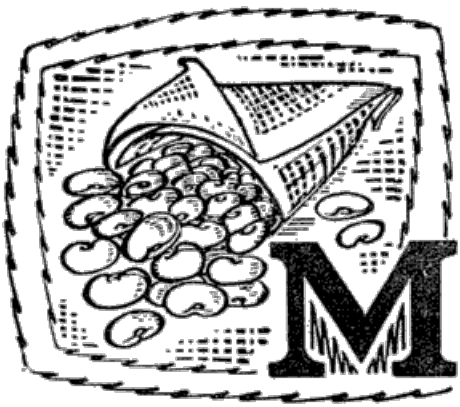
Все разошлись радостные, веселые. Вечером Сымон

Васильевич по радио рассказал о походе и сборе орехов, о их распределении.

Неожиданные приключения

Беда за бедой —
как волна за волной.

Народная поговорка



Мать сразу принялась кормить Касю.

— Ты, доченька, вконец устала, есть захотела.

— Устать не устала, а поужинать не мешает. А пока что надо умыться, переодеться. Вот тебе, мамочка, гостинец десять килограммов орехов. Пять мне, пять тебе.

— А мне за что?

— За то, мамуля, что хорошую работницу вырастила. Так и сказал Сергей Петрович.

— Ну, спасибо ему и всем, что ценят тебя, — ответила мать и стала смотреть орехи. — Да какие спелые, один к одному! Будто их белка собирала. Я таких давно и не видела. Надо, правда, попробовать…

Мать взяла молоток, расколола штук пять орехов и съела их.

— Вкусные, Касечка! А полежат, подсохнут — как конфеты будут.

Кася достала из печи чугун теплой воды, за занавеской у печи помылась, переоделась в другое платье и вышла к столу неузнаваемой.

Мать подала ей обед да и ужин заодно.

Поужинала Кася быстро, прибрала на столе, помыла посуду.

Тем временем мать принесла на блюдечке пирожное.

— Откуда оно взялось у тебя? — удивилась Кася.

— Да это у меня гостья была — Марыська наша. Она с мальчиком ездила в Минск. Остановилась у нас часа на два, до

очередной машины.

Марыська — родная Касина сестра, которая была замужем за автомехаником, а его перевели на работу в Руженец, в восьмидесяти километрах от Ботяновичей, в самое Полесье.

— Почему она меня не дождалась? Мы так давно не виделись. Здорова ли она?

— Все хорошо. Но очень спешила, задержалась в Минске.

Кася прошла в другую комнату, включила свет. Взглянула на комод — шара нет.

— Мамочка! А куда же мой шар девался? — спросила она испуганно.

— Ай, доченька, докуда ты будешь с этими игрушками водиться! Ты у меня невеста, можно сказать.

Кася еще больше встревожилась:

— Мамочка! Да скажи ты мне скорее, где мой шар?

— Я так и думала, что ты на меня сердиться будешь. Но у меня ничего больше подходящего не было. Я отдала его Марысиному Юзику.

Кася даже пошатнулась.

— Мама! Что ты наделала?!

Тут же она схватила туфли и начала обуваться.

— Куда ты, Касечка?

— Мамочка! Давай скорей деньги! Поеду в Руженец.

— Чтоб он сгорел, тот шар! Чтоб он лучше камнем стал, так я, может, не подняла б его. И зачем я его только в руки брала? — начала причитать старая женщина.

Кася посмотрела на часы, взяла пальтишко и еще раз обратилась к матери:

— Мамочка! Быстрей достань деньги, а то опоздаю на автобус.

Мать, вконец растерянная и смущенная, достала деньги. Только спросила:

— Ты не заболела ли часом, доченька? Может, тебя сглазил кто?

— Никто меня не сглазил, мама. Я вернусь сегодня же ночью, — и выбежала из хаты.

Погода была хорошая. Автобус не запоздал. Минут через десять было слышно, как он затарахтел.

— Значит, села, — прошептала мать. — Никак не пойму, зачем ей этот шар понадобился. Будто в нем ее счастье спрятано.

Оставшись одна, старушка вскоре легла отдыхать.

А Кася волновалась. Щеки ее горели, как в огне. Она думала о том, что скажет своим товарищам, учителям про семена, если она их не отыщет, не вернет.

«Ужас какой!» — припомнились ей слова отца, произносимые им в трудные минуты своей жизни.

От ровного, размеренного рокота мотора глаза начинали закрываться, но она не поддавалась сну: еще, к несчастью, проспишь, тогда придется скитаться ночью.

Три часа продолжалась эта езда: были в дороге и остановки. Но вот и Руженец. Десятый час был на исходе, когда Кася добежала до Марысиного дома. В окнах еще мелькал свет. «Похоже, не спят».

Она постучала в дверь.

В сени вышла сама Марыся:

— Кто там?

— Открой, Марыська! Это я, Кася.

— Ой, миленькая! Что случилось? — испуганно спросила Марыся и быстро открыла дверь.

— Ничего не случилось, сестрица, — ответила Кася, входя в дом. — А где шар, что тебе мама дала?

Марыся даже в лице изменилась.

— И ты из-за этого пустяка ехала в такое время? — возмущенно сказала она. — Я если бы знала, так пальцем бы к нему не прикоснулась!

Тут же, открыв крышку сундука, она достала шар и не положила, а швырнула его на стол.

Кася, ничего не говоря, схватила шар, развинтила его и даже подпрыгнула от радости:

— Вот они! Вот они! — и начала выкладывать на стол пакетики.

Марыся заинтересовалась:

— Какое там золото у тебя спрятано?

— Мне в школе поручили хранить очень ценные семена. Я положила их в шар. А мама, ничего не зная об этом, отдала тебе. Шар я оставлю, он мне действительно не нужен, тем более такой он несчастливый, столько хлопот наделал.

— Ты врешь, наверно. Покажи, что на самом деле в этих пакетиках?

Кася открыла один и высыпала семена на ладонь. Марыся даже покраснела от возмущения:

— Так я тебе полную наволочку насыплю такого добра. И стоило в Руженец из-за этого ехать?

— Лучше, сестрица моя, давай обнимемся, поцелуемся, это будет и здравствуй и до свиданья. А я побегу, так как вот-вот на Ботяновичи автобус должен пойти.

— Ты, Касечка, не с ума ли сошла? Переночуй. Завтра поедешь.

— Нет, не могу. Никак не могу.

— Да подожди хоть минутку, успеешь «с козами на базар». Я маме фасоли насыплю.

Марыся выбежала в сени. Вскоре она принесла полную наволочку фасоли.

— Теперь можешь ехать, если так уж тебе не терпится.

— Прощай, Марыся, прощай, дорогая!

Кася обняла сестру, поцеловала. Потом завязала семена в платок и положила за пазуху, взяла сверток с Марысиным подарком и выбежала из хаты.

Так Марыся и осталась в большом недоумении.

— Что-то недоброе с Касей происходит. Уж не переучилась ли она?

Вскоре подошел и автобус. Места свободные были, так что Кася села даже у окна.

Усталость брала свое, она начала дремать. А на очередной остановке вошел в машину новый пассажир. Внимательно осмотрев едущих, он заметил красивую девушку и сел рядом именно с ней, хотя места были у самого входа.

Потом он, будто нечаянно, толкнул Касю в бок. Кася проснулась и сразу схватилась рукою за блузку.

«Так, так, — обратил внимание на это незнакомец. — Значит, что-то там у нее спрятано».

Он начал заговаривать с девушкой, но она, осмотревшись, поняла, что этот сосед — человек сомнительный.

Отвечала она ему коротко, лишь бы отделаться. И непроизвольно несколько раз проверяла рукой, на месте ли ее пакетики.

— Да что ты все щупаешь? — прицепился к девушке неприятный сосед. — Я твои деньги не возьму, у меня своих хватает.

— А у меня никаких денег вообще нет, — ответила Кася.

— А что же у тебя там, если не деньги?

— То, что дороже денег.

У того даже глаза заблестели.

— Значит, золото?

— Дороже золота. Ни за какое золото не купишь того, что у меня лежит там, — выпалила Кася, думая, что он отстанет от нее.

Милая Кася! Славная девочка! Разве так надо отвечать подобным людям? Вынула бы ты из-за пазухи семена, развернула платок и сказала проходимцу: «Видишь? Я везу семена, которые тебе нужны так, как собаке пятая нога. Никакое это не золото, не самоцветы. А теперь отстань от меня и не мешай мне спать». И спала бы спокойно до самых Ботяновичей.

А что ты сказала?

«Дороже денег! Дороже золота!»

А что же дороже золота, по его мнению? Ясно, алмазы! «Нашла девушка где-то около Руженца кимберлитовую трубку, накопала алмазов, насыпала полную пазуху и везет рейсовым автобусом в Ботяновичи».

Касин сосед сделал вид, что спит. Даже начал носом подсвистывать. А в то же время одним глазом следил за каждым Касиным движением. Когда Кася снова задремала, а автобус ехал через Маневичи, где он должен был остановиться, Касин сосед засунул руку за блузку, выхватил сверток и кинулся к двери.

Кася вскочила и закричала:

— Хлопцы! Держите его! Он меня обокрал!..

Хлопцы тут как тут: два дюжих и ловких новобранца. Они выскочили из автобуса и бросились за ним в погоню.

Вор, наверно, удрал бы: как ни говори, была ночь. Но, к счастью, из клуба шла молодежь. Услышав крик «Держи! Держи!» и увидев, что прямо на них кто-то бежит, юноши нагнали и схватили беглеца.

— Что он у тебя украл, девочка?

— Пакет с семенами.

Вор даже содрогнулся:

— Как — с семенами? — и достал из кармана сверток.

Кася развязала платок, посмотрела:

— Все цело.

Вор сплюнул от злости:

— Чтоб ты затонула со своими семенами вместе! Чтоб они у тебя не взошли! Пустите меня. Разве вы не видите, что она сумасшедшая? Наговаривает на меня. Сама мне в карман сунула дрянь какую-то…

Но парни отвели его в сторону и что-то так тихонько сказали ему, что он завыл, как волк.

Кася, поблагодарив добрых людей за помощь, села в автобус и поехала дальше без всяких приключений.

Безо всяких-то приключений она добралась и домой. Это чистая правда. Но посмотрим, что было дальше.

Постучав в окно, Кася подождала, пока мать откроет дверь. Мать сразу же вернулась в хату. Кася оставила наволочку с Марысиной фасолью в сенях, заперла дверь и вошла в избу. В своей комнате она вынула спасенное сокровище, развернула пакетики и осмотрела их.

И тут ей показалось, что семена будто немного отсырели. А может, и в самом деле так было. Во всяком случае, она расстелила на столе газету, высыпала отдельными кучками

семена и около каждой положила пустые пакетики с надписью, чтоб потом не перепутать.

Мать, засыпая, спросила:

— Марыська, наверно, забыла мне фасоли прислать?

— Прислала, мамочка, первым делом о тебе вспомнила.

— Ну спасибо ей. Спи, дочка.

Спала Кася недолго, она привыкла просыпаться рано. И на этот раз проснулась как раз тогда, когда мать затапливала печь.

Тем временем мать вошла в комнату и заметила, что Кася не спит. Она спросила:

— А Марыська не сказала, фасоль разваристая или нет? Может, надо соды немножко всыпать?

— Нет, мамочка, не сказала.

— Ну и скупая же она стала, Марыська. Знает, что мать любит фасоль, а прислала такую малость.

— Что ты, мама, говоришь! Я с трудом донесла.

— Да ты уж, Касечка, не смейся. На один раз сготовить, только и всего.

— Как — на один раз?

— Я на газете всего с пригоршню набрала фасоли. Сразу и не поймешь, что это такое: не то горох, не то боб.

— Мамочка!

Кася вскочила с кровати так, что за ней потянулись по полу и одеяло и простыня.

— Мамочка, что ты наделала! Где они?

— Что с тобой, дочка? Наверно, тебя сглазили. Надо будет Доминисю позвать, чтоб заговорила, что ли.

— Мамочка! Где семена, что на газете лежали?

— В чугунке, где ж им еще быть!

Кася подбежала к печи, схватила ухват. А мать, выйдя следом, сказала:

— Да не в печи. Вон на лавке стоит чугунок. Я еще водой не заливала.

Кася схватила чугунок, посмотрела — семена целы. Не успела их мать сварить.

Она высыпала семена на газету, потом принесла матери из сеней Марысину фасоль и сказала:

— Мамочка, вот тебе фасоль. Вари, ешь на доброе здоровье.

Потом обняла старую, поцеловала и заплакала.

— Касечка, родная! Ну сглазили тебя, звездочка моя…

— Нет, мамочка! С меня тяжелый камень сняли, вот я от радости и заплакала.

Тут же она умылась, оделась, убрала постель и сказала матери:

— Пойду к Скрипкам. Отнесу им эти семена. Сколько я с ними намучилась!

У Скрипок, понятное дело, уже давно не спали. Никто не удивился, что к ним прибежала Кася.

Поздоровавшись, Кася подала Адаму платочек и сказала:

— Если б только ты знал, Адаська, сколько горя я перенесла с этими семенами…

Рассказала по порядку о своих приключениях.

Отец и Адам слушали с большим удивлением. Потом Адам рассмеялся:

— Так ты и в Руженце была?

— Да.

— И жулика ловила?

— Да.

— И от огня спасла семена?

— Да.

— Значит, дадут они хороший урожай. Такие закаленные семена вовек не погибнут.

А Текля, мать Адама, добавила:

— Всё семена повидали: шары и разбой. Только в земле им найдется, наверно, покой.

Все, в том числе и Кася, от неожиданности засмеялись.

— Тетя Текля! Да вы настоящий поэт!

— Поэт или не поэт, но я советую вам сейчас же посадить их.

— Никак нельзя, мамочка. Место, отведенное для них, занято пока что. Освободится дня через три-четыре. Может, ты уберешь куда, спрячешь? Только не в чугунок, — попросил свою маму Адам.

— Давай, детка. При вас кладу в надежное место. Никто не тронет, хоть год будут лежать.

Только после этого Кася успокоилась, повеселела и стала снова, как была, веселой и жизнерадостной.

Дорога. Ореховая аллея

Дороги вы шоссейные,
Счастливые дороги,
Раскинулись вы лентами
Через луга, излоги;
На поле урожайное,
На топкие болота
И чащи вековечные
Легли вы позолотой.

Янка Купала

Вполне понятно, что на экскурсию в Москву с большим удовольствием поехал бы каждый из юных натуралистов. Но путевок было только восемь. Надо выбирать.

Никаких споров или недоразумений при обсуждении кандидатур не было. Всем было ясно, что это не простая экскурсия, а очень серьезное дело.

Кто же поедет? Из девушек — Ганна, Марыля и Зося. Зосю рекомендовал сам Сымон Васильевич. «Умная, рассудительная и, кроме того, хороший редактор. Собственный спецкор будет», — пошутил он.

Ребят — четверо: Адам, Гиляр, Сымон и Амвросий. Сперва некоторые возражали против кандидатуры Амвросия. Но тут высказала свои соображения Нина Ивановна: «Из-за своего дефекта он чувствует себя обиженным судьбою. Путешествие покажет ему, что ничем он не хуже других ребят. Это даст ему стимул в жизни и работе».

Понятно, что руководителем делегации должна была ехать Нина Ивановна. Она и Москву хорошо знает, она же и руководит

всей этой работой.

Директор поговорил отдельно с мальчиками, «как мужчина с мужчиной», дал им кое-какие наставления, так как они в город ехали впервые.

Меньше забот в этом отношении было у Нины Ивановны: Ганна была раза два в Минске, Зося ездила к тете в Могилев. Нигде, кроме Пригожего Городка, не бывала одна Марылька.

Поскольку в Минске им предстояло задержаться на весь день, так как поезд «Белоруссия» на Москву отходит поздно, чуть ли не в одиннадцатом часу ночи, намечено было использовать этот день как можно разумнее: осмотреть Ботанический сад Академии наук и вообще лучше познакомиться с Минском.

Уехали ребята в Минск на колхозной автомашине.

Сымон Васильевич решил использовать эту возможность для того, чтоб послать заодно в Минск еще человек двенадцать юных натуралистов, так как это, что ни говори, поднимет у них настроение: «Хотя в Москву не поехали, зато побыли в Минске».

Если в Москву девочки брали с собой праздничные платья, белье, полотенца, да и мальчики то же, для чего понадобились чемоданы, так в минскую экскурсию ехали, разумеется, без чемоданов. Всего только на один день.

Но родители давали свои наставления одинаково и тем и другим: «От группы не отбиваться, с незнакомыми не знакомиться, вообще остерегаться». Для них, родителей, еще живы разговоры о том, что город — это какой-то питомник жуликов, мазуриков, проходимцев, что там надо держаться один возле другого, так как «соблазнят, заведут куда-нибудь, изобьют или шашлык из тебя сделают».

Настроение у всех участников путешествия было приподнятым. Ехали через Пригожий Городок. Он только просыпался. За ним сразу началась шоссейная дорога с красивыми посадками, а местами — самым настоящим лесом вдоль дороги. Деревень при дороге почти не было. Они стояли несколько поодаль. На деревьях кое-где пробивалась прозолоть, на взлесьях красовался вереск. В одном месте было так необыкновенно красиво, что пришлось попросить шофера остановиться, чтоб походить хоть немного по этой земле, чтоб ближе ощутить земную красоту.

Грудь вбирала в себя тонкий аромат вереска, перемешанный с ароматом хвои, чебреца и разных трав.

— Аж до сердца доходит! — сказала Кася, ехавшая в другой группе экскурсантов. — Не так вереск, как чебрец. Я его очень люблю.

— Не про тебя ли Петрусь Бровка написал стихи, Кася?

…Легкая поступь на узкой тропинке,
Девушка в белой искристой косынке,
Словно то звездный, лучистый венец.
Пахнет чебрец,
Пахнет чебрец…

— Нет, Сымонка, не про меня, но для меня, для тебя, для всех нас, чтоб мы еще глубже познали и прочувствовали красоту родной природы, своей отчизны.

— Какая-то благодать, как тихая волна, охватывает всю насквозь, кажется, — задумчиво добавила Ганна. — Если бы мне пришлось петь песню, я взяла бы тихую, протяжную, как шум этого сказочного бора.

Но надо ехать дальше.

Подъезжая к Минску, ребята заметили, что на одном участке дороги, по обеим ее сторонам, растет много деревьев грецкого ореха. Остановились и тут, полюбовались его резными листьями, гроздьями крупных орехов, аккуратными шатровыми кронами.

— Вот бы нашу дорогу, ведущую в Пригожий Городок, обсадить такими деревьями, — внес предложение Амвросий.

— И обсадим, друзья. Обязательно, — поддержала его Нина Ивановна. — Ничего трудного или невозможного в этом нет, Видите сами, деревья растут хорошо. Не забывайте, что грецкий орех имеет много сортов. Есть такой, например, как маньчжурский, Зибольда, очень зимостойкий. В Азербайджане давно, лет 60 назад, обсадили грецким орехом дорогу от села Куткашен до села Белоконь, протяженностью 250 километров. Высадили больше двадцати тысяч деревьев. А теперь там такая красота — я сама видела, когда была на экскурсии, — что не налюбуешься. Сколько они дают людям орехов! А мы хуже людей, что ли? Не сумеем обсадить каких-то двадцать — тридцать километров?

— Надо свой питомник иметь, — заметил Адам. — За всё сразу не ухватишься.

— Подготовка будет, вероятно, проведена в республиканском масштабе. Вы только обратите внимание на то, что дерево это хорошо растет везде в Белоруссии. Отдельные деревья давно уже прижились на Витебщине, на Оршанщине, на Мозырщине, на Гродненщине. Грецкий орех — одно из самых ценных в мире деревьев. В орехах содержится до 65 процентов масла, до 17 процентов белка, до 15 процентов углеводов. Правда, могут быть небольшие отклонения в разных сортах. Кроме того, они содержат витамины А, В. По своей калорийности грецкий орех

выше всех орехоплодных деревьев. По питательности он втрое превышает пшеничный хлеб, в семь раз картофель, в десять раз коровье молоко и близок к сливочному маслу. Суточную потребность человека в калориях может обеспечить 400 граммов ядер грецкого ореха. Ученые называют его: растением будущего — Циолковский, деревом-комбинатом — Мичурин. Подобное утверждал и Бёрбанк: «Съедобным орехам суждено занять важное место в питании, особенно в зоне умеренного климата, и в этом отношении грецкий орех стоит на одном из первых мест». Вот, дорогие друзья, что такое грецкий орех и какое ему пророчат будущее. Следует добавить, что ореховая древесина ценится очень высоко, из нее делают дорогую, красивую мебель. Не забывайте, что это дерево, а точнее, его красивые листья богаты фитонцидами, убивающими вредных микробов, что в листьях есть еще и эфирное масло.

— Нина Ивановна! Откуда вы это всё знаете? — спросил Сымон.

— Дорогой! Это не результат моих исследований. В Советском Союзе напечатано много научной литературы об этом дереве. Самая лучшая книга издана Латвийской Академией наук, нашими соседями. В братской Латвии дальновидные научные деятели оценили перспективность этого «растения будущего». Не отстанем от них и мы. Тем более, что первые пробы сделаны, сорта деревьев проверены. Теперь только заводи питомники и давай саженцы.

Но вот и Минск!

Коли правду говорить
И друзьям, и близким,
То нигде не может быть
Лучше нам, чем в Минске.

Алесь Бачила

Многие из вас не видели, каким был Минск когда-то — скажем, в первые годы революции.

Это был захолустный, неприглядный город, с мощенными булыжником улицами, а некоторые окраины и вовсе не были мощеными. Строений больше всего было деревянных. Через город ходила так называемая конка — вагончики по рельсам возили лошади. Правда, в городе было очень много садов, зелени — почти у каждого дома.

Все заводы можно было пересчитать по пальцам: пивной и дрожжевой, кожевенный, по выработке пуговиц, по выработке вьюшек и дверок для печей, авторемонтная мастерская. Это почти и вся тогдашняя промышленность.

Мы, молодежь того времени, страстно желали, чтобы Минск стал красивым, большим городом.

Попрошу прощенья за то, что припомню свое собственное стихотворение, написанное мною в 1927 году, и приведу несколько строк из него, в которых я высказал тогда эти страстные, горячие желания молодежи:

Минск, Минск!
Твои заводы
на карикатуры похожи.

Но ты расцветешь,
станешь городом настоящим,
пригожим,
Минск, Минск!
Тогда будут заводы иные,
не для сельтерской воды или пива.
Мы, быть может, где-то погибнем,
но будем стремиться к цели
настойчиво и терпеливо.

Критиканы, которых хватает во все времена, выхватили первые три строки из этого стихотворения и кричали на всех перекрестках: «Слышите? Видите? Им не нравится наша столица. Для них наши заводы — карикатура»…

Прошло немало времени — сорок лет. Это целая человеческая жизнь, целая эпоха в жизни народа. Наша столица познала тяжелое горе — войну, разгул фашистов. Но она благодаря несгибаемой творческой энергии народа, благодаря его неустанной работе поднялась из руин и пепла, засияла, и теперь это не просто город, а один из красивейших городов Советского Союза да и всего мира. Это и один из самых культурных центров нашей Родины.

Нет больше тех действительно карикатуроподобных заводов-карликов. Построены мощные фабрики и заводы. Если прежде, хотя бы в том же 1927 году, приходилось спрашивать: «А что вырабатывают минские заводы?», так теперь приходится спрашивать: «А чего не вырабатывают минские фабрики и заводы?»

И поверьте мне, что на второй вопрос нелегко ответить даже человеку, который, казалось бы, хорошо знает Минск. Приведем несколько названий: моторы, автомашины, тракторы, мотоциклы, велосипеды, часы, телевизоры, радиоприемники, медикаменты, посуда, одежда, обувь, мебель… Пришлось бы несколько страниц занять простым перечислением названий всех изделий, какие выпускаются нашими фабриками и заводами. А типографии? Это же настоящие фабрики книг, газет, журналов.

В Минске находится Академия наук, университет, институты, музеи, театры…

С большим умилением, с большим уважением смотрели девочки и юноши на улицы, строения Минска. Их радовала красота, стройность белорусской столицы. У них появилось желание еще выше поднять благосостояние и красоту сельских районов, поднять до такого уровня, чтоб у людей, особенно у

молодежи, не появлялось желания бежать из деревни в город, а оставаться там, трудиться и трудиться.

Вся наша республика вскоре станет единым грандиозным городом-садом, где не будет таких понятий, как глухая деревня, отсталый район, низкий уровень культуры. Одинаково высокий уровень культуры будет и в Ботяновичах, и в Браткове, и в Пригожем Городке, как и в Минске, Могилеве или Витебске. Наши города свяжутся между собой и со своей столицей подземными железными дорогами, где с неслыханной скоростью поезда будут перевозить людей. Огромные самолеты будут поддерживать такую же связь по воздуху. Тогда не покажется странным и такой разговор в тех же Ботяновичах:

— Ты где работаешь?

— В Минске. А ты?

— Я в Полесье. Ты как добираешься — подземкой?

— Чаще всего. Бывает, что и летаю.

— А я всегда самолетом. Мне что-то подземка не нравится — на две минуты больше времени отнимает.

Так будет! Порукой тому является величественная Программа строительства коммунизма, являются и эти вот хлопцы и девчата, сознательно, упорно и разумно борющиеся за украшение города-сада новыми деревьями, растениями, цветами, подобных которым не видел мир никогда, но которые увидит вскоре.

На основании обстоятельного изучения истории всемирной культуры академик В. Л. Комаров говорил: «…В близком будущем мы предвидим решительное господство культурных растений, созданных уже не слепыми силами природы, а работою человека».

Проехала машина мимо Дома правительства, перед которым бессмертный Ленин с постамента памятника указывает рукой путь к тому светлому будущему.

Проехали через площадь Победы. Остановились. Не было у ребят венка, но были букеты лесных и луговых цветов. Эти букеты они и положили у подножия памятника героям, отдавшим свои жизни за освобождение Отчизны от фашистской неволи.

Машина мчалась дальше, по Ленинскому проспекту, через площадь имени Якуба Коласа, мимо Политехнического института, Академии наук, Дома печати… Но вот и надпись:

Ботанический сад Академии наук БССР

С большим интересом осмотрели ботяновцы богатые коллекции сада. Пошли по ореховой аллее, где стояли красивые, могучие деревья грецкого ореха с большими гроздьями плодов. Тут деревья были не такие, как вдоль дороги. Во-первых, они были более высокие. Во-вторых, лучше ухожены. Еще раз

убедились юноши, что дело это надо расширять как можно скорей.

Увидели они много незнакомых им до этого времени деревьев и растений, о которых они знали только из книг. Увидели и такие, которые были знакомы им с детства. В отделе белорусской флоры встретили и знакомые верболозы. Как-то даже странно было видеть их тут, в соседстве с такими экзотическими гостями.

— Лоза! Верба! — заметил кто-то.

— Ой, зачем тут лоза? Что в ней интересного, чтобы в Центральном ботаническом саду показывать? — добавила Кася.

— Эх, вы! — с укором заметила Нина Ивановна. — Не пора ли вам уже отказаться от такого верхоглядства? Да вы только вспомните о том, что дает людям это скромное растение! Прежде всего, лоза имеет почти двести сортов, разновидностей. И у каждого — свои достоинства. Из лозы у нас плетут корзины, мебель. Кора идет для обработки кожи, так как очень богата танином, дубильными веществами. В некоторых сортах содержится до 20 процентов. Дальше. Пока у нас был неизвестен хинин, ничего не слышали о хинном дереве, лозовая кора давала лекарство от малярии — лихорадки, так как в этой коре находится глюкозид-салицин. Теперь, когда появились более активные и действенные лекарства от малярии, из лозы, особенно из так называемого чернолоза, вырабатывается салициловая кислота, так как в этом сорте лозы салицина до 5 процентов. Не буду перечислять вам все болезни, от которых излечивают лоза и верба и у нас и в Западной Европе, — их десятки. Скажу вам только о том, о чем вы, наверно, никогда не слышали. В восточной народной медицине на протяжении тысячи лет некоторые сорта вербы используются при хирургических операциях, для замены сломанных или поврежденных костей. На место той части, которая отнимается, они ставят кусок вербы соответственной толщины и длины. Оказывается, что кость срастается с вербой, и через некоторое время человек становится вполне здоровым, будто у него никаких переломов никогда не было. Это похоже на сказку, правда?

— Ой, — вскрикнула Кася, — действительно это сказка!

— А между тем это правда. Вы можете спросить, почему у нас не используют этот способ? Или, может, у нас нет такого сорта лозы? Дело в том, что ученым и врачам об этом стало известно недавно. Секрет этот передавался от отца к старшему сыну. И случилось так, что умирал последний представитель династии таких народных хирургов, а детей у него не было. Умирая, он пожалел, что такой ценный способ лечения людей умрет вместе с

ним. Тогда он приказал своей жене, чтоб она позвала соседа. Сосед пришел. Доктор перед смертью рассказал ему обо всем и передал описание дерева, записанное на шелковом платке. Но оказалось, что этот сосед — человек неграмотный и ничего не понимал в медицине вообще. Что делать? Жалко ему стало отдавать такой ценный рецепт кому-то другому. Надумал он так: «Стану работать в больнице. Выучу там медицину, научусь одновременно читать и писать». Но что же он мог делать в современной больнице? Заставили его подметать, мыть полы и исполнять всякую черную работу. Тогда только он убедился, что сам не сможет использовать рецепт, и передал его докторам. Но им не хватало некоторых сведений, какие народный доктор на словах передал соседу, а без таких сведений они не могли делать операции людям. Тогда они стали сначала делать такие операции на собаках. И только после этого решились делать операции людям. Я сама видела рентгеновские снимки оперированных мест: даже знака нет, что вместо кости была поставлена верба. Так вот что такое лоза, верба, верболозы, плакучая ива, чернолоз и так далее. К тому же вы должны помнить, какое большое значение имеет она для пчеловодства. Когда еще на полях лежит снег, лоза уже зацветает. Пчелы собирают свой первый мед с вербы, со всей этой огромной семьи верболозов. А что лоза помогает осушать болота, корнями укрепляет трясину, что она в своих листьях имеет фитонциды, которые убивают разных болотных микробов, — что это, плохо?

Ой, дорогая Нина Ивановна! Челом ей, челом и искреннее извинение за непродуманные слова, — окончательно сдалась Кася.

На что обратили еще большее внимание, это на боярышник, или глог. Его тут было очень много — целая стена с краю сада; видно, когда-то была живая изгородь. Теперь тут росли не кусты, а стройные, красивые деревья, усыпанные ягодами. Это навело на мысль, что глог тоже пригоден для посадок. Тем более, что, как разъяснила им Нина Ивановна, ягоды его помогают при сердечных заболеваниях, от грудной жабы.

Наступало время расставания. Одна часть будет ждать посадки на поезд, а другая поедет назад, в Ботяновичи. Девушки и юноши притихли, усевшись в ореховой аллее на скамейках. Помолчали. Впечатлений столько, что даже голова кругом идет.

Природа… Пущи, боры, луга. Деревья, цветы, травы. Какое богатство! Какая красота! Какое счастье в этом для нас, для наших потомков!

Кася, став перед своими товарищами, начала читать стихотворение Кастуся Киреенки, которое так и называется —

«Природа».

Читала она хорошо. Сначала, будто набирая высоту, ее голос звучал тихо:

И в ясный день, и непогодным днем,
И в час, когда земля весну встречает,
И той порой, когда опять огнем,
Огнем багряным осень полыхает…

……

Всегда, всегда, повсюду, каждый миг
Со всем живым и при любой погоде
От всех сердечных помыслов своих
Мне поклониться хочется природе!

Кася при этих словах, приложив руку к сердцу, поклонилась на все четыре стороны дубам, березам, ореховым насаждениям. Это было такое искреннее, такое сердечное проявление настоящего восторга перед природой, что казалось, она не читает, а импровизирует тут, в этом сказочном храме красоты.

Вы, ручейки, то с плавною струей,
То с радостным журчаньем без умолку,
Вы, тропки, и простор наш полевой,
Где столько дум ложится нам в кошелку,—
Я не могу и дня прожить без вас,
Навек я привязался к вам душою,
В любви вам признаваясь каждый раз,
Робею я…

Невозможно передать то впечатление, какое произвело на благодарных слушателей это чтение. Они целиком присоединялись к этой лирической исповеди, к последним ее строкам:

И все ж поклон тебе, земля, за то,
Поклон за все, что мне дано тобой,
Что дашь мне впредь для моего признанья,
За то, что, словно светоч золотой,
В душе не гаснут звезды обожанья!

Но время идет. Распрощались. Немного погрустили, особенно те, которые возвращались назад, в Ботяновичи.

Разъехались в разные стороны.

В Москву

В счастливый путь! Всегда в движенье!
В лицо крутой мне ветер бьет.
Какое ж предостереженье
Мне в час разлуки друг дает?

Максим Рыльский

Поезд тронулся с места. Ускорил ход. Прощай, родной Минск! Завтра Москва. Красивая, привлекательная, огромная Москва. Неугасимый светоч коммунизма. Город, в котором жил и работал великий Ленин, где живут и работают его ученики, исполнители его заветов.

Как хочется скорее увидеть все это своими глазами.

Так мечтали ботяновские школьники, устроившись в поезде. А устраивались так, что лучше и придумать нельзя: в одном купе разместились Нина Ивановна и девочки, рядом мальчики.

Мальчики сразу пришли проведать девочек:

— А ваше купе не лучше ли? Может, поменяемся?

Но оказалось, что оба купе — как две капли росы на листке клевера.

Ганна от полноты чувств, от волнения, присущего в минуты расставания даже бывалым путешественникам, запела «Калину».

На нее сразу зашикали:

— Что ты делаешь? Почитай правила… Оштрафуют!

Они, оказывается, уже прочли все пункты правил и знали, на сколько могут оштрафовать за мусор, высыпанный не на месте, на сколько за пение, на сколько за то, если сорвешь пломбу со стоп-крана.

Но седовласый пассажир, сидевший напротив, возразил им:

— За такой голос не только грешно штраф брать, но еще и премию давать надо.

Его поддержали другие пассажиры. Даже проводница, собиравшая билеты, сказала:

— Если пассажиры не возражают, можете петь. Это же не какая-то пьяная «капелла».

И Ганна запела.

Ребята помогали ей, создавали своими отнюдь не плохими голосами полный звуковой фон.

А она…

Как жаворонок, как ласточка, парила в высоком небе. Кажется, сняли с вагона потолок, кажется, и тучи раздвинулись на небе в стороны, открылось одно бесконечное синее небо. А в том небе:

Каліна… На сенажаці мядуначка… Каліна…
Каліна… Там кукавала зязюлечка… Каліна…
Каліна… Як кукавала — прауду казала… Каліна…

Пассажиры из других вагонов, пробираясь в пятый, где находился буфет, забывали о бутербродах, о пиве, за которыми туда шли.

Но…

каждому делу есть венец,
каждой песне есть конец.

Песня кончилась. Только трели звенели и вились в синем небе, а потом, спустившись на землю, тихо звучали на береговых камешках, когда их едва касается, угасая, волна.

Минуту стояла тишина. Потом слушатели зашевелились и начали аплодировать.

— Еще, еще! — просили.

— Что это — артистка? Что-то очень молода, — поинтересовался один из пассажиров.

— Да нет! Сельская школьница, едет в Москву на экскурсию.

— Просим, просим!

— Ганночка, — сказал седовласый пассажир, — спой еще одну песню. Больше мы просить не будем, так как вагон не приспособлен для пения, тут можно и голос испортить.

Ганна посмотрела на Нину Ивановну.

— Ну что же, Ганночка, — сказала та, — спой, если тебе не

трудно.

Ганночка начала вторую песню:

Прасіуся снапочак у дзяучат:
«Ой, звіце, дзеванькі, вяночак…»

И еще раз она услышала искренние и сердечные рукоплескания. Ее друзья были довольны не меньше самой Ганны: «Это же наша, ботяновская, да и мы тоже помогали».

Поблагодарив, слушатели разошлись, так как время было уже довольно позднее. Задержался только тот самый пассажир, который просил Ганну спеть еще одну песню. Достав блокнот, он записал адрес школы. Потом сказал:

— Я в Белоруссии бываю время от времени. Может, выберу часок и к вам заеду, посмотрю, как вы учитесь, отдыхаете.

— А где вы бываете у нас? — спросила Марылька.

Он назвал район, потом добавил, что родом оттуда, навещает своих земляков, книги им привозит и присылает.

— О, — сказала Марылька, — тогда мы вас хорошо знаем. Вы, наверно, генерал Яков Иванович Драйчук?

— Правильно. Но как же ты догадалась, дочка?

— Что же тут удивительного? Мы о вас читали, знаем, что вы на своей родине библиотеку создали, в ней тридцать тысяч книг. Еще наши родители шутили: «Из нашей деревни вышли два генерала и три полковника, так пускай бы если не тридцать тысяч, как Яков Иванович, а хотя бы по одному десятку книг хороших на намять о себе прислали».

Она с таким юмором передала их разговор, что генерал Драйчук засмеялся.

— Пришлют, пришлют, я так думаю. Ну, а если уж не пришлют, так я, как поеду к вам, привезу вам хороших книг по биологии. Обязательно встретимся с вами. Спокойной ночи вам, дорогие земляки!..

Улеглись и наши герои. Спалось сладко. Еще бы! Столько впечатлений от Минска, от путешествия, неожиданный концерт, встреча с таким известным и славным земляком…

Не задержалось и утро. Наши герои встали по-деревенски — рано. Умылись, оделись и не отходили от окон.

Все было интересно. Леса, перелески, деревни, города, фабрики пробегали, казалось, мимо них.

Проводница возвращала билеты, приносила чай. Напились чаю, позавтракали и наши ботяновцы.

И вот диктор поездного радио объявил: «Москва! Столица нашей Родины». Торжественно зазвучала знакомая песня:

Москва моя, страна моя,
Ты самая любимая…

Белорусский вокзал. Народу!.. С дачных поездов, с дальних — просто счесть нельзя.

Перед самым вокзалом возвышается огромный памятник Максиму Горькому, сердечному, чуткому Человеку.

Подошли к нему. Поприветствовали:

— Вечная память и вечная слава тебе!

Прошли в метро. Не становясь на эскалатор, Нина Ивановна предупредила своих питомцев:

— Видите, как заходят на него? Присмотритесь.

Вся наука заняла ровно полминуты, но зато стали так, как будто все время пользовались таким эскалатором.

Внизу большой подземный зал, облицованный белым мрамором, отделанный белорусским орнаментом и мозаичными панно из жизни Белоруссии. В конце зала мраморная скульптурная группа белорусских партизан.

Недаром же и станция метро называется «Белорусская»…

Приехали на Выставку достижений народного хозяйства. Получили места в гостинице. Начали знакомиться с грандиозными достижениями, которые отражены в экспозициях выставки, в павильонах, на площадках.

Если бы кто вздумал описать все, что они видели тут, так получилась бы большая, большая книга. Но одно только обязательно надо записать — это то, что сказала Марылька в конце дня.

Поведя рукой вокруг, она воскликнула:

— Это — я, это — мы, это — наша Родина!

Около них стояло несколько человек, похожих с первого взгляда на учителей или инженеров.

Один из них, услышав белорусскую речь, догадался, что это приезжие. Он обратился к школьникам с вопросом:

— Вы из Белоруссии?

— Да.

— На экскурсию?

— На экскурсию и по научным делам.

Незнакомец улыбнулся и спросил:

— Может, по учебным?

— Нет, именно по научным, по исследовательским, — не сдавалась Марылька.

Тот снова улыбнулся.

— Если не секрет, какие именно научные вопросы вы

решаете?

Тут уже сама Нина Ивановна рассказала коротко, что это юные натуралисты, что приехали они действительно на выставку, но и для ознакомления с результатами некоторых научных опытов, которые, если окажется по силам, хотят провести у себя. Для примера она назвала прививку кедра на сосну.

— Ах, вот что! Это совсем другое дело. Сердечно приветствую вас, дорогие гости!

Тут же отрекомендовался. Оказалось, что он — один из руководителей всей выставки.

— Не только приветствую вас, но и помогу вам практически. Самая большая помеха в вашем путешествии — расстояние. Вы будете терять много времени при переездах. Москва огромная. Я дам вам небольшой автобус, «Малютку». Наш шофер будет возить вас всюду, где вам надо побывать.

Ребята даже растерялись от такой неожиданности. Они сердечно поблагодарили его.

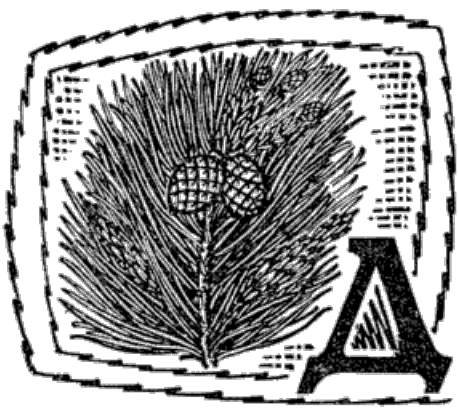
Затем он пригласил их в служебный павильон, вызвал шофера. Договорились, что в свой первый рейс они поедут завтра утром.

Как счастливо началось их путешествие!

Венец человеческого ума и Бова Поллитрович

И на место в жизни право
Только тем, чьи дни — в трудах:
Только труженикам — слава,
Только им — венок в веках!

Валерий Брюсов



Дорога была необыкновенно интересной. Перво-наперво проехали почти через всю Москву: от проспекта Мира через Центр, мимо Большого театра, памятника Карлу Марксу, мимо Кремля, старого здания Московского университета, мимо Парка культуры и отдыха имени Максима Горького. Около станции метро «Октябрьская» круто повернули направо и покатили по Ленинскому проспекту. Достаточно сказать, что этот проспект более сотни метров в ширину. Четыре ряда липовых посадок — по два с каждой стороны — на фоне восьмиэтажных домов производили впечатление действительно чудесного города-сада. А тут еще бесконечная лента цветников и газонов.

По этому проспекту с Внуковского аэродрома приезжают на Красную площадь космонавты, когда их встречает вся Москва. По этому же проспекту приезжают и зарубежные гости, навещая столицу нашей Родины.

Гиляр начал читать стихи Янки Купалы, которые пришли ему на память, — они были так созвучны с настроением юных путешественников:

День добрый, Москва, наша доля и воля!

С тобою жить радостно людям.
Народы твое не забудут приволье,
Как песни никто не забудет.
Тебе шлют привет наши чащи, криницы,
Колхозные нивы и хаты.
Спасибо тебе, молодая столица,
Мы хлебом и счастьем богаты…

Проехали мимо главного здания Академии наук СССР, с мраморными старинными скульптурами над воротами, которые как бы напоминают людям о непрерывном развитии науки: от пифагоровых теорем до космических кораблей.

Незабываемое впечатление на ребят произвело здание Московского университета — наилучшего и наикрасивейшего в мире. Тридцать два этажа имеет главный корпус! Триста восемнадцать метров над землей. Сорок пять тысяч помещений в одном корпусе. Чтоб обойти их все, надо пройти сто сорок пять километров. Двадцать пять тысяч девушек и юношей учатся в его стенах. Около двух миллионов томов книг имеет он в своей библиотеке. Одних читальных залов — тридцать три.

Наши путешественники не утерпели — попросили шофера остановиться на минутку, чтоб обойти это здание вокруг. Шофер остановил машину, но засмеялся:

— Посмотрим, посмотрим, какая это минутка…

Действительно, путешествие вокруг здания заняло пятнадцать минут. Вот какое здание, вот какая минутка! Не говоря о красоте самого тридцатидвухэтажного здания — домом как-то стыдно называть это величайшее творение советских зодчих, инженеров и рабочих, — один только шпиль, над которым поднимается на пятьдесят восемь метров в высоту; они восхищались всем окружающим: деревьями, цветами, кустарниками, которым была придана строгая форма и симметрия руками и талантом специальных садовников, ярко-зелеными газонами, подстриженными в одну линию моторными ножницами! Но, кроме такой красоты, их интересовало еще что-то другое.

— Хорошо было бы, Адам, — сказал Гиляр, — пройти туда с портфелем, как те ребята. На занятия.

— Неплохо бы, — ответил Адам. — Но, Гилярка, для этого надо много и серьезно готовиться, — и почему-то вздохнул.

— Не вздыхай. Всему свой черед. Лишь бы только желание и здоровье были. А тебе, как я знаю, ни того, ни другого занимать не придется, — заметила Нина Ивановна.

Поехали дальше. Шофер пошутил, когда они садились в машину:

— Ну, поняли, какая это минутка?

— Поняли.

От университета дорога вела их прямо в Кунцево. В недавнем прошлом — это подмосковный дачный поселок. А теперь — часть Москвы, с современными домами, магазинами, школами, заводами. Ребята то и дело удивлялись, как только их шофер ориентируется: Рублевское шоссе, Можайское, Минское, Кольцевая дорога… Ничего! Сориентировался! Вот и деревня Раздоры.

Как-то странно было смотреть на эту деревню, проехав через всю Москву. Настоящая деревня! У некоторых домов даже колодцы с журавлями, утки в прудах плавают, георгины в палисадниках, как и в Ботяновичах. Дома, правда, все под железными крышами, террасы застекленные.

Все участники путешествия, однако, волновались тут не меньше, чем возле Московского университета.

Это же главная цель их путешествия! Это же их настоящая академия, где они должны своими глазами посмотреть, своими руками, если будет возможно, ощупать кедр, привитый на нашей обыкновенной, но милой сердцу сосне.

Разные мысли были в юных головах. Гиляру представлялась какая-то бело-розовая, как весенний сад, мраморная ограда, величественный вход, а за ним чудесная красивая девушка в златотканых одеяниях.

Она спросит у них:

«Вы из Белоруссии? Заходите! Добро пожаловать!» — и поведет их к заветным кедрам.

Адаму думалось совершенно иное:

«А что, если они придут в питомник, а там один туман и больше ничегошеньки — ни кедров, ни сосен. Или не туман, а какие-нибудь короеды погрызли-источили их. Что тогда?»

— Эх! Вот досада будет! — вырвалось у него вдруг.

— Ты это о чем? — спросила учительница.

— Да все о том, Нина Ивановна! Ехали в такую даль… Придем, а там ничего нет.

— Что ты, Адам! Как можно! — возразила Нина Ивановна. — Все будет хорошо.

А сама тоже волновалась. Да намного ли старше их была она сама?

Но вот они проехали деревню, переезд железнодорожной ветки.

Дорога пошла песчаная, как и около Ботяновичей.

Спустились в лощину, снова поднялись на невысокий пригорок. С левой стороны увидели деревянный одноэтажный дом, а с правой — штакетниковый забор.

Надо спросить.

Марылька, более резвая, побежала к дому и спросила у одного старика:

— Простите! Не скажете ли вы, где тут лесопитомник Академии наук?

— А вот он, за забором.

— Разрешите нам зайти туда и посмотреть, что там растет.

— Хозяина, лесничего, сейчас нет. Но мы, бывшие сотрудники, ныне пенсионеры, по старой памяти присматриваем за питомником. Заходите, пожалуйста. Откуда же вы?

— Мы из Белоруссии. Приехали осмотреть кедры.

— Это наша Александра Ивановна Северова их выращивала. Теперь и она на пенсии. Пойдемте, детки, я вам покажу. Почему ж вы так заинтересовались, что даже издалека сюда приехали?

— Мы хотим у себя провести такие же опыты. Перед тем решили узнать, как и что делается, посмотреть на то, что сделано.

— Я как раз помогал Александре Ивановне по этому делу. Правда, я простой рабочий, но ничего; что знаю, расскажу, а если будет недостаточно, можете к ней самой проехать, она не так далеко живет.

Подошли к калитке. Хоть Гиляр не увидел бело-розового мрамора, не увидел чудесной девушки в златотканых уборах, но и он и все его товарищи замерли в восторге перед громадой стройных, зеленых красавцев, которые приветливо шумели своими ветвями-лапками, будто говоря: «Добро пожаловать!»

Даже зяблики, или березовочки, как их еще называют, которые действительно сидели на березах, перепорхнули на кедры и затиликали свою милую песенку, обрадованные приходом гостей из далекой Белоруссии. А может, они спрашивали у них: «Как там живут наши крылатые друзья? Не забыли ли прислать нам привет?» К сожалению, никто не знал точно их языка. Одно только поняли: эта песня к хорошей погоде, так как есть еще у них и другая песня — к дождю.

— Вот, друзья, — сказала Ганна, — обратите внимание. Березовочка нам предвещает хорошую погоду.

Но друзья занялись другим.

Они молча и с большим восхищением рассматривали кедры.

Высокие, стройные, красивые кедры, метров по пять высотой, с ярко-зеленой хвоей, с огромными, по доброму кулаку, шишками на верхних ветвях, тихо шумели-гомонили.

Вот они, красавцы кедры на… соснах! Будто какой волшебник

спилил сосенки на полметра от земли и поставил на них кедры.

— Вы только посмотрите! Вот же сосновая кора, вот сосновое дерево до этих вот линий-отметин, а выше — кедр!

— Венец человеческого разума! — воскликнула Ганночка.

— Правильно, Ганночка! — присоединилась к ней Нина Ивановна.

А ребята тем временем и ходили вокруг, и, став на колени, осторожно щупали пальцами: сосновая кора внизу. Казалось бы, все просто! Да они ее на ощупь узнают в темноте ночи. А выше все-таки кедр. Хвоя кедровая, намного длиннее сосновой, а главное — у сосновой по две иглы в пучке, а тут по четыре. К тому же и шишки крупнее сосновых в несколько раз.

Действительно, ни к чему тут мраморные ограды, может быть, намного красивее обычный штакетник, родные сердцу ромашки, кашка, зверобой, даже репейник, дикий цикорий со своими голубыми соцветиями, которые так густо пробивались из травы.

А над всем этим возвышаются величавые кедры, и питаются они тем, что посылают им из земли сосновые корни.

Старый лесник молчал. Он заметил волнение гостей. Будучи человеком чутким — недаром же всю жизнь прожил на природе, — он высоко оценил это волнение.

Обойдя раз десять вокруг кедров, кто-то из приезжих заметил поломанный кедр, на котором хвоя не то чтобы порыжела, но даже покраснела.

— А это, дедушка, грозой поломало, что ли? — спросила Марылька.

— Да, грозой. Ты, дочка, угадала. Видишь, под кедрами порожние бутылки лежат?

— Вижу.

— Так в этих бутылках и сидела гроза. Когда их откупорили, гроза и начала тут хозяйничать. Это, — добавил он, заметив удивление слушателей, — сюда приезжают люди «отдыхать». Выпьют, закусят, а потом и начинают свою силу пробовать. К другому, себе подобному, полезет — может по шее получить, а кедр — он молчит, жаловаться не пойдет. И к этому вот кедру подошел такой «герой» Бова, махнул своей «всесильной» рукой, и вот видите сами — аж хвоя покраснела. Покраснела от стыда за таких силачей.

— Какой это такой Бова? — удивилась Зося. — В старых сказках был герой — Бова-королевич, но он без причины деревья не ломал, насколько мне помнится.

— Это другой Бова, Бова Поллитрович. Я их так называю. Вам, детки, горько смотреть на такое безобразие. А каково было

глядеть Александре Ивановне, когда она зашла сюда? Отвернулась от меня, достала платочек и начала глаза вытирать. Потом только сказала: «Всю жизнь трудилась. Тысячи опытов поставила. Сколько неудач было… Но своего добилась! Для кого ж я старалась? Для людей, конечно. А они!..»

— Это хуже, чем свинья под дубом вековым!

— Что ты, дочка! Свинья, если она рылом роет, так она чего-то поесть ищет, а эти… Чего он искал? Впрочем, горюй не горюй, а уже ничем не поможешь…

— Скажите, дедушка, как вы делали эти прививки с Александрой Ивановной? — спросил Адам.

— Перво-наперво я должен сказать вам, что Александра Ивановна написала об этом несколько книг. Одну из них я могу показать вам, она мне дала на память с дарственной надписью. Там есть хорошие рисунки, и вы, люди грамотные, легко все поймете…

Как потом они узнали, эта книга называлась «Вегетативное размножение хвойных древесных пород».

А старик продолжал дальше:

— Все делается так, как делают прививки на яблони в расщеп и под кору. С одной только разницей: если сразу начнется засуха или жара, мы делали из целлофана воронки, в которые закладывали либо влажный сфагновый мох, либо опилки.

— Мы можем взять, например, бересту, — предложил Гиляр.

— Правильно, пойдет и она, — согласился старый лесовод.

Поговорили еще, записали на всякий случай его адрес, сфотографировались. Нина Ивановна сфотографировала отдельно кедры, места сращивания кедра с сосной. С живой ветки покалеченного кедра Ганна отломила один отросток — на память обо всем, на память об этом чудесном питомнике.

От жгучки держи дальше ручки

Что такое сорняк? Растение, полезные свойства которого пока еще не открыты.

Р.-У. Эмерсон

А ножки? Про ножки в народной песне ничего не сказано. Может, потому наша героиня, Марылька, и попала в маленькую неприятность из-за этого симпатичного растения? Но начнем сказывать по порядку.

Напротив гостиницы, где остановились наши школьники, находится Главный ботанический сад Академии наук СССР.

Это огромный сад-парк: дубрава, оранжереи… Одним словом, необыкновенно интересный ботанический комбинат. Достаточно сказать, что он занимает 360 гектаров. Всем было интересно побывать в нем.

Да и Нина Ивановна надеялась найти что-то для себя интересное, новое. Во всяком случае, посмотреть на все ранее виденное другими глазами. Отделы в саду такие: природная флора, дендрофлора, цветоводство, отдел культурных растений, мобилизация природных ресурсов, физиология развития растений, охрана растений, вредоносные растения, экспериментальный…

Тысячи видов деревьев и растений собраны тут. И можно своими глазами увидеть многие растения, о которых приходилось только читать: от сказочно красивой, очаровательной виктории-регии до полярной березки и оленьего мха.

В этом же саду на специально созданных рельефах (пустынных, горных) развиваются растения, характерные для того

или иного пояса всего земного шара. В оранжерее более двух тысяч тропических и субтропических растений.

Редкостная коллекция роз, в которой двадцать тысяч экземпляров, — почти две тысячи сортов. Всего в этом ботаническом саду около ста тысяч названий.

Даже люди, которые, казалось бы, не имеют непосредственного отношения к ботанике, стремятся побывать тут в свободное время, получить знания и наслаждение при осмотре чудесных коллекций. Что же говорить о юных натуралистах Ботяновской школы? Они собирались туда, как на бал.

Приняв ванну, все прифрантились, причесались. Девушки надели свои лучшие костюмчики, вышитые сорочки. Нина Ивановна надела летнее платье с короткими рукавами, в каком ребята ее никогда не видели.

В самую последнюю минуту Марылька предложила Ганне и Зосе:

— А что это мы ходим в чулках? Вы разве не заметили, что большинство москвичек ходит без чулок? Чтоб над нами смеялись, как раньше над нашими родителями, что в жаркий день приезжали в город в галошах?

Девушки дружно согласились. Раз-два — и чулки оказались в шкафу.

А в дверь уже стучали мальчишки:

— Долго вы еще будете собираться?

— Готовы!

И три красивые белорусские девушки предстали перед своими друзьями.

Мальчики придирчиво оглядели их с ног до головы. Нина Ивановна усмехнулась:

— Ну как? Не возражаете, если мы пойдем с вами?

— Да нет! — засмеялись они, но немного смутились. Они никак не могли привыкнуть к тому, что строгая учительница Нина Ивановна шутит и смеется вместе с ученицами.

Направились в сад. Сразу же увидели розарий — розовую поляну, сад роз.

Осмотрели первые образцы: штамбовые розы — деревца, а не кусты. Прочли названия: «Рэд Уондэр» — «Красное чудо». А там замелькали белые, розовые, алые, пурпурные. Замелькали, как какие-то сказочные, фантастические огоньки или самоцветы из арабских сказок.

И вдруг у самого входа Марыля заметила в траве близ кустов, справа от дорожки, какое-то необычное растение. Она напрямую, по траве, быстрым шагом направилась к этому растению. Не

дойдя до него примерно с метр, она вскрикнула и начала восклицать, пританцовывать то на одной ноге, то на другой (похоже на «Толкачики»):

— А чтоб тебя! Чтоб тебя… а чтоб ты… чтоб тебя…

Пока хлопцы сообразили, в чем дело, Ганна и Зося кинулись к ней:

— Что с тобой, Марылька?

— Может, змея укусила?

— Да нет! Такая жгучка, что и не выберешься! — Про необычное растение Марыля уже забыла.

Наконец она выскочила на дорожку:

— Ой, горе, прямо ноги горят!..

Но жаловаться некому: сама предложила снять чулки.

Сымон пошутил:

— Сколько раз тебе говорили: от жгучки держи дальше ручки!

— Ай, Сымонка! Разве ж я на руках ходила, как ты на спортивной площадке?

— Ничего, Марылька, — пожалел ее Адам, — «придет и на крапиву мороз»!

— Жди того мороза! А пока что так нажгло, как бы не заболеть…

Тут придется сделать маленькое отступление и окончательно выяснить такой вопрос: что она из себя представляет, эта жгучка. Возьмите любую научную книгу, и вы ни в одной не найдете, что крапива чем-либо вредна для человека. Наоборот, у нее столько хороших свойств, что даже диву даешься. Прежде всего следует отметить, что ботаника насчитывает больше пятисот видов в семействе крапивных растений, хотя и не все они растут в Белоруссии. Вспомним хотя бы знаменитое растение рами, самое лучшее из всех лубяных растений. Но растет оно в жарких странах. У нас более распространена крапива обыкновенная, или двудомная (уртика диоика). Растет у нас жгучка (уртика урэнс) и волокнистая (уртика канабина), из которой можно ткать грубую ткань и которая может быть использована для изготовления мешков, например.

Первый и второй сорта крапивы необыкновенно богаты по своему химическому составу. Кроме белка и крахмала, в листьях и стеблях содержатся дубильные вещества, камедь, калий, магний, железо, сера, фосфор, азот, кальций, муравьиная, галовая и масляные кислоты. В листьях много аскорбиновой кислоты, каротина, а витамина К — до 400 биологических единиц в одном грамме. Правда, это еще не все, но и этого достаточно для того, чтобы понять, почему она так, «как алчный скряга у своей

сокровищницы», защищается от посторонних жгучими волосками-жальцами. Такое огромное богатство заключено в ней!

Люди, особенно весной, мудрые люди, с давних пор готовят борщ из свежих, молодых листьев обычной крапивы. Мука из высушенной крапивной ботвы по питательности равноценна муке злаковых культур.

Народная и научная медицина широко используют крапиву при разных болезнях, названий которых вы даже не знаете (хоть бы их вообще не знать людям!). Вот в основном при каких болезнях употребляются препараты из крапивы: при гиповитаминозах, для приостановки кровотечений, при нагноении ран. Крапива в виде сухого экстракта вместе с чесноком входит в состав препарата «аллохол», применяемого при начальных и затяжных болезнях печени и желчных протоков.

Крапива способна уничтожать микробов и может применяться при различных воспалениях. В народе применяют ее для лечения подагры, при заболеваниях почек, печени, против худосочия, в начале туберкулеза, при водянке, геморроях, от каменной болезни, грыжи, удушья.

Она же является общепризнанным народным средством при ревматизмах, для чего больные места натирают свежей травой или делают ванны. Также лечатся при параличах, при чесотке, крапивнице. Корни крапивы, приготовленные с сахаром, применяются от хронического кашля. Даже в ветеринарии она пользуется некоторым успехом: при лечении гангрены и гнойных ран у животных.

Все это относится к крапиве обыкновенной. Жгучка, о которой шел разговор, применяется от всех перечисленных болезней и еще при судорогах.

Понятно, что только врачи могут сказать, когда, в каких случаях надо пользоваться лекарствами, приготовленными из крапивы. Но можно сказать одно: никакого основания не имела Марылька так порочить крапиву и бояться, будто от нее можно заболеть.

Вот и все наше отступление, вызванное тем, что с самого начала планы наших юннатов немного нарушились именно благодаря крапиве. Вы только подумайте: встретили розы, обстрекались жгучкой! Но где это видано, чтобы и весь жизненный путь от начала до конца был усыпан розовыми лепестками? Может, действительно лучше сразу познать плохое, а потом хорошее, чем наоборот.

Так, между прочим, было и с нашими героями: дальше они прошли весь ботанический сад без приключений. Правда, в самом конце произошло одно, даже с боксом, но и оно уладилось.

О розах, терниях, боксе и о маленьком Коле

Есть такие туристы.
Люди особого вкуса:
До прихода их было чисто,
А после них — только мусор.

Василь Витка

Марылька скоро успокоилась. Короче и точнее говоря, она забыла о своих нажженных ногах. А забыть можно было, когда они пошли через сад роз.

Невозможно рассказать о том, что они там видели. Подумать только: две тысячи (не десятки, не сотни, а тысячи!) одних только сортов роз!

Все возможные и, кажется, невозможные цвета: от белого, желтого до почти черного — темно-темно-красного. Да какие розы — штамбовые, кустовые, вьющиеся, как хмель! Цветы крупные, обыкновенные, мелкие, совсем крошечные, чуть крупнее, чем на вереске. По одному, по два, по три, букетами, веночками. В саду стоял такой аромат, который по своей силе можно лишь сравнить с тем, когда у нас цветут липы.

Все это понравилось ботяновцам. Не понравились только некоторые названия: «Королева», «Царица», «Герцогиня», «Принцесса», «Княгиня»… Лишь одна имела название «Моя любимая».

— Вот это человеческое название! — сказал Амвросий.

С ним согласились, и все долго рассматривали бело-розовые лепестки этой удивительно красивой розы. А сколько знаний,

таланта и времени понадобилось художнику-садоводу, чтобы вырастить такой чудесный сорт!

— Правда, не за этим мы сюда приехали, — заметила Нина Ивановна, — но не надо забывать и о цветах. Наша жизнь должна быть красивой во всех отношениях. Будем украшать ее цветами. Будем выводить новые цветы из наших полевых и лесных, но никогда не забудем о розах.

— Выведем, Нина Ивановна! Даже мы своим маленьким коллективом сделаем много, — ответила Ганночка.

— Только называть мы их будем не так, как эти названы, — добавил Гиляр. — Наши названия будут совсем иными: «Мои мечты», «Партизанская слава», «Генерал Доватор», «Белорусская девушка».

— «Комсомолка», «Марат Казей», — дополнила перечисление названий и Зося.

— Остается только начать дело, названия есть, — усмехнулся Адам. — Но ничего, возьмемся и за цветы!

Пройдя мимо длинного пруда, они вышли к отделу «Флора СССР».

Тут было все, от чебреца, душицы, мяты, заячьего горошка до гигантских растений борщевника. Были все дикорастущие травы, кусты и деревья, о каких только в книгах читали. Узнали точно, почему амурский пробковый дуб называют еще бархатным. Действительно, если, закрыв глаза, проведешь рукой по коре этого дерева, так сразу и не узнаешь: бархат это, плюш или кора. Такой он интересный, этот дуб! Ганна предложила:

— Хоть пару дубков таких посадим около нашей школы. Пробки нам из него делать не надо, конечно, а красоты прибавится.

Были тут самые натуральные луга, перелески, на которых росли деревья, кусты, травы.

И каждому присущи свои особенности, своя красота, свои достоинства.

Посмотрели сибирскую облепиху. Оказывается, недаром она имеет такое название! Ягоды на ней растут не гроздьями, не кисточками, а будто налеплены, приклеены к сучкам, к коре. А какие чудесные эти ягоды по своим качествам! В них много витаминов С, B_1, B_2, B_3, каротина.

Масло, добываемое из ее семян, другого состава и качества, чем добываемое из коры. Ягодным соком, корой, листьями и всеми веществами, содержащимися в них, медицина пользуется для лечения людей от разных заболеваний кожи, от экземы, от недостатка витаминов в организме. Помогают они при заболеваниях глаз, ушей, горла, носа, при ожогах.

Кроме того, из ягод выжимают сок, приготовляют пюре, повидло, мармелад, варенье, конфеты. Делают из облепихи краску — черную, желтую.

Облепиха хорошо растет на песках, укрепляет их своими корнями, чтоб не выдували ветры, не распыляли.

— Обязательно надо завести у нас, — сказал Сымон.

Все с уважением взглянули на эти невысокие кусты, которые пепельным цветом своих листьев немного напоминали плакучую иву.

— Никак не могу свыкнуться с тем, что такое полезное растение называется крушиновым — ведь наша крушина ничего не стоит, — заметила Зося.

Ей возразил Амвросий:

— Тебе, Зося, не следует так говорить. Ты, кажется, была тогда в лещевнике, когда я обжегся на рябине. Попросим Нину Ивановну сказать хоть два слова о самом названии.

— Вот это, Амвросий, правильно. Облепиха и крушина принадлежат к разным ботаническим семействам. Названа облепиха крушиновой благодаря сходству ягод. Но и крушину не стоит корить. Начиная с XIV столетия ее кора используется в медицине как слабительное. Кора и спелые ягоды помогают при лечении печени, при водянке, лихорадке, против глистов, как лекарство от чесотки. Из коры, кроме того, изготовляют краски — коричневую, бордовую, светло-коричневую, желто-рыжую, а из ягод — желто-зеленую или салатную. Кора применяется и в кожевенном деле. Из древесины делают наилучший уголь для художников, а также уголь, используемый при выработке охотничьего пороха, для фейерверков. Из древесины изготовляют также сапожные гвозди и колодки.

Амвросию все это очень понравилось.

— Слышишь, Зося? Я тогда в лесу сказал, что посажу около хаты рябину. А не посадишь ли ты теперь, после такого объяснения, крушину?

— Нет! — засмеялась Зося. — Пускай она растет там, где растет испокон века — в наших лесах и перелесках, хотя бы при всех своих добрых свойствах.

Так, знакомясь со старыми, казалось бы давно известными растениями и узнавая новые, прошли они к болотным растениям, где в первую очередь увидели мох — боровой, сфагновый и исландский.

— Этим мохом только дыры в стенах затыкать. А про исландский и того сказать нельзя — до чего он хрупкий и невзрачный.

Кто бы, вы думали, так сказал? Амвросий! Тот самый, что еще

совсем недавно читал нотацию Зосе за недооценку крушины.

Она и ответила Амвросию:

— Тебе, дружок, тоже следовало бы научиться и на рябине и на моем примере. Сфагновый мох — это же основа торфообразования. А о торфе, о его добрых свойствах надо ли говорить нам, белорусам. Не из него ли химия производит около ста различных изделий. Идет он и на другие нужды: на топливо, на удобрение. Да мало ли куда. А во время войны сфагновый мох использовался для заживления ран. Он применялся вместо гигроскопической ваты — она не всегда была в партизанских отрядах.

Нина Ивановна дополнительно пояснила:

— Гигроскопичность сфагнового мха в четыре раза, а то и в пять больше, чем у самых лучших сортов гигроскопической ваты. Этот мох вбирает в себя воды в пятнадцать и даже двадцать раз больше, чем весит сам. Потом он испаряет эту влагу. Вдобавок он антисептичен. Это благодаря тому, что в нем есть фенолоподобное вещество — сфагнол. Лечат им, правильнее сказать, препаратами из него, от острого воспаления кишечника.

Амвросий задумался. И тут Зося то ли, жалея парня, приняла, как говорится, весь огонь на себя, то ли действительно ошиблась, сказав:

— Что касается исландского мха, я согласна с тобой. Им даже дырку в стене не заткнешь, так он крошится.

Понятно, что Нина Ивановна не могла оставить без внимания грубую ошибку.

— Люблю я тебя, Зося, но правду еще больше. В свои молодые годы, готовясь к научной деятельности, Карл Линней основательно изучал этот мох, описал его. Да не только он один — многие ученые посвятили этому хрупкому созданию природы солидные монографии, научные труды. Прежде всего, это не мох, а лишайник. В северных краях люди на протяжении столетий пекли из него хлеб. Для них он был рожью. Представьте себе, что в нем до 70 процентов лишайникового крахмала, или лихеину, 2–3 процента кристаллического горьковатого вещества — цетрорина. В нем есть разные кислоты, камедь, сахар. У нас теперь на специальных фабриках делают из него медицинскую глюкозу и сахар. Можно изготовлять спирт. На севере мох дают лошадям, коровам, свиньям. А еще из него делают лекарство, которым лечат многие болезни: кишечные, желудочные.

Зося только вздохнула:

— Вы, Нина Ивановна, разрешите мне напомнить про одного мудреца, сказавшего: «Я знаю то, что я ничего не знаю».

Высказал свою мысль и Адам, который до сих пор молчал и

слушал:

— А я знаю только то, что еще нам надо много работать, читать, слушать умных людей, видеть невиданное доселе, чтоб лучше ориентироваться в окружающем мире.

Так они шли, так они разговаривали. И все было хорошо. Так на́ тебе!

Началось с водяных орехов.

— Что за чудеса! Нигде нет водяных орехов. Прошли мимо одного большого пруда — не видели. Трудно согласиться с тем, что их нет в таком ботаническом саду. — Это перебила разговор Марылька.

— А вон еще другой пруд, поменьше, — показал Сымон налево. — Пойдем, может, они как раз там и есть.

— Пошли, — согласились все.

Прудик небольшой: метров сто в длину, от трех до двадцати в ширину. В противолежащей, более высокой стороне как бы гребля насыпана, водоспуск в ней. Около гребли темно-зеленые заросли аира, перед ним, на воде, листья белых лилий.

На гребле стояли два парня лет по 16–17 и две девушки, чрезмерно накрашенные. Один из парней держал в рунах большой сук и хлестал им по водорослям.

— Бедные! Видно, платок упустили из рук или шляпу, никак не достанут, — пожалела их Ганночка.

— Интересно… — откликнулся Сымон. — Лучше было бы раздеться да влезть в воду, она тут чистая и, наверно, теплая.

Подходят они ближе и что же видят? Одна «барышня» держит в руке пару водяных лилий, а вторая, надувшись, укоряет своего «кавалера»:

— У нее две, а у меня ни одной.

— Будут и у тебя не две, а четыре, — ответил «рыцарь» и снова начал водить суком, подтягивая лилии к берегу.

У Марыли, которая только вчера наблюдала результаты подобной самодеятельности Бовы Поллитровича в кедровом питомнике, аж сердце сжалось от жалости. Она сбежала с пригорка и закричала:

— Что вы делаете! Прекратите это безобразие!

А оболтус, который суком водил по водорослям, посмотрел на нее искоса и сказал полубасом:

— Чеши отсюда, деревня, пока я тебе по-рощински плакать не научил!

— Ты лучше сам поберегись, чтоб я тебя по-ботяновски смеяться не научила! — не испугалась Марылька, физкультурница, дочь партизана, которая с шести лет узнала, что такое труд, и закалила свой организм. Не так, как этот «рыцарь»,

которому, наверно, мама и галстук завязывала до последнего дня.

Тут надо рассказать о том, что такое «по-ботяновски смеяться».

Когда-то в Ботяновичах справляли «зеленый» праздник. Собиралось много молодежи из ближайших деревень. И вот какой-то братковский парень обидел одну ботяновскую дивчину. Она сказала ему, и притом «очень деликатно»:

«Иди, пока я тебе по уху не дала».

А он сам напросился:

«Дай, дай! Ты и до носа не достанешь, недоносок такой!»

Дело в том, что он был довольно высокий, а девушка никакая там не «недоносок», а обыкновенная, стройная и хорошо скроенная.

Дважды обиженная, она недолго думая размахнулась и так ударила этого просителя по уху, что он сразу десять костелов увидел вместо одного, перед которым вся эта история происходила.

Ну и потеха! Сколько ни было молодежи, все так и покатились со смеху.

Что же было дальше? Парень, получив «угощение» и немного очухавшись, начал тоже смеяться!

«Ха-ха-ха!»

Друзья удивились и спрашивают:

«А чего же ты смеешься, брат?»

«Ха-ха-ха! Мой верх. Как я ее провел! Она мне не по уху, а по щеке дала».

Так и пошло потом по всей округе:

«Гляди остерегайся! Там девчата научат тебя по-ботяновски смеяться».

Надо же такому случиться, что и этот оболтус вздумал напугать ботяновскую девушку:

— Как дам тебе бокса под бок, так узнаешь, где раки зимуют!

Марылькины друзья не успели перебросится словом и сгладить или вовсе ликвидировать конфликт, как Марыля схватила сук за верхнюю часть и выбила его из рук «любителя» цветов.

Не стерпев такой обиды и унижения мужского достоинства (да еще перед барышнями!), он стал в позицию боксера и вознамерился ударить Марылю.

Марыля ловко увернулась, кулак только немного задел ее, но сама она так поддала боксеру по-ботяновски, что тот и плюхнулся с пригорка в воду.

Наши ребята и девушки кинулись к Марыле, а подружки и друзья того парня — сразу наутек.

«Цветолюб», выбравшись на пригорок, закричал:

— Сеня! Спасай!

А тот, убегая, только и крикнул:

— Сам кашу заварил, сам и расхлебывай!

Пришлось и Сениному дружку покинуть поле битвы.

Гиляр схватил сук, чем окончательно устрашил беглецов, и ударил им с размаху по старой березе. Сук развалился на куски.

— Это, — сказал Гиляр, — чтоб другие не вздумали болтать им в пруду.

Само собой понятно, что настроение у наших юных натуралистов упало «на три квинты».

— Так вот, друзья мои! — Так и сказала Нина Ивановна: «друзья мои». — Нам надо сесть и посоветоваться. Что я должна сделать? Должна я сказать об этом Сымону Васильевичу или нет? Подумайте сами. Приехали в Москву. Были на Выставке достижений, где видели самые интересные экспонаты и изделия сельского хозяйства, промышленности, науки и техники. Все это для того, чтоб помочь вам в дальнейшей работе. Теперь вопрос: на какой выставке, в каком павильоне, в каком музее вы видели такой пример, который вдохновил — кого? Девушку, комсомолку, ученицу девятого класса средней школы — соревноваться в боксе с каким-то проходимцем? «Внимание, внимание! На ринг выходит известный чемпион по боксу Марыля Колечка!» — добавила Нина Ивановна иронически-гневным голосом.

— Нина Ивановна! Я прошу прощенья у вас, у моих товарищей… Но вы должны понять меня правильно. Меня обстрекала жгучка. Как она нажгла мои ноги! За что? Ни за что. Мое настроение упало. Вдруг такая картина, которую вы все видели. В Главном ботаническом саду, где собраны богатейшие коллекции отечественной и зарубежной флоры, куда приходят и приезжают со всех краев нашей Родины, чтоб посмотреть на эту красоту, узнать поближе нашу природу, творится такое преступление. Кто он? Какой-то сорванец. Я его трогала? Нет! Я его оскорбила? Нет! Я только выбила из его рук то орудие, каким он портил эту красоту. И что же? Он поднял руку, сунулся со своим боксом. Так что я должна была делать? Попросить извинения за беспокойство и пойти дальше? Я ему ответила очень деликатно, можно сказать, нежно. Если бы я пустила в ход всю свою силу, так он очутился бы там, где растут белые лилии.

— Нина Ивановна! — попросил слово и Сымон. — Как мне думается, директору сказать надо, только не сразу. Мы сначала расскажем о поездке, обо всем, что видели, покажем то, что привезем. А об этом происшествии можно будет сказать потом.

— Перед Новым годом, — засмеялась Нина Ивановна.

Честно говоря, она сочувствовала Марыльке. «Вот партизанская дочь! — подумала она. — Но так же нельзя: вдруг еще что-либо подобное приключится, а там — милиция, а там Евстигней Поликарпович скажет: „Я несколько раз предупреждал, что таким молодым, непроверенным работникам, как Нина Ивановна, нельзя поручать ответственное дело“».

— Я думаю, думаю, но никак не могу решить, какую оценку дать твоему поступку. За то, что защитила от уничтожения ценную коллекцию растений, тебе, скажем, надо поставить пятерку. Это твой плюс. За поведение, за то, что ты участвовала в драке, тебе двойка. Это минус. Твоя пятерка растаяла как прошлогодний снег.

— Нина Ивановна, не сердитесь на меня, — сказал Адам, — по ведь налицо остаток — плюс три.

Не выдержала Нина Ивановна, засмеялась:

— Категорически предупреждаю: никаких драк, никаких скандалов! Единственное, что можно сделать в таком случае, — позвать администратора, пускай он наводит порядок.

— А мы их нигде не видели, — удивилась Зося. — Я только теперь обратила на это внимание.

Проходя по саду, юннаты заметили много следов скотского обхождения с коллекциями. В одном месте кто-то крутил-крутил, да так и не открутил ветку от стебля; так и висит перевитая, листьями вниз. На некоторых вишенках поломаны ветки. Там затоптаны цветы…

Сымон заговорил об этом:

— Удивительно, братцы! Смотрю на этих людей, которые, будто волны, идут и идут через сад: ни одного не вижу, кто мог бы учинить такое злодейство. Идут добрые люди — рабочие, служащие, офицеры, женщины, дети…

— Сымон! — откликнулась Нина Ивановна. — Из них ни один не поднимет руку для того, чтоб что-то испортить. Но достаточно вылезти из кустов одному-двум таким «цветолюбам», каких гоняла Марылька, и эти цветочные участки станут Кара-Кумами…

Подошли к горным отделам: Кавказ, Закарпатье. По дорожке, несколько впереди их, женщина вела за ручку четырех-пятилетнего мальчика.

— Вы только обратите внимание на этого мальчика, — сказала Нина Ивановна. — Я давно наблюдаю за ним. Он ни разу даже не попытался сорвать цветок. Только и слышно: «Мамочка! Какой красивый цветочек! А как его звать? Мамочка, а этот еще красивей. Как его звать?»

И тут все заметили, как из-за высокого куста, тропкой,

навстречу им вышла пожилая женщина, ведя на цепочке собачку, очень интересную — величиной с котенка. На собачке было надето что-то вроде попоночки-камзольчика, отделанного вышитыми золотыми цветами.

Мальчик, шедший впереди, протянул ручку и закричал:

— Мамочка! Какая хорошенькая собачка!

Потом обратился к старой женщине, как обращался к своей матери, останавливаясь перед цветами:

— Бабушка! А как звать вашу собачку?

— Ты сам дедушка! Какая я тебе бабушка! — огрызнулась на него старуха, дернула со злостью цепочку так, что собачка заскулила от боли, и проплыла в неизвестном направлении.

Наши девушки и юноши остановились, удивленные таким ответом. Оторопела, посмотрев вслед старухе, молодая женщина, а ребенок растерянно спросил:

— Мамочка! Почему же она такая злая? Как ее звать?

Мама ничего не могла объяснить ему, не могли объяснить и наши ботяновские хлопцы и девчата.

— Может, ее надо было назвать прабабкой? — отозвался один.

— А может, барышней? — догадался второй.

Во всяком случае, им стало горько-горько. Они подошли к мальчику, поздоровались с ним, узнали, что его зовут Коля.

— А нас — Марылька, Зося, Ганна, Адам…

Мальчуган повеселел.

Зося взяла его за ручку и пошла впереди. Показывала ему цветы, читала на табличках названия тех, которых сама не знала.

Мать шла поодаль с Ниной Ивановной. Она, как оказалось, врач. Сама любит природу и сыну внушает это чувство.

Кто может предугадать? Может, второй Линней — наш, советский, может, второй Бёрбанк или Мичурин выйдет из него. Во всяком случае, можно не сомневаться, что он не будет суком сбивать цветы ни в ботаническом саду, ни в самом обычном лесу.

Коля, идя с Зосей, раза два оглянулся, а потом спросил ее:

— А та бабушка злая? Как жгучая крапива?

Зося удивилась:

— Откуда ты знаешь эту жгучку?

— Мама ее показывала и разрешила ручкой потрогать.

— Ну и как же?

— Стрекается! — засмеялся малыш. — Больше не буду ее трогать.

Милый Коля! Несмотря на то что ты делаешь только первые шаги в своей жизни, ты сказал истинную правду. Та бабушка действительно похожа на жгучку, какую тебе показывала мама.

Оказалось, что попадается она и среди людей. А как ее узнаешь? Только одно известно — она хуже, чем уртика урэнс.

Настоящая жгучка обстрекала тебе руки или ноги, и прошло. У настоящей жгучки, кроме ее жальцев, есть много, много ценных качеств и веществ. А «жгучка», что прожгла тебя до самого маленького сердца, никаких хороших качеств ужо давно не имеет, может, и никогда их не имела.

Такая как обожжет тебя однажды — избави тебя судьба от этого, мой мальчик! — так ты будешь всю свою жизнь спрашивать:

«Мамочка! А почему она такая злая?»

А может, тогда обожжет, когда уже и мамочки на свете не будет.

Кому же ты тогда пожалуешься, у кого тогда спросишь, милый, сердечный, славный мальчик Коля?

Наука, наука и еще раз наука

Мне нравится рассказ об одном великом художнике, у которого спросили, чем он перемешивает свои краски так, что от них получаются такие удивительные цвета, и который ответил: «Мозгами, сударыня!»

Лютер Бёрбанк

Вечера у наших путешественников тоже были заняты. Они ходили в оперный театр, в драматический, ездили во Дворец пионеров (на Ленинских горах), побывали в Третьяковской картинной галерее. Рассказать про все их впечатления, про осмотр картин выдающихся художников мира — Врубеля, Васнецова, Сурикова, Репина, Сарьяна, Шишкина — невозможно. Тем более, что у каждого зрителя впечатления были разные: одному необыкновенно понравилась «Аленушка», другому — «Запорожцы», той — «Весна», другой — «Иван царевич на сером волке».

А опера! Возвращаясь из театра в гостиницу, Ганночка нет-нет да и начинала тихонько напевать отдельные арии, которые больше всего тронули ее сердце.

Но как бы это ни было важно и полезно, основная цель у них была другая.

Адам и Гиляр, мечтавшие когда-нибудь стать студентами сельскохозяйственной академии, очень хотели побывать в Тимирязевской академии, увидеть, что это за «Тимирязевка», из которой вышли тысячи отличных агрономов, известных знатоков

сельского хозяйства и которая празднует столетие со дня основания.

Нина Ивановна согласилась с ними.

Приехали.

Старинные здания, или, как их там зовут, корпуса. Рядом — новые, современные. Парки, насаждения, и каждое дерево, каждый кустик посажены не просто так, а с научной целью, для исследования.

Но…

Почти все здания заперты — каникулы! Только в некоторых трудятся рабочие — ремонт.

Остерегаясь, чтоб за воротники не налилось мела, извести или какого-нибудь сурика, ребята всё же прошли под лесами, осмотрели аудитории и кабинеты через застекленные двери.

Зато как кипела работа на огородной ферме! Студентки и студенты старших курсов, научные сотрудники были на многих делянках: что-то делали, вычисляли, заносили в тетради.

Несмотря на то что была такая горячая пора, главный агроном фермы Юрий Никифорович, по-дружески поздоровавшись с ними, повел их по всему огородному полю.

Чего там только не было! Парники и теплицы под целлофановыми крышами, бесконечные грядки-участки с разными овощами. Одной капусты, казалось бы обыкновенной, всем известной, не менее ста сортов. И так почти по каждому овощу. А исследуют они их так: без удобрения, с разными удобрениями, при различной влажности.

Картофель. Знакомый всем, а белорусам тем более. А что тут с ним делается: проверка на удобрения, на вкус, на количество крахмала, на устойчивость против разных болезней, на устойчивость при зимнем хранении.

Когда ботяновцы рассказали Юрию Никифоровичу о своей работе по выведению новых сортов картофеля из семян, он одобрил ее, сказал, что такая работа проводится и в академии. Но тут же добавил:

— Мы проводим работу по восстановлению, по омоложению старых сортов картофеля, пользуясь тем же способом — из семян. Дело в том, что лучшие сорта картофеля, если их высаживать клубнями на протяжении многих лет, как бы стареют, слабеют, вырождаются, становятся восприимчивыми к разным болезням. Вот на этих делянках вы можете видеть как будто старые сорта, а фактически молодые, выращенные из семян. Когда этот картофель пройдет все испытания, анализы, он будет передан в совхозы и колхозы для массовой посадки. Большое внимание, точность и зоркость требуются при этой работе, чтоб не

пропустить плохие сорта на бескрайние просторы нашей Родины. Сколько наук принимает участие в этих проверках, анализах: химия, бактериология, почвоведение. Надо много учиться, работать, чтоб быть достойными такой ответственной работы. В самом деле, ученым приходится быть как на поле битвы, битвы со страшной болезнью — раком, гнилью, с разными вредителями, в том числе с самым опасным — колорадским жуком.

Обо всем этом рассказал им Юрий Никифорович не для того, чтоб запугать, не для того, чтоб показать, что они, скромные молодые люди, будто ничего не стоят, а наоборот: чтобы показать, насколько это интересная, полезная и нужная работа для всех нас, для нашего народа, для нашей страны.

Осмотрели они — уже в таком серьезном освещении — еще много других огородных культур: лук (тоже не менее ста сортов), петрушку, перец, сельдерей, салаты, в том числе выведенный из одуванчика. Оказывается, что он используется как спаржа, употребляются весной его ростки, из которых потом получаются листья. А чтоб эти ростки были крупнее, грядка с такими растениями засыпается торфом сантиметров до десяти толщиной.

Заинтересовало их, между прочим, почему так много внимания уделяется перцу — и сладкому и горькому. Тут им был дан ответ прямо по журналу «Природа», где один научный сотрудник так и назвал свою статью: «Витаминный концентрат на огороде». Оказывается, по количеству аскорбиновой кислоты перец далеко позади оставляет и капусту, и зеленый лук, и салат, и даже томаты. Сто граммов перца, независимо от того, зеленый или красный, содержат 250 миллиграммов этого важного и полезного вещества. Каротину в перце больше, чем в моркови. Много в нем витамина Р, укрепляющего стенки кровеносных сосудов. Есть в нем витамины группы В.

Витамины перца не теряют своей силы и после кулинарной обработки. В перце много глюкозы, фруктозы, сахарозы. В нем есть и белок.

Но наши натуралисты не задерживались на одном месте, так как для всестороннего ознакомления с каждой культурой нужно много времени. Значит, наука, наука и еще раз наука.

Прошли они в теплицы, где растут огурцы из Вьетнама, из тропических стран. Некоторые без малого по метру длины.

Гости пошутили:

— Найдешь такой на дороге, побоишься и попробовать: подумаешь, кто-то кусок оглобли бросил. Какие дары дает природа людям! А другие — будто и люди, например те же американцы, — приходят на чужую землю, жгут эти дары напалмом, травят газами… Можно ли представить себе подобных

безумцев, более лютых врагов трудового народа?!

Осмотрели гидропонику — выращивание овощей без почвы, с помощью разных химических веществ, разведенных в воде. Об этом приходилось только читать в журналах, а тут… Стоят юные натуралисты, смотрят, изучают и проникаются великим уважением к творческому гению человека, к тем людям, которые создают не средства разбоя и уничтожения, а создают жизненные блага, помогают добиваться всеобщего счастья.

— Сколько надо нам еще учиться, чтоб стать на такой широкий и плодотворный путь, на каком стоит ваш коллектив, Юрий Никифорович! — сказал Сымон.

А Юрий Никифорович, этот чудесный, сердечный, чуткий человек, известный деятель науки, ответил:

— Самое главное, самое основное — любовь к делу. С ней будет все, с ней и наука будет даваться хорошо, с наивысшей отдачей.

Там же они нашли специалиста по кормовым культурам. Он дал им семена травы-козлятника, выведенной Симоновым, о чем юных натуралистов просили родители. Этот тоже очень славный товарищ сказал им, давая семена:

— Условие одно: обязательно напишите нам, где будет у вас посеяно и какой даст урожай. Вы будете неофициальной нашей маленькой опытной площадкой.

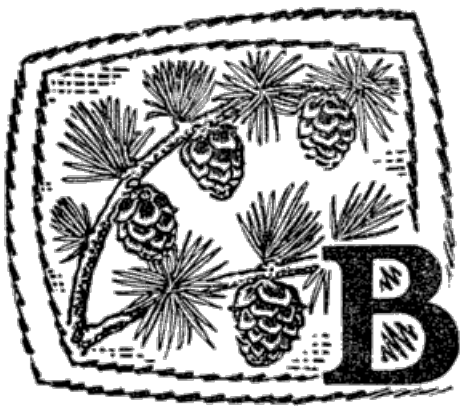
Неожиданное почетное поручение взволновало гостей. Они искренне поблагодарили хозяев за теплую встречу, за советы. На прощанье пригласили всех их к себе в гости.

— Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда. Может, вы через некоторое время приедете учиться к нам, может, мы приедем к вам для проведения каких-нибудь опытов, но встретимся! Будьте здоровы!

Ах вы преступники, разбойники! Пришли?!

Друг, пока душа не онемела
И покуда сердце знает бой, —
До всего на свете есть мне дело,
И не только мне, а мне с тобой.

Александр Прокофьев



В лесной даче «Тимирязевки» наши герои попали в такую смешную ситуацию, что даже не знаю, как лучше начать эту главу.

Одним словом, юннатам надо было найти улицу, которая называется Старое шоссе. Идти или ехать приходилось так, как в известном анекдоте:

«Сначала прямо, потом налево, потом направо, потом опять прямо и, наконец, еще раз налево». Там, сказали им, находится то, что вы ищете.

Возможно, где-то они лишний раз повернули налево или направо, но цели своей достигли. На калитке прочли надпись, что лесная дача академии именно здесь, что она находится под охраной государства как заповедник и что первые деревья на ее территории посажены более ста лет тому назад.

Вдоль улицы столбы, столбы, а к ним прибита проволочная сетка вышиной метра два с половиной. Туда, за сетку, проходили люди через большие ворота, через маленькую калитку, но ботяновцы не отважились на это, а пошли к домику дирекции, находившемуся справа от ворот.

Подошли к крыльцу. Нина Ивановна открыла сумочку и

посмотрела, не забыла ли она взять письмо, в котором Сымон Васильевич, на всякий случай, просит содействия для своих воспитанников, если это понадобится.

Письмо было в сумочке.

В этот момент открылась дверь, и на крыльцо вышел уже не молодой человек — как выяснилось позже, известный ученый.

Взглянув на школьников, этот человек отступил шаг назад и громко сказал:

— Ах вы преступники, разбойники! Пришли?!

Легко представить себе открывшуюся там картину.

Все девчата, и парни, да и Нина Ивановна тоже не то что смутились, а самым настоящим образом растерялись.

Они посмотрели на этого человека, потом друг на друга, и у каждого возник молчаливый вопрос: «Как он узнал? Каким образом?»

— Рассказывайте, кого вы поколотили, кого в воду столкнули! А? Молчите? Почему ничего не отвечаете?

— Как? — воскликнула Марылька. Она хотела спросить: «Как вы узнали?»

— А вот так: я вашему директору писал, в отдел народного образования писал, чтобы к нам никаких преступников, разбойников не присылали.

Нина Ивановна до того растерялась, что заговорила по-белорусски:

— Які жах! Тут адбылося сумнае недаразумение. Ці варта было так рабіць?

Бедная Нина Ивановна! Кто же ее пожалеет, если не мы с вами, дорогие читатели. Она надеялась, что вчерашняя история похоронена, а тут — на́ тебе! Даже в отдел народного образования написали. Все ясно: прочитает Евстигней Поликарпович, а там что будет…

Продолжая свою мысль, она добавила:

— Ну пускай бы одному директору, а зачем еще в отдел народного образования написали?

Услышав хоть и понятную, но не совсем обычную речь, ученый в свою очередь сам удивился и спросил:

— Подождите, подождите! Откуда вы?

— Из Ботяновичей, — воспрянула немного Марылька.

— А где они… эти Ботяновичи?

— В Белоруссии, в Пригоже-Городокском районе.

Тут ученый начал так смеяться, что и гости не удержались, стали улыбаться.

Собственно говоря, в этом нет ничего удивительного: это была реакция организма на то напряженное, неожиданно

странное положение, в каком они все оказались.

— Дорогие товарищи! Произошла досадная ошибка. Разрешите мне сначала поздороваться с вами, как следует познакомиться, а потом я буду просить у вас всех извинения за такую странную для вас встречу.

Он познакомился с Ниной Ивановной, с девочками и мальчиками, пригласил их в помещение дирекции. Вежливо пригласил сесть.

Оказался он человеком добрым, приветливым. Когда гости сели, извинился перед ними.

— Дело в том, что к нашей лесной даче прикреплена одна школа. Имелось в виду, что юные натуралисты этой школы будут приходить к нам; что осилят — помогут, а самое главное — будут учиться у нас более основательно познавать тайны природы, расширять свои знания. Но видим, приходят какие-то надутые, недовольные, будто обиженные девочки и мальчики. Если что и делают, то точно так, как в народной пословице: «Как мокрое горит». Ничем не интересуются. А спрашивают только об одном: «Можно ли идти домой? Не дадите ли вы нам справку, что мы у вас были?» Такое безразличие нас поразило. Что за причина? Начал я расспрашивать их: «Как вы думаете жить на свете? Хоть чем-нибудь вы интересуетесь? Зачем вы к нам ходите, если так относитесь к нашей работе, к науке?» И что же, вы думаете, выявилось? Оказывается, что в их школе преимущественное большинство способных, умных, интересных ребят и девушек, но их к нам не посылали. Сюда направляли «штрафников» отбывать у нас наказание. «Разбил в окне стекло, подрался с товарищем, облил кого-то водой — марш в лесную дачу!» Теперь остальные ребята и девушки из этой школы слушать не хотят про нас. Как в таких случаях говорят: какие-то бюрократы дискредитировали здоровую идею. «Зачем я пойду туда? За мной никакой провинности нет!» Нас это возмутило. Мы написали специальные письма их начальству и попросили, чтоб таких именно «натуралистов» к нам больше не посылали. Вдруг явились вы. Я и принял вас за тех самых «штрафников», хотя, честно говоря, они тоже и не разбойники и не преступники.

Теперь уже начали смеяться гости. Нина Ивановна сказала ему:

— На вашу откровенность мы ответим такой же откровенностью.

И она рассказала про вчерашнюю историю, а потом добавила:

— Вы можете представить себе, как мы смутились, когда по свежему следу вы нас на крыльце встретили такими колючими словами: «Разбойники! Преступники!»

Как же тут не посмеяться? Смех был всеобщим, веселым. Но все хорошо, что хорошо кончается.

Ученый тоже высказался по этому случаю:

— Видите, драться нехорошо, не стоит и не надо. Это всем понятно. Это писаный и неписаный закон нашего общества. Но за то, что сделала ваша славная девушка Марылька, я хочу пожать ей руку и поблагодарить ее… — И он пожал. — Признаюсь вам, бывают подобные происшествия и у нас. Я вам покажу в заповеднике шалаши, сделанные из ветвей наших молодых посадок такими же нарушителями. То, что у нас, в Советском Союзе, есть армия юных натуралистов, которая не губит и другим не разрешает губить и расточать нашу красоту и богатство — леса, это большая поддержка нам всем: ученым, любителям природы. Теперь пойдемте, мои юные друзья, я вам покажу все и расскажу обо всем, что только будет вас интересовать.

Они прошли с этим известным человеком через все участки, осмотрели деревья разных сортов — живые коллекции. На одно обратил он их внимание особо — на лиственницу.

— Это дерево дает самый большой прирост древесины из всех хвойных деревьев. Почти на сорок процентов больше. Если принять во внимание ценные свойства лиственницы: прочность древесины, долговечность, неподатливость к сырости — а в этом она стоит на одном уровне с дубом, — приходится только пожелать, чтоб во всех случаях обновления лесов сажали именно лиственницу. Она отблагодарит людей за внимание к себе. В отношении стойкости и долговечности лиственницы можно припомнить такой факт. Не так давно на юге Франции рухнул деревянный мост, который был поставлен еще древними римлянами. Значит, он простоял не менее двух тысяч лет. Французские ученые провели специальные исследования, чтоб выяснить причину такой необыкновенной прочности. Как раз тогда и выяснилось, что мост был сделан исключительно из лиственницы. Что можно добавить к этому? Высокие качества лиственницы, ее древесины способствуют тому, что она используется для строительства деревянных кораблей, идет на шпалы, для подводных сооружений. Понятно, что используется она в плотничьем деле, в столярном и бондарном. В хвое, в иглах лиственницы есть витамин С. В смоле также много полезных веществ, используемых и медициной. А губки, растущие на деревьях лиственницы, еще в древности греки в больших количествах закупали у наших предков. В некоторых местах Сибири их для лекарств специально заготавливает местное население.

Много, много интересного и полезного увидели и услышали

они в тот день.

Особенно заинтересовала гостей целлофановая крыша. Под такими крышами выращиваются молодые растения. Очень наглядна эта разница была в отделе, где выращиваются елочки. Посеянные в один и тот же день на открытых грядках и под целлофаном молодые деревца различались так, будто они были года на три старше. Во всяком случае, под крышами были раза в три выше и сильнее.

Попрощались они уже не так, как встретились, — сердечно, с самыми наилучшими чувствами. Хозяин только и сказал на прощание:

— Буду очень рад встретиться с вами снова. Не забудьте написать мне про лещину: какие результаты принесет ваша опека над ней в дальнейшем.

Это девушки рассказали ему об организованном походе к лещине и о том, как вообще началось все это дело.

Открыто и сердечно сказали они гостеприимному хозяину:

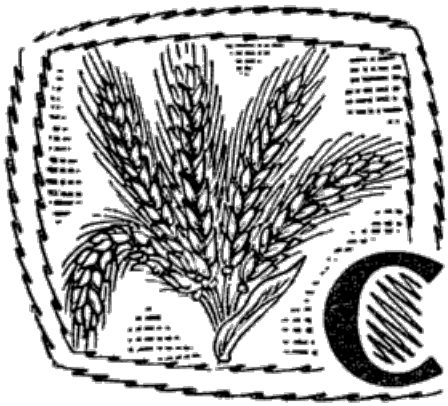
— Желаем вам всего самого наилучшего!

Так фацеция превратилась в приятную встречу.

Бездельники и созидатели человеческого счастья

Шагая в ногу со своим веком,
Будешь всегда молодым человеком.

Народная мудрость



Совершенно особо следует сказать о том, что наши герои побыли еще в одном очень интересном месте — в экспериментальном отделе главного ботанического сада.

Скажем сразу: никаких недоразумений там у них не было, так как туда, собственно говоря, не допускаются обычные посетители. Кое-кому там было бы и неинтересно.

Этот отдел находится даже в другом месте — на противоположной стороне улицы.

Экспериментами там руководит наш известный ученый, академик Николай Васильевич Цицин. Его самого им увидеть не удалось, так как он был в отъезде, на Всемирном конгрессе биологов.

Встретила их одна из помощниц академика, известная и самостоятельными учеными трудами, Мария Захаровна Лунёва.

Сначала она заметила, что сюда экскурсанты не ходят, что надо идти в Главный ботанический сад. Но, узнав, что они из Белоруссии, что пробуют проводить эксперименты с разными растениями, она оставила на некоторое время свою непосредственную работу и показала им, с надлежащими пояснениями, некоторые очень интересные результаты научных экспериментов всесоюзного и даже мирового значения.

Первое, что они увидели, поразило их так, что у них дух заняло, — зеленую стену зерновых. Да каких!

На первый взгляд — пшеница не пшеница, рожь не рожь. Сразу и не узнаешь. Представьте себе одну соломинку, а на ней два, три, четыре колоса. И в каждом из этих колосков крупные янтарные зерна.

— Сколько же их на одной этой соломинке? — вырвалось у Зоси.

— Подсчитайте, — засмеялась Мария Захаровна.

Начали считать.

— А теперь подсчитайте стебельки-соломинки, которые вышли из одного зерна, — посоветовала Мария Захаровна.

Подсчитали, умножили.

— Так это же урожай не сам-пят, не сам-десят, а сам тысяча, если не больше.

Сказка? Сон? Нет! Они стоят у этой сказки, пестуют ее своими руками, видят это все своими глазами, слышат, как шумит поле колосками, будто приглашает их: «Примите нас, используйте нас, мы выращены умом человека на пользу людям».

А бывает на свете и такое, когда научная подготовка отдельных работников или просто энергия отдельных людей используется совершенно в ином направлении, для достижения такой цели, от которой обществу ни тепло ни холодно.

Один ученый, к примеру специалист по изучению древних рукописей, нашел на какой-то иконе зашифрованную надпись, так называемую тайнопись, которую никто не мог прочесть. Он занялся этим делом. Много лет прошло, пока он достиг результатов. Эти годы он ничего больше не делал.

Наконец пришел на совещание и с гордостью сказал:

«Я нашел ключ к шифру! Я добился своего — прочел тайнопись!»

«И что же там написано?» — спросили его.

Открыватель начал читать:

«Се — Георгий на коне, держит в руце копие, колет змия в хвостие…»

Некоторые поздравляли его с таким результатом, но один не утерпел и сказал открывателю:

«Стоило ли тратить столько дорогих лет для подобного пустословия? Никакого значения для науки, для жизни в этом открытии нет».

Другой человек свое свободное время и свои материальные ресурсы использовал на собирание коллекций ликерных бутылок и… собачьих хвостов.

Собачьи хвосты были у него разных оттенков, фасонов,

размеров. Он завесил ими все стены в своей квартире, а бутылками позанимал все столы, столики, полки, специальные стеллажи.

«Вы посмотрите, — приглашал он знакомых, — каких только нет у меня собачьих хвостов! Каких только нет бутылок!»

Сколько сил, времени и средств затрачено на это собирание!

Удивлялись люди, пожимали плечами и молча отходили от него. Но нашлась и такая сердобольная душа, которая с самым серьезным видом подняла вопрос об организации выставки этих коллекций в соседних городах. Правда, до этого дело все же не дошло — собачьи хвосты дальше квартиры этого любителя хода не получили…

В капиталистических странах находятся «спецы», дрессирующие блох, например. После предварительной и сложной подготовки они организуют блошиные «скачки». Представьте себе, что имеются любители и такого «спорта», тратят на него немалые деньги…

Трудящиеся, люди здравого, ясного ума отворачиваются с презрением и отвращением от таких любителей собачьих хвостов, блошиных скачек и деликатно называют их бездельниками, лежебоками.

Но есть у нас много людей во всех областях жизни, которые смотрят далеко вперед, которые думают не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне всего общества, всей своей Родины. К таким принадлежит и академик Н. В. Цицин со своими научными сотрудниками.

Не сотни, не тысячи, а десятки тысяч научных опытов, опылений, скрещиваний одного растения с другим проводили и проводят эти благородные люди, преданные душой и сердцем одной идее, которая называется — человеческое счастье.

Бывали у них неудачи, могут быть они и в дальнейшем, но есть у них необыкновенно большие достижения, удачи, которые окрыляют нас всех, дают уверенность в своих силах, вселяют надежду, что невиданные горизонты открываются перед упорством, умом и талантом человека.

Академик А. Е. Ферсман сказал как-то:

«Творческая инициатива, активное изучение природы ради того, чтобы подчинить ее силы, есть, собственно говоря, величайшая задача научной мысли».

Перед одним таким достижением научной мысли стояли ботяновцы, охваченные большим волнением.

Вот она — сказка наяву! Шумит, говорит. И не одна такая тут осуществлена сказка, мечта. Сколько их тут еще!

Какие стихи, какие гимны, какие поэмы надо слагать и честь

таких созидателей человеческого счастья!

Как зачарованные стояли девушки и хлопцы перед этим полем, перед этим чудом.

А оно шумело, качалось, шептало, шелестело от легкого ветерка, только совсем не так, как наше жито. Его шорох был тяжелым, напоминал больше шум боровой в летний день.

— Родные вы мои! — воскликнула Ганна. — Родные мои! Если бы моя старушка мать посмотрела на эту ниву, она бы встала перед ней на колени, поцеловала бы эти колосья, как я их целую, и заплакала бы от огромного счастья и большой радости. Она мне не раз рассказывала, какое жито, какие колосья были на наших песках. По двенадцать, самое большее по двадцать зернышек было в колосках, а на поле — колос от колоса не услышит голоса. А тут какие голоса и какие колосья! Большое спасибо и большой почет всем тем, кто трудился и трудится тут! Душа моя преисполнена такой радостью, что я должна хоть деревенской песней, душевным словом высказать свою радость, выплеснуть ее на эти чудесные колосья, на это чарующее поле. Мне хочется запеть так, чтоб моя простая песня долетела туда, где теперь находится Николай Васильевич. Пока нет еще песен знаменитых музыкантов и певцов, пускай бы он послушал простую, но сердечную песню белорусской девушки в честь всех создателей этого чуда. — И она запела:

Ой челом, челом тебе, полюшко,
Тебе, полюшко неоглядное,
Да и людям всем, золотым рукам,
Что создали тут диво-дивное…
То не зернышки, не янтарные
В колосах твоих наливаются —
Это новый день, счастье общее
С колосов твоих улыбается…
Слава людям всем, золотым рукам,
Слава разуму превеликому,
Что создали тут диво-дивное,
Это полюшко золотистое…

Надо только пожалеть, что эту песню не слышали те, кто творил, творит и будет неустанно и упорно творить и впредь, кто провидит день грядущий…

Но вернемся к нашим путешественникам. Показав им зерновые, Мария Захаровна пригласила осмотреть плоды ее личного труда.

— Они не такие эффектные, удивительные. Но интересны

тем, что тоже пробивают дорогу в будущее, указывают пути превращения однолетних растений в многолетние кусты и деревья.

Гости прошли к соседним участкам, где увидели настоящие деревья — многолетние томаты и махорку.

— Вам должно быть понятно, что это все не далось мне сразу. Пришлось много поработать, поискать более целесообразных способов прививок однолетних растений на многолетние. Мы брали, например, цифамандру или томатное дерево, а к нему прививали томаты, баклажаны, черноягодный паслен, перец, даже дурман. Одним словом, использовали разные способы и растения, чтоб у нас в конце концов стало расти самостоятельно томатное дерево, баклажановое дерево и так далее. То, что вы видите, кажется очень простым и обычным. Но сколько труда тут, сколько дум, сколько мечтаний! Дело это нелегкое. Совсем не так, как некоторые думают: «Взял ножик, срезал ветку, привил. Потом посматривай, как томаты на цифамандре начнут краснеть».

Наши экскурсанты сказали, что они пробуют проводить работу в этом направлении, что они даже ставят опыты с желтой акацией, потому свой кружок и назвали этим именем.

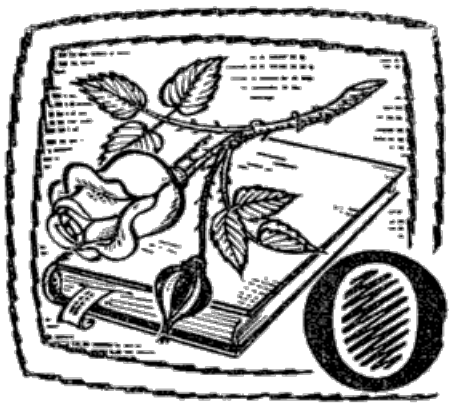
Но из всего разговора, из всего виденного напрашивался вывод: надо учиться, учиться, надо работать, работать сознательно, с открытыми глазами.

Вот что дала им эта интересная, содержательная экскурсия.

Ой, пора домой, пора!

А сердце все стремится
В отцовские края.

М. Богданович



Однажды вечером, вернувшись со своими товарищами в гостиницу, Ганночка запела:

Ой, пора домой, пора,
Уж взошла вечерняя заря…

Нина Ивановна пошутила:

— Что ж тебе тут не нравится, Ганночка? Почему так спешишь домой? Или утомилась, устала от путешествия? Якуб Колас в конце своей жизни спросил у путешественника:

Ты, путник, утомился быть в дороге,
Присядь и отдохни,
На эту даль взгляни,
Твой кончен путь, и ты уж на пороге…

А нам с тобой еще не скоро надо будет думать о пороге — наш жизненный путь только начинается.

— Нина Ивановна! Все мне нравится, все необыкновенно интересно, но боюсь, что если мы еще тут побудем, так в голове места не хватит для всех впечатлений, хоть их в чемодан складывай.

Все поначалу улыбнулись. Но, подумав, Адам сказал:

— Это правда, впечатлений много. Но мне хочется другого, хочется скорее рассказать про все интересное своим товарищам в школе, хочется скорее попробовать сделать то, что для нас было и есть сказкой, а на этих удивительных участках и площадках стало явью.

— Мне интересно было узнать, как вы относитесь к нашему отъезду. Завтра мы последний день в Москве, последние осмотры. Надо и о гостинцах подумать, в магазины зайти. Адам правду говорит: нас ждет работа. Да и путевки наши кончаются, срок — одна неделя.

Так Нина Ивановна ответила и Ганночке, и Адаму, и всем участникам путешествия…

Не будем говорить много про день отъезда, так как это знакомо каждому, кто ездил куда-нибудь дальше своего Пригожего Городка. Не будем говорить о том, с каким умилением смотрели девушки и ребята на московские улицы, площади, на приветливых, сердечных москвичек и москвичей, направляясь к Белорусскому вокзалу. Скажем только одно, что, заняв места в вагоне, они не пытались петь, не шутили, а вскоре улеглись спать. Да и время, правда, было позднее.

Ночь прошла так, словно ее волной смыло. Ребята проснулись перед самым Борисовом. А там, через полтора часа, Минск.

В Минске не задерживались. Сразу на автобус — и домой. Как-то странно даже: в субботу вечером были еще в Москве, ходили по московским улицам, а в воскресенье к обеду заявились в Ботяновичи!

Погода была хорошая, теплая. Наших путешественников радушно встретили товарищи:

— Привет! Приехали! Давно ждем!..

Все рвались домой, чтоб родители, особенно матери, убедились, что их дети живы, здоровы, а главное — очень довольны таким чудесным путешествием.

Нина Ивановна встретилась с Сымоном Васильевичем и подробно доложила ему обо всем. По секрету сказала и о боксе.

Сымон Васильевич только головой покачал. Но и он не мог сдержать улыбки:

— Ну и ну! Никак не ожидал от Марыльки такой удали.

Тут же условились, что через два дня группа юных натуралистов отправится в новое путешествие, на Полесье, но руководителем у них будет Иван Степанович, так как Нине Ивановне надо провести неотложные работы на огороде.

Решили созвать сегодня же собрание юных натуралистов, чтоб рассказать им про поездку в Москву и чтоб сами учащиеся

выбрали девочек и ребят, которые поедут за водяными орехами.

По радио объявили о начале собрания, сказали, что, если кто из взрослых заинтересуется этими вопросами, милости просим!

Народу собралось не меньше, чем было на весеннем собрании. Говорили по очереди все участники путешествия, дополняя один другого.

Было много вопросов, особенно о кедре. Нина Ивановна показала фотоснимки, сделанные ею в лесопитомнике, а Ганночка — ветку, взятую с искалеченного Бовою Поллитровичем дерева.

Что было особенно интересно: и о розах подробно расспрашивали.

— Две тысячи сортов! Этого нам не поднять. Но сортов пять не помешало бы привезти.

Все очень обрадовались, когда Зося вышла на сцену с большим свертком в руках и сказала:

— Двенадцать сортов нам дали в подарок в Главном ботаническом саду. Вот они. Сегодня обязательно посадим.

И на вопросы отвечали все участники путешествия. Пояснения давала Нина Ивановна.

Один вопрос всех очень смутил:

— А с кем вы там подрались?

Все притихли. Первая мысль была: «Как они узнали?» Но Нина Ивановна ответила вопросом на вопрос:

— Почему это обязательно «подрались»? Что вы хотите этим сказать?

— Ничего не хочу сказать, а просто спрашиваю.

— А я тоже спрашиваю: обязательно надо подраться?

— Да не обязательно.

— А если не обязательно, так не обязательно и спрашивать. Разве за этим мы ездили в такую дальнюю дорогу?

Наши герои молча переглянулись, но на том все и кончилось.

Короче говоря, один-единственный вопрос остался без ответа.

За водяными орехами на Полесье решили послать двадцать человек. Не для того, чтоб набрать орехов больше: хватило бы и двух-трех человек, — но надо дать возможность школьникам, которые далеко никуда не ездили, совершить такое путешествие, больше увидеть и узнать.

Все равно автомашина пойдет специально. И расходы невелики.

Кто-то из учеников предложил, чтоб обязательно включили трех или четырех юннатов из московской группы.

— Они были в дальней дороге, помогут нам своим советом.

В первую очередь попросили включить Зосю, чтоб она вела дневник похода. А Зося попросила взять Галю Сидоренкову:

— Галя хорошо рисует. Чего я не доскажу словом, так Галя дополнит рисунком.

Из мальчиков, ездивших в Москву, включили Адама и Гиляра.

Про Гиляра сказал кто-то из взрослых:

— Пускай Гиляр едет, но с цимбалами. Может, заскучают, так он развеселит. Вы знаете, как наши деды ездили в далекие дороги с обозами? Обязательно брали с собой старого деда-дударя. Едут через лес, через бор глухой, а он сидит на среднем возу да заводит помаленечку:

То не дудка моя, ух, я!
Веселушка моя, ух, я!
Веселила ж меня, ух, я!
На чужой стороне, ух, я!

Дед Тумаш, больше для смеха понятно, подкинул свои три гроша:

— «С музыки млынара[4] не яїди гаспадара[5]».

Тем временем Галя в своей тетради набросала эскиз первого рисунка будущей экспедиции: идет колхозный грузовик, в кузове, на скамейках, сидят школьники, а на шоферской кабине Гиляр, свесив ноги, играет на цимбалах и поет:

Едет, едет наш народ, ух, я!
Да в ореховый поход, ух, я!

Кто видел, вволю посмеялся над этим рисунком.

На столе была сделана небольшая, но интересная выставка: книги, семена, приборы, привезенные из Москвы. Рассматривая выставку, спрашивали особенно про семена новых сортов томатов, выведенных М. З. Лунёвой в экспериментальном отделе Главного ботанического сада и полученных от нее в подарок. Расспрашивали и про козлятник, ту самую траву, которую по имени ученого в газете предложили назвать «симоновкой».

Вообще собрание предполагали провести за один час, а затянулось оно на три часа. Да еще на улице стояли возле каждого участника путешествия группки любопытных, дополнительно спрашивали:

— А как оно растет? Урожайное ли?

Спрашивали те, кто досконально знают, «на чем хлеб растет». А тут разговор шел про такие растения, о которых до сих пор и не слышали даже. Значит, надо выяснить все как следует.

Розы, полученные в подарок от известных ученых, посадили

после собрания.

Последние слова были такие: «Не теряли времени. Стоящая поездка».

В полесских просторах

На лугах заливных камышовых
Мест немало уютных найдешь.

Микола Аврамчик

Край лесов и болот, край невиданной бедности в недалеком прошлом. Край сказочных богатств, один из самых красивых, уголков нашей Родины сегодня.

Какой неслыханный в истории сдвиг и переход! А что будет завтра?!

Урожайная почва на осушенных вековых болотах, неисчислимые запасы разной соли, в том числе калийной, железо, нефть…

Действительно, кто знает, что найдут тут завтра наши неутомимые искатели-геологи.

Это ж не где-нибудь, а на страницах научных журналов начинают разговор о том, что в Белоруссии есть выступ древнейших допалеозойских кристаллических пород, а в них — точно известно — бывают кимберлитовые трубки. Трубки не маленькие, а по километру и больше в диаметре! В этих трубках находятся месторождения алмазов. Вот еще какая перспектива открывается перед нами, вот еще какие находки будут на нашей земле!

Но автомашина ботяновского колхоза везла школьников на Полесье пока что не по таким делам, она везла их за водяными орехами. В кузове стояли три чистые, выпаренные с можжевельником, бочки, в какие будут ссыпаны орехи и залиты убортянской водой, так как водяные орехи без воды не всходят.

Нелегко рассказать о том волнении, которое охватило наших

путешественников, когда они заехали в самую пущу, в дубраву.

Будто колонны чудесного храма, стояли вековые дубы, раскинув свои красивые, могучие кроны. Стояли поблизости от них величавые сосны и березы. Зося только и сказала:

— Тот народный поэт, безусловно, бывал на Полесье или жил тут, когда он сочинил и оставил нам на добрую память такую песню:

Ты, береза кудрявая,
Верхом небо подпираешь,
Небо верхом подпираешь.
Листвой звезды прикрываешь…

Под дубами чисто, будто подметено. Только желудей нападало много.

Хлопцы и девчата начали пробовать их: «А может, сладкие попадутся».

Что бы вы думали? Попались!

Собрались все вместе, шофер подошел снять экспертизу.

Как ни пробуй — сладкие!

Разве можно так оставить их? Набрали большую торбу, чтоб дома отобрать самые лучшие, посадить потом.

Направились было к машине, но Адам задержал их:

— Подождите, подождите, братцы! А что сказала Стася о прививках, об ускорении плодоношения? Давайте приметим этот дуб, чтоб потом знать, откуда брать черенки на прививки.

Приметить было очень удобно: дорога в этом месте делала крутой поворот, а сам дуб — третий от дороги. Зося занесла это в дневник, а Галя дополнительно, для большей точности, сделала рисунок.

Поехали дальше… Вот и деревня Русичи. Тут будет остановка. Здешние школьники писали ботяновцам, что от них лучше всего идти за орехами. Из машины всё выгрузили, так как она должна была приехать за ними ровно через пять дней.

Пять дней они будут жить в Полесской пуще! Разве ж это не интересно?

Простились с шофером. Познакомились с новыми товарищами. Иван Степанович сходил к директору местной школы. Открыли для гостей школьный интернат, который пока что не был занят.

До заката солнца школьники гуляли, всё внимательно рассматривали. Ловили рыбу, раков, набрали хороших боровиков, ягод. Собрали десятка два растений в школьный гербарий. Отыскали глицерию, да как посеянную специально, — целую

делянку. Набрали хорошо вызревших семян, чтоб попробовать: «Что же это за глицерия такая?»

Иван Степанович объяснил им, что в семенах глицерии-манника крахмала и сахара — 75 процентов. Остается только молока добавить немного или масла — вот тебе и каша готовая! Масла они с собой привезли, да еще какого — орехового, вкусного!

Какая же будет каша?

Некоторые возражали:

— Может, эта каша не съедобная, масло только испортим.

Но таких очень быстро успокоили:

— Мы вам дадим без масла, а себе все же масла нальем.

Не согласились:

— Если пробовать — всем одинаково.

Молодые хозяйки старались одна перед другой. Рыба была зажарена хорошо, грибы тоже, а кашу как начали пробовать сами, так хлопцы даже испугались:

— Девочки, дорогие! Оставьте нам хоть немножко!

Но хватило и ребятам.

Адам пустился в рассуждения:

— Такой глицерии нам надо набрать целый мешок, чтоб и в Ботяновичах попробовали. А самое главное — посеять: пускай у нас разводится. Это ж не столько даже для людей, сколько для домашних птиц будет подспорье большое.

Начали готовиться к завтрашнему походу. Расспросили дорогу. Идти, оказывается, далековато.

Тем временем один старик, живший рядом с интернатом, посоветовал им идти не дорогой, вокруг болота, а Оленьей тропой через болото.

— Оленьей тропой вам ходу всего минут пятнадцать. Правда, идти надо осторожно, гуськом, так как по бокам трясина. Там и вешки вдоль понаставлены, чтоб не ошибиться.

Ботяновцев в первую очередь заинтересовало само название:

— У вас тут олени есть?

— Близко нет, но на моей памяти еще были.

— Так это они проложили-протоптали тропку через болото? Почему она называется Оленьей?

Вот тогда дедушка, который вообще знал много разных сказок, преданий, пословиц, рассказал им целый сказ про эту тропку, а Зося взяла да и записала все в дневник. Галя набросала пять рисунков. Благодаря их находчивости, старанию мы можем полностью передать его рассказ:

Эта тропочка простая

Называется «Оленьей».
Не спроста она такая,
В этом смысл есть, без сомненья.
Если спросишь у кого ты,
У людей, здесь живших даже,
Скажут: «Тропка чрез болото»,
Больше ничего не скажут.
А по правде в каждом слове
Здесь запрятан смысл глубокий.
Как прикинешь потолковей,
Сопоставив годы, сроки,
То почувствуешь такое,
Что и больно сердцу станет:
Время вспомнится былое,
Наше горе и страданья…
Семь веков, кажись, слетело,
Как листва в осенней доле,
С дней, когда война гремела
На полесском нашем поле.
Враг нежданный шел с востока,
Словно туча грозовая,
Враг безжалостный, жестокий
Шел, сжигая, разрушая.
Вел орду Каюк проклятый —
Пусть и память сгинет злая!
Слышно было, как у хаты
Шепчет мать, сынка пугая:
«Перестань ты хныкать, — скажет, —
К нам Каюк ведет обозы.
Он тебе сейчас покажет,
Острой саблей вытрет слезы!»
И младенец вмиг смолкает,
Не слыхать из люльки писка,
Словно он уж понимает,
Что несчастье бродит близко.
Ну так вот…
В тот год тяжелый
Хаты жег Каюк всеместно,
И о том, куда пошел он,
Становилось всем известно…
Чтоб спастись от разоренья,
Люди в город уходили
И туда на сохраненье
Всё везли и относили.

Облегла орда и Ту́ров,
Не щадя лесов и пашен,
Звон над областью понурой
Похоронно звякал с башен…
Бьются туровцы с ордою
Ежедневно, ежечасно,
Но беда идет с бедою:
Все кончаются припасы.
Собрались посовещаться:
— Нам подмогу кликать надо!
Только кто бы мог пробраться
Сквозь ордынскую осаду? —
И один нашелся парень.
Он шагнул вперед: — Ну что же,
Я пройду между врагами,
Небо Родины поможет! —
И прошел-таки ордою.
Возле Припяти трясины
Пересек (полз ночью темной),
А уж в пуще путь хоть длинный,
Все же издавна знакомый.
День прошел, другой сникает,
Сбился он с тропы на третий.
Топь кругом пошла такая,
Что недолго и до смерти,
Что недолго вовсе сгинуть
В эту зыбь, в трясины эти, —
Пропадешь здесь в миг единый,
Словно не был ты на свете.
И, промерзший, и голодный,
Весь дрожа, едва плетется,
Скоро ли с нуждой народной
До соседей доберется?..
Лес и топь. Болото снова.
Так и вязнешь по колени.
Вдруг — повален ствол еловый,
А под ним рога оленьи.
Он — туда. Олень в ловушке,
Елью он прижат густою.
«Ну, теперь, как на пирушке,
Быть мне с лакомой едою!»
Парень нож занес с угрозой,
Зверя в грудь пронзить готовый.
А олень глядит сквозь слезы,

Словно хочет молвить слово:
«Стой! Не надо, человече!
Я же в горе, я в неволе.
Ты убьешь иль изувечишь,
Я погибну в горькой доле.
Помоги мне, и тебе я
Вечно буду благодарен…»
Сердце сжалось, холодея,
И облился потом парень.
Наклонился он к оленю,
Гладит он рога и шею,
Пал пред зверем на колони,
Елку резать стал скорее…
Режет ствол, что силы стало,
Горячо взялся за дело,
Так, что дерево дрожало
И смола на нем кипела.
Так по щепочке, по малой,
Ствол рассек до половины, —
Видно, парню жалко стало,
Что погибнет зверь невинный.
А часы все проходили…
Но недаром он старался:
Разошлись концы в пропиле,
И на ноги зверь поднялся.
До земли рога склоняя,
Он благодарил за волю,
Тяжело еще вздыхая
И едва справляясь с болью.
С полчаса стоял, шатался,
А потом, уже не робко,
По трясине в путь подался
Этой самой зыбкой тропкой.
Смотрит парень: что за диво?
В топком илистом затоне
Зверь везде идет счастливо,
Как по гати, и не тонет.
Он во след за тем оленем
Без тревоги, без заботы,
Словно в сказке, во мгновенье
Сам пробрался чрез болото…
Весть принес, поднял тревогу,
Тотчас двинулись отряды,
И с пришедшею подмогой

Ту́ров вышел из осады.
А Каюк бежал за реку…
Добрым людям — вызволенье.
Слава, слава человеку,
Та же слава и оленю!
С той поры тропинку эту
Называют здесь «Оленьей» —
И пошла молва по свету
С поколеньем к поколенью.

……

Сам в войну я партизанил
Здесь с друзьями боевыми,
От эсэсовцев в тумане
Уходил здесь вместе с ними,
Вот на этом месте самом
И зашли в тупик фашисты:
«Может, этим партизанам
Помогает дух нечистый?»
Так вся вражеская сила,
Задержавшись над трясиной,
В удивленье говорила,
Видя след, зажатый тиной.

Не понять ей, силе вражьей,
Как нашли мы путь к спасенью,
Почему и нынче даже
Вспоминаем мы Оленя.

Само собой понятно, что все от души поблагодарили деда за добрый совет, за такой интересный рассказ.

— А что было б, если бы он убил оленя?

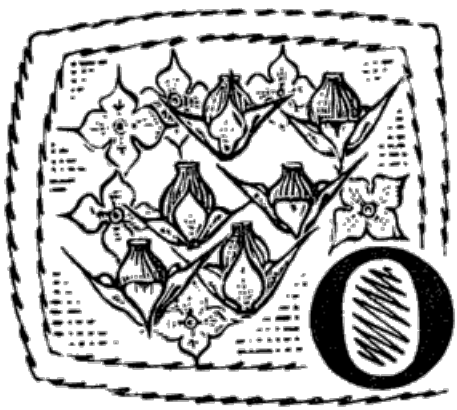
— Погиб бы и сам в болоте, так как не нашел бы нужной тропинки.

Как это занятно — первый поход завтра совершается по Оленьей тропе.

В усадьбе лесника «Тихая затока»

Вблизи сторожки лесниковой
Стоял красивою подковой
Высокий старый лес тенистый.
Тут верх осины круглолистой
Сплетался с соснами, дубами,
А елки хмурыми ветвями
Высоко в небе выделялись
И с хвойной зарослью шептались.

Якуб Колас



Оленьей тропой ребята шли осторожно. Иван Степанович строго-настрого предупредил не сходить ни на шаг с тропки. Впереди шел русицкий парень, не раз бывавший тут, а сзади шел Иван Степанович, чтоб присматривать за шустрыми и озорными ребятами.

Сначала они пытались шутить. Один взял жердочку и сунул ее в зеленый ковер, покрывавший трясину вдоль тропки. И что бы вы думали? Будто кто потянул из глубины эту жердочку: она только мелькнула и исчезла там. Шутник даже побледнел:

— Оказывается, дело серьезное! Так и пропадешь бесследно.

— А ты думал, что старик зря предупреждал нас об опасности? — ответил Иван Степанович.

Зато большой выигрыш во времени. Вокруг болота шли бы, наверно, часа три, а тут через полчаса достигли цели.

Перебрались через болото, вышли на суходол, прошли бором — это уже обычная тропка. Тут пред их глазами и открылась «Тихая затока». Назвали ее так потому, что она стояла почти на берегу старицы реки Уборть, которая действительно была тихой.

Гиляр, знавший на память чуть не всю «Новую землю» Якуба Коласа, начал читать описание лесниковой усадьбы.

Его друзья прямо ахнули: будто это та самая лесная избушка, которая так чудесно описана великим поэтом. Единственная разница была в том, что в поэме не было речи о радиоантенне, которая легонько качалась в вышине на двух высоких жердях, не было ни слова о мотоцикле и велосипедах, которые стояли под поветью около самой хаты. Остальное же все, как в поэме. Даже осина круглолистая была тут. А там, где «лес наступал и расступался, лужком зеленым разрывался», стояли зеленые лещиновые шатры.

Когда к хате подошло человек двадцать пять (кроме ботяновцев и Ивана Степановича, четверо русицких парнишек), там поднялся маленький переполох. Самого лесника Тимоха Сымоновича не было дома — он был в обходе. Дети — сын Стасик и дочка Галя — по грибы ушли. Дома была одна лесничиха — Таисия Васильевна. Был на цепи и хороший сторож — рослая собака. Правду говоря, он и наделал больше всего шуму — гавкал на весь лес.

Гости поздоровались с Таисией Васильевной:

День добрый, хозяюшка, вам,
А рады ли вы гостям?

Ничего ей больше не оставалось сделать, как ответить по старому обычаю:

Очень рады, на тропку смотрели,
Дорогих гостей ожидали.

Одновременно она внимательно, быстрым взглядом оглядела всех гостей. Заметив русицких парнишек, так как и сама она была родом из Русичей, спросила:

— Гости, наверно, издалека? Должно быть, притомились?

Этим самым она деликатно задала вопрос: «Откуда же вы взялись?»

За всех ответил Иван Степанович:

— Мы действительно дальние, из Пригоже-Городокского района, но не очень устали, так как ночевали в Русицкой школе, а сюда пришли Оленьей тропой.

— И не побоялись Оленьей тропой идти? Мы сами только днем ходим по ней, а в разводье и не думаем даже. Но что правда, то правда — самая короткая дорога…

Тем временем пришел и лесник. Узнав, по какому делу пришли школьники, он даже обрадовался:

— Неужели правда? Десять лет дурил голову своему начальству, чтоб оно взялось разводить водяные орехи в ближних озерах и старицах. «Отстань, говорят, твое дело лес стеречь от пожаров или другой опасности! А на орехи у нас плана нет». По их мнению, это большой грех, если что хорошее сверх плана сделается.

— Наверно, большой план у них, так боятся лишние обязательства на себя взять, — предположил Иван Степанович.

— Знаю я хорошо их планы. Знаю, что надо, а чего не надо делать. Я тоже план имею. Мои дети, например, никакого плана не имеют. А я не побоялся с дочкой и сыном — вы их скоро увидите, они на боровики напали — набрать орехов и посадить их в старице, где их никогда не было. Я вас туда и поведу, там должны быть очень хорошие орехи. Но вам придется подождать дня два, так как они еще для посадки не созрели. Есть же их, безусловно, можно и теперь.

Иван Степанович и все гости удивились.

— А почему вы думаете, что они созреют именно через два дня?

— У меня свои приметы. Орехи хорошо созревают тогда, когда на осине лист краснеет. А вы посмотрите: он теперь желтый и только кое-где покраснел. Я так полагаю, что через несколько дней все листья покраснеют…

Услышав эти слова, Иван Степанович рассмеялся. А лесник обиделся:

— Конечно, вам, ученым людям, смешно. Вы думаете: «Что он знает, этот лесник?» Я может, действительно меньше знаю, чем кто другой. Но я знаю и то, чего ученые люди не знают. У меня времени хватает. Я наблюдаю за птицами, за зверьками, за травами разными. А у них, у каждой, свой календарь, своя пора.

— Простите, Тимох Сымонович, — извинился Иван Степанович. — Я засмеялся совсем по иной причине. Я не стал бы рассказывать вам о ней, но чтобы между нами не было никаких недоразумений, обязательно расскажу.

Во время этого разговора подошли и лесниковы дети с полными корзинками боровиков. Они даже немного смутились, так как на них была плохая одежда. Поставив корзинки, они быстро переоделись, вышли снова во двор и начали прислушиваться к разговору отца с незнакомым человеком, в котором они безошибочно узнали учителя.

— Близ берегов Северной Америки есть огромный-огромный остров — Гренландия. Большая часть его покрыта вековыми

льдами, а на остальной живут эскимосы и приезжие колонисты — датчане. У одного из них, пастора, были козы, а сена около усадьбы не было. Договорился он с эскимосами, что они на своих челнах поплывут на другую сторону фиорда — так зовут морские заливы с очень крутыми скалистыми берегами, — накосят там травы, высушат ее и привезут ему готовое сено. Поехали. Проходит неделя, вторая, третья… В это время прошли страшные грозы. А людей с сеном нет и нет. Все решили, что они утонули. Пастор отслужил панихиду, родня поплакала, соседи посочувствовали, на том дело и кончилось. А в конце третьей недели подплывают к поселку лодки, почти до самого неба нагруженные сеном. Явились «покойнички». Все были крайне удивлены: «Не на тот ли свет вы плавали сено косить? По вас уже и панихиду справили, свечки поставили», — «Э, говорят, дело очень простое. Мы добрались хорошо. Посмотрели — трава еще маленькая. Так мы сидели и ждали, пока она подрастет. Тогда уж накосили, насушили — и домой».

Теперь уже не удержался от смеха и сам лесник. Про молодежь и говорить нечего. А Галя Сидоренкова зарисовку сделала: эскимосы сидят около травы и ждут, пока она вырастет. Правда, эскимосы внешне были очень похожи на ботяновских юных натуралистов.

Тимох Сымонович не преминул заметить:

— Теперь я понимаю: вы боитесь, чтоб по вас в Русичах не начали панихиду справлять. У нас и попов нет.

Таисия Васильевна не поддержала его шутку.

— Ты, Тимох, не очень-то смейся. Они шли сюда Оленьей тропой. Обещали быть вечером в Русичах. Если они не придут, так там могут подумать, что какое-нибудь несчастье случилось. Еще, чего доброго, ночью станут разыскивать их.

— Это другое дело! И думать долго нечего: пускай русицкие хлопцы пойдут домой и расскажут, почему и как задержались остальные.

Хлопцы сразу поднялись.

Иван Степанович задержал их:

— Подождите, ребята! Что же вы своему директору скажете?

— А то, что вы рассказывали, — ответил самый озорной. — Пришли в «Тихую затоку» сено косить, а там трава еще мала. Вот и остались ждать, пока она подрастет.

И рассмешил всех таким ответом.

— Нет, ребята, шутки шутками, а дело делом.

— Не беспокойтесь, Иван Степанович, — ответил тогда тот же парнишка серьезно. — Мы скажем так, как оно есть.

Попрощались и ушли.

— Так-то оно так, — спохватился Иван Степанович, — но где же вы нас, дорогие хозяева, устроите, где мы спать будем?

— Вот уж за это не беспокойтесь, — заметила Таисия Васильевна. — Девчата переночуют в хате, а хлопцы — на сеновале. Только признавайтесь, — обратилась она к мальчикам, — курит кто из вас или нет?

— Нет, Таисия Васильевна, — ответил за всех Иван Степанович, — никто из нас такими глупостями не занимается.

— Очень хорошо! На сене вам будет удобно. Лучше, чем в хате. К тому же и ночи еще теплые.

— Хлеб у нас с собою есть, — продолжал Иван Степанович.

— Да что вы об этом говорите, — перебил его хозяин. — Сейчас мой Стасик пойдет с вами, ребята наберут водяных орехов — вот вам и хлеб. Кстати сказать, и попробуете. Не понравятся, так и собирать на посадку не будете. А я возьму двух ваших хлопцев и проверю свои снасти — будет еще и рыба.

Ботяновцы даже в пляс пустились. Подумать только! Сегодня будут есть водяные орехи!

— Скажите, дядя Тимох, — спросил Адам, — не приходилось ли вам слышать, чтоб люди употребляли корни стрелолиста, рогоза, камыша для питания?

— Мы сами во время войны жизнь свою спасали этими растениями. А теперь сушим, мелем и скотине даем.

— Так у вас есть готовая мука из рогоза? — спросил Иван Степанович. — А не испекла бы нам Таисия Васильевна лепешек из рогозовой муки?

— Что вы, друзья! Разве мы нелюди, чтобы гостей в такое доброе время рогозом кормить!

— Нет, тетя Тася, — подала голос Зося, — нам обязательно надо попробовать рогоза. Обязательно! И не беспокойтесь, мы сообща наберем и насушим его больше, чем возьмем у вас.

Таисия Васильевна вопросительно посмотрела на мужа.

— Слышишь, Тася, они приехали к нам неспроста. Орехи будут сажать. Пускай и рогоза попробуют.

Девочки охотно поддержали Ивана Степановича.

— Тетя Тася! Мы сами замесим, даже испечем, вы только руководите.

— Хорошо, — согласилась хозяйка. — Раз это действительно надо и интересно, пожалуйста! Лишь бы потом нас не осудили, не сказали, что в «Тихой затоке» куска хлеба добрым людям пожалели.

Тут же все разделились на три партии: кто за орехами, кто на рыбалку, а кто помогать хозяйке у печи. В последней остались девочки.

Но Таисия Васильевна, женщина чуткая и умная, понимала, что девочкам тоже хочется посмотреть водяные орехи. Они же специально за этим приехали. И она посоветовала:

— Вы, девчата, идите вместе с хлопцами. Побудете там немного, посмóтрите. Это у вас займет около часа. А потом и приходите ко мне, начнем хозяйничать.

Это предложение понравилось девочкам, и они пустились вдогонку за сверстниками.

— Совсем еще дети, — улыбнулась им вслед Таисия Васильевна. — Недавно, кажись, я сама была такою…

Пришли к затоке. Деревья и кусты росли тут будто специально посаженные опытным садовником.

Как богатыри стояли дубы. Ниже росли ели, березы, осины. Изредка попадалась рябина. Третий пояс составляли ольха, верба, бересклет. А четвертый, вдоль берега, — верболозы, плакучая ива. Отдельными купками — ежевика, крушина, смородина. Все это перевито-переплетено диким хмелем, разными вьющимися растениями. И травы разные: валерьяна, цикута, зверобой, а за ними, прямо в воде, — тростник, аир, рогоз. Кое-где между деревьев краснела калина, свисали крупные гроздья черемухи. На воде как зеленые скатерти разостланы, а на них словно вышиты крупные цветы: белые лилии, желтые кувшинки, мелкие беленькие цветочки роголистника. Да разве это все? Это только тысячная часть всего того, что там буйно росло и красовалось. А еще дальше, за аиром, росло что-то незнакомое для ботяновцев: листья были очень похожи на березовые, а цвет — от темно-зеленого до пурпурного.

— Вот, ребята, где настоящий ботанический сад! — воскликнул Адам. — Даже дух захватывает! Какой воздух! Не скажешь, что болото близко.

— Что правда, то правда, — поддержал его Иван Степанович. — Искусственно такой коллекции не создашь.

— А что там похожее на березовые листья на воде плавает? — спросил Гиляр у Стася.

— А это и есть водяные орехи.

— Ой, братцы! — закричала Зося. — Только посмотрите!

— Как специально нарисовано, — присоединилась к ней Галя Сидоренкова. — Обратите внимание, какие цвета! Сотни оттенков — от темно-зеленого до темно-пурпурового. Даже розовые кое-где сверкают.

Действительно, прелесть необыкновенная.

— Интересно узнать, чем это объясняется, что в одной и той же старице, в одинаковой воде водоросли имеют разные цвета? У белых лилий и желтых кувшинок — темно-зеленый; у аира —

ярко-зеленый; а у водяных орехов — почти красный.

— Тут должны помочь наши химики, Галя. Пускай Зося запишет об этом в дневник. Вернувшись домой, мы попросим членов химического кружка сделать нужные анализы.

А пока сделают анализы, мы хоть приблизительно ответим на вопрос.

Причин может быть две. Первая — наличие дубильных веществ. Наши ученые в специальной научной работе доказывали, что листья на деревьях, кустах и травах краснеют тогда, когда они имеют в себе много танидов, дубильных веществ. Исключением, по их мнению, является дуб. Как известно, дуб имеет очень много дубильных веществ, и в то же время его листья только желтеют, но никогда не краснеют.

Вторая причина — наличие в воде марганца. Некоторые ученые относят водяной орех к так называемой марганцевой флоре и утверждают, что если в воде количество марганца уменьшается или вовсе исчезает, то водяные орехи перестают расти в тех водоемах.

Так или не так, но на всякий случай, собираясь разводить водяные орехи, наш химический кружок проанализировал воду в ботяновском озере, и выявилось, что в этой воде марганца 0,00001 процента. Иначе говоря, на каждый литр озерной воды приходится одна десятая миллиграмма, или на ведро воды один миллиграмм. Несмотря на такую мизерную дозу, этого вполне достаточно для того, чтоб водяные орехи росли хорошо, если действительно марганец им необходим.

После такого объяснения участники заинтересовались другим:

— Так, значит, водяной орех является и растением-рудознатцем? Где он хорошо растет, там без анализа воды можно узнать, что в ней есть какой-то процент марганца?

— Возможно, и так.

— Попробуй скажи: «Зачем нам химия?» Без химии, значит, шагу нельзя ступить.

— А какие еще рудознатцы-растения растут у нас в Белоруссии?

— Ответить не так просто, как вы думаете. У нас, в Советском Союзе, этим вопросом занимаются известные ученые. Я могу дать вам только краткую информацию, и то попозже. Теперь нам надо ознакомиться с водяными орехами непосредственно, подержать их в руках.

— Иван Степанович! Нам все же интересно поскорее, сейчас узнать об этом. Каждое растение имеет в себе минимальные дозы каких-то металлов. Например, бобовые растения и некоторые

сорта овощей имеют кобальт, крапива — железо, и так далее. А являются ли они в то же время рудознатцами, с помощью которых можно искать месторождения этих металлов?

— Конечно, нет. Возьмем наши зерновые культуры. Если они не вберут в себя необходимые минимальные запасы меди, они полегают, можно сказать, гибнут. Приходится искусственно вместе с удобрением вносить в почву такие запасы. Но они никогда не сигнализируют о больших запасах меди, если бы она и была в почве. Вот полевой хвощ уже не таков. Он пускает свои корни до двух метров в глубину и иногда вбирает в себя столько золота, что бывает даже целесообразным добывать из него золото. Чистыми рудознатцами являются такие растения, какие пышно растут только на почвах, в которых есть их излюбленные металлы или минералы. В Австралии, например, начинают искать золото в тех местах, где хорошо растет жимолость…

— Стасик, — попросила Зося, — пожалуйста, достань одно растение целиком, с корнями, с орехами.

Стась влез в лодку, стал на корму и осторожно, взяв легкое весло, подцепил им растение под самый корень. Вскоре оно было на берегу. Его разложили на песке, измерили — два метра без малого. Рассмотрели со всех сторон.

— Не понимаю только одного, — удивился Адам. — Над самыми листьями, это значит в воде, ровно одиннадцать орехов. Они весят самое маленькое граммов двадцать — двадцать пять. Такой вес может потянуть на дно листовую розетку. А между тем она не тонет. Что же ее держит, не дает затонуть?

— Воздух, ответил Иван Степанович. — Природа позаботилась и об этом. Посмотрите более внимательно на листья, точнее говоря, на черенки листьев. Что вы видите? Они будто припухлые. Вот в этих самых припухлинах и находится воздух, который держит листья и орехи, не дает им затонуть. Фактически листовые черенки во время поспевания орехов превращаются в поплавки. На этих поплавках гроздья орехов плавают спокойно.

— Как интересно! Как целесообразно! Можно подумать, что кто-то специально придумал такие поплавки.

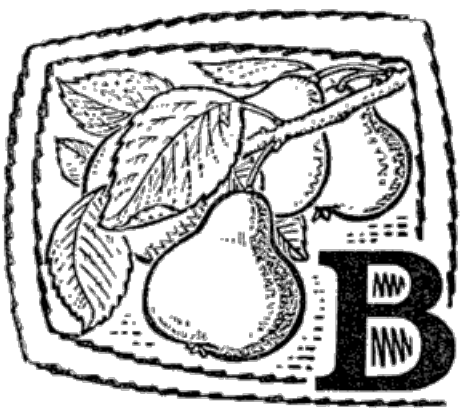
— Девочки, — перебила разговор Галя, — мы всё с вами увидали. Пойдемте быстрее помогать тете Тасе. Наши работнички скоро есть попросят.

Девочки побежали к Лесниковой хате, а мальчики принялись за орехи.

Не обед, а барский ужин

Дворец мой, как ты видишь, небогатый,
Но сам его на славу я сложил,
Сам эти стены вывел я когда-то,
А крышу сам соломою покрыл.
Атласом не обшиты эти стены,
И пол турецким не покрыт ковром,
Который бы сверкал своим бесценным,
Как пламя полыхающим шитьем.

Янка Купала



В лесниковой хате дым столбом. Галя Сидоренкова и Зося в два решета просеивали муку, смолотую из рогозовых корневищ.

Девочки чистили картошку, а хозяйка растопила печь, нагрела два больших котла воды и поручила дочерям Гале и Наде хорошенько вычистить их во дворе. Еще бы! На такую семью никакой кастрюли не хватит.

Вдруг в хате услышали крик.

— Ой! Что же это такое? — кричали Галя и Надя.

Сразу неистово залаяла собака.

Таисия Васильевна опрометью выбежала во двор, а за ней и все остальные.

И видят: идет Тимох Сымонович, согнувшись, и волочит, перекинув через плечо, огромного сома. Мальчики тащат по корзине рыбы.

— А миленькие, а родненькие! — всполошилась Таисия

Васильевна. — Что ж это за чудо такое?

— Чудо чудом, а нам нужен безмен. Надо обязательно взвесить. Я таких сомов за свою жизнь не видывал! Наверно, с Припяти, а может, из Черного моря пришел приветствовать наших гостей. Если б не хлопцы, так уволок бы меня на дно, чего доброго.

Галя принесла безмен. Через жабры протянули кусок веревки, подцепили безмен, а через держак безмена — железный прут и, подняв на столбы у ворот, начали взвешивать.

— Тридцать восемь килограммов, только и всего. А мне казалось, что целый центнер волоку, так тяжело было.

— Несподручно, потому и тяжело, — догадалась Зося. — Так это настоящий сом?

— Сом, дочушка, самый сом и есть. Посмотри, какие у него усы! А голова! Как твой котел, Тася.

Сом едва не касался хвостом земли. Зося стала рядом с ним, подняла руку над головой и тогда только сравнялась с этой рыбиной.

Подошли ребята с орехами и даже рты пораскрыли, увидев в воротах такое чудо.

Еще больше удивились они, услышав про вес. Но разглядывать некогда, надо готовить обед. Рыбу в корзинах поставили в ледник, а сома начали разбирать, мыть, положив его на две доски. Вполне понятно, что никакого разговора о том, чтоб жарить его, не было.

Когда Таисия Васильевна, потроша сома, вынула его желудок, она от неожиданности вскрикнула:

— Тимох, Тимох! Глянь! Какая-то железяка…

— Осторожно, Тася! Может, еще с войны гранату какую в себе носит.

— Тебе все шуточки. А все же, дети, отойдите подальше! Мало ли что может быть…

Иван Степанович тоже попросил ребят отойти на всякий случай.

Таисия Васильевна взяла сомовьи потроха и положила их в корыто, куда вылили ведра два воды.

Кроме всего, что обычно бывает в большой рыбине — заглотанные маленькие рыбки, водоросли и тому подобное, — действительно оказалась какая-то железяка.

Когда ее осторожно промыли, очистили от водяной накипи, от пленок, то оказалось, что это самодельный алюминиевый портсигар.

Открыть его было не так просто. Мало того что мастер, который делал его, искусно и точно подогнал, зашлифовал все

рубчики, — пролежав столько времени в воде да еще неизвестно сколько времени в желудке сома, портсигар вдобавок заклек, будто припаялся.

Но кто же тому поверит, чтоб такие мастера да не добились своего! За дело взялись Стасик и Гиляр.

Прошло много времени, пока Стасик воскликнул:

— Братцы! Какие-то бумаги!

Все кинулись к хлопцам и к портсигару.

— Какие бумаги? Что в них? — слышалось со всех сторон…

Какие? Об этом мы расскажем в отдельной главе — они требуют к себе особого внимания, как вы сами в том убедитесь.

Сома разрубили топором на части и начали варить. Девочки под наблюдением Таисии Васильевны напекли лепешек из рогозовой муки. Сварили чугун орехов.

Наконец хозяева пригласили гостей в хату за стол.

— Дорогие гости, прошу в наш дворец! Дворец наш не богат, но мы его сами после войны строили, с Таисией вдвоем. Наверно, потому он для нас и мил. В нем и детей растили…

Правду говоря, есть захотели все — и хозяева и гости. Сомовья уха пошла хорошо. Может, прибавили вкусу и рогозовые лепешки. Во всяком случае, хвалили и то и другое. Ели из больших общих мисок, так как тарелок на такую компанию не хватило б, а в несколько смен есть — это не дело.

Для второго блюда — сома — тарелок было с избытком: чистые капустные листы. Все в один голос признали: «Вкусно! Как поросятина!»

Когда же на стол поставили орехи, так их ели исключительно гости, чтоб окончательно убедиться, что водяной орех стоит большого внимания. Бóльшую часть приготовленных орехов оставили на ужин. Правда, до ужина времени оставалось немного — часа три, но все ботяновцы пошли вместе с лесником в пущу, чтоб посмотреть, какая она, так как они видели ее издали, с краю. Тимох Сымонович перекинул через плечо двустволку, подпоясался патронташем.

— На всякий случай, пояснил он гостям. — Нам без ружья ходить нельзя. Мало ли что может случиться, все равно как с сомом…

Насмотрелись они многого. Некоторые деревья, которые в Ботяновичах росли только при усадьбах, в палисадниках, тут росли как обычные лесные. Взять хоть бы тот же самый граб. Было немало диких яблонь и груш. Кто-то вспомнил, что на Кавказе, особенно в Грузии, садовники ходят по лесам и прививают к диким яблоням и грушам культурные черенки. Таким образом, их леса наполовину станут садами.

— Я об этом не слышал, — признался Тимох Сымонович, — но своим умом дошел до того же самого. Свернем немного в сторону, я вам покажу привитые мною яблони.

Пошли тропкой на более высокое место, чем то, по которому они все время шли. Вышли на поляну и ахнули…

Среди поляны стояло не меньше десятка яблонь и груш, суки гнулись до земли от крупных, красивых плодов.

— Угощайтесь, братцы! Интересно, как на ваш вкус покажется…

Попробовали. Ничего не скажешь, первый сорт!

— Вот видите! А всего и хлопот было — только привить. Правда, приходим со Стасем, перекапываем землю вокруг, а то травой сильно зарастает.

Иван Степанович был явно восхищен:

— Это же не только для себя, но и для людей?

— А как же! У нас все знают: яблоки есть можно, но деревья портить нельзя, за это я не прощу.

Отсюда они спустились еще ниже и подошли к лощине, через которую шумел ручей. Гиляр сразу, разогнавшись, перескочил на другую сторону. А там стоял огромный и высокий пень. Неизвестно, сколько лет было тому дереву, от которого теперь остался пень. Гиляр решил пошутить. Он вскочил на пень, поднял вверх правую руку и торжественно начал:

— Дорогие товарищи! Собрание юных натуралистов в полесской пуще объявляю открытым!

И тут произошло такое, что в первые минуты даже Тимох Сымонович растерялся, как он потом искренне признался.

Послышался треск, визг, над пнем поднялась целая туча пыли, а в ней исчез наш Гиляр.

Девочки подняли крик. Тимох Сымонович схватил в руки винтовку и вогнал в ствол патроны. Но визг не прекращался. Туча немного уменьшилась, но Гиляра все еще не было видно.

Куда он исчез?..

Вдруг, как из-под земли, а фактически действительно из-под земли, выскочило что-то рябое и бросилось в сторону… Тимох Сымонович ударил из обоих стволов. То «нечто» завизжало и скатилось под бугорок. Учитель и лесник бросились через ручей. Хлопцы — за ними. И тут же из-под земли вылезает… наш Гиляр. Это было такое диво: черный, грязный, будто в какой-то золе. Убедившись, что Гиляр жив, Тимох Сымонович побежал за пригорок. И что же он там увидел? В кого стрелял? Барсук! Огромный рябой барсук и жирный, как кабан рождественский. Лесник даже засмеялся:

— Ну и денек мне сегодня выпал! Не успел с сомом

рассчитаться — на́ тебе, на барсука напал! Кто-то из вас, дорогие гости, такой счастливый, такую удачу принес. Теперь у нас мяса и сала на целую декаду. С таким запасом не то что из рогозовых корневищ оладьи можно печь, но даже из самого рогоза…

Теперь-то смешно, а что было несколько минут назад?

Барсука подтащили к пню и начали делать полный разбор всему происшествию: что, как, откуда и почему.

Что же получилось? Пень стоял, может, сто лет. Весь он струхлявел. Мощные корни его в земле истлели. Барсук же — он ведь с ленцой — посмотрел, что легко поддается, и сделал себе жилище в норе, на месте бывшего большого корня. А когда Гиляр сильно топнул ногой и пробил корку, так сразу и провалился в трухлятину. Она и поднялась тучей над пнем. Барсук же спокойно отдыхал после ночных путешествий. Когда на него свалился некий Гиляр (для барсука же он, конечно, некий!), барсук прямо ошалел от неожиданности и страха. Вот тогда он и начал визжать, пока выбрался наружу…

Смеху было столько, что даже дубы стали шуметь, будто стараясь унять расшалившуюся молодежь.

Галя, не теряя времени, пока Гиляр не умылся в ручье, так его и нарисовала в своей тетради.

— Когда мы будем рассказывать об этом событии в Ботяновичах, — сказала она, — нам никто не поверит. Тогда я и покажу свой рисунок.

А Иван Степанович, немного придя в себя, сфотографировал всю компанию возле убитого барсука. Сфотографировал барсука и отдельно. Теперь началось обсуждение: что делать с барсуком? Свежевать его на месте или нести к хате? Большинством решили: нести домой. Связали ему лапы, просунули под них жердь, взялись по трое с каждого конца и понесли. И эту картину сфотографировал Иван Степанович.

Таисия Васильевна смутилась:

— Только подумать! Хоть бы сон какой сегодня приснился, а то, как на грех, ничего не видела похожего…

Дома Тимох Сымонович управился с барсуком быстро. Снял шкуру, вынул жир в лохань, разрубил окорока, отделил мяса для ужина.

— Можно и почаще в такие гости ездить, — пошутила Галя.

— Если б каждый раз так везло, — в тон ей добавил Адам.

— А мы будем всегда Гиляра с собой брать, дело надежное, — добавил Иван Степанович.

А Гиляру было не до шуток. До сих пор он не мог успокоиться.

— Напугался, Гилярка? — пожалела его Зося.

— Пока проваливался, как мне казалось, в бездну, еще не так. Но когда подо мной барсук заверещал, напугался очень сильно. Я даже представить себе не мог, что со мной, куда я попал. А тут еще и рот, и уши, и глаза этой гнилью позасыпало. Теперь близко к тем пням подходить не буду, — признался он под конец.

Чтоб немного перебить настроение, развеселиться, девчата запели песню:

У нядзельку раненька
Сіне мора калыхалася.
У нядзельку раненька
Сонейка ды купалася…

Пропели одну, пропели вторую, и только когда завели третью:

Ой, не шумі ты, гаю,
Не задавай мне жалю.
Ой, не шуміце, лугі,
Не задавайте тугі, —

Гиляр улыбнулся и так стал подпевать (а у него голос неплохой), что и Таисия Васильевна отозвалась из хаты:

Я сама тугу знаю,
Сама жаль разважаю…

Эта сердечная женщина любила, чтоб все вокруг были веселы, счастливы. А тут действительно: такой хороший парень и так напугался.

И она, незаметно для других, будто по делу, раза три обошла его со сковородкой в руках, на которой лежали горячие угли и было насыпано немного ржаной муки: обкурить надумала от испуга.

Она верила, что именно это и помогло, так как Гиляр совсем оправился и даже начал песни петь…

Если обед у наших друзей был, как старые люди когда-то говорили, словно барский ужин, так что сказать про ужин в лесничестве в тот день, неизвестно. Во всяком случае, барсук был поставлен на стол хоть не целиком (без головы и окороков), но в очень пристойном количестве. Осталось от него куда меньше половины. А тут еще и орехи доедали, закусывали ими. Хозяйка

несколько раз подходила к Гиляру и угощала его:

— Ешь, Гилярка! Это самое лучшее лекарство от испуга. Если б не ты, то и барсука не попробовали бы.

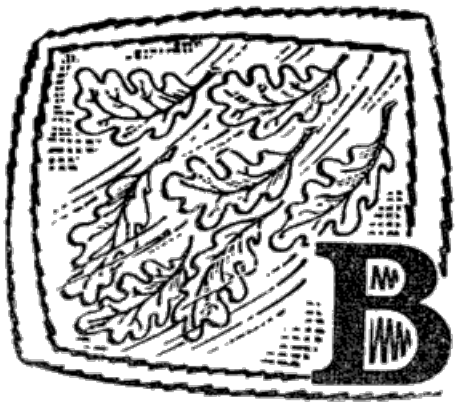
Так кончился первый день в лесничевке.

Мальчишки, хозяин и Иван Степанович пошли на сеновал. Улеглись и все остальные в хате.

Что же было в тех бумагах?

Не зовите безымянными
Павших за свободу,
Если над могилами
Памятника нет!

Максим Танк



Во время Великой Отечественной войны в этой пуще стоял партизанский отряд. Место тут было удобное, но не совсем. Пуща имеет форму почти правильного четырехугольника. С двух сторон такие болота, которые может пройти только необыкновенно ловкий человек, да и то с риском для жизни. С третьей стороны было тоже болото, то самое, через которое шли наши юные натуралисты из Русич к «Тихой затоке». Через него можно пройти только Оленьей тропой.

С четвертой стороны природного рубежа заслона не было. Тут были самые обыкновенные стежки-дорожки, какими партизаны выходили громить ненавистных врагов. Отсюда доставлялись питание и боевые припасы, а также поддерживалась связь с соседними отрядами.

«Тихая затока» была как бы воротами в эту пущу. Около нее на небольшом возвышении, под сенью вековых дубов, была вырыта землянка, хорошо замаскированная кустарником и зеленью.

Немного поодаль была вторая, замаскированная еще лучше, — склад боеприпасов, взрывчатых материалов, а иногда и оружия. До землянки все это подвозилось, а дальше переправляли люди.

Враг старательно и терпеливо собирал сведения про этот

район. Не знал только он про Оленью тропу.

Был составлен план карательной экспедиции.

«Это же проще простого, — рассуждали каратели. — Подходим. Ставим мощный заслон по всей линии четвертой стороны, чтоб никто не удрал. А два отряда прорываются в четырехугольник и на всякий случай закрывают выходы на болото. А потом…»

Потом они намеревались схватить партизан живыми, чтоб излить на них свою лютую злость, да и получить — это значит выбить — как можно больше сведений.

План был продуман, проверен и утвержден большим знатоком подобных дел — немецким генералом.

Но…

Враги в этих планах не предусмотрели одной «мелочи» — партизанского мужества и самоотверженности.

Что правда, то правда — на этот раз враг разработал и подготовил операцию так, что партизаны ничего не знали о ней.

В партизанском штабе предполагали, что рано или поздно, а враг вынужден будет что-то против них предпринять, так как партизаны тревожили его беспрестанно.

В назначенное время, на рассвете, каратели по всем направлениям двинулись к пуще, к «Тихой затоке».

Все благоприятствовало им. Накануне партизаны проводили боевую операцию, устали и ослабили бдительность.

Тогдашний лесник, русицкий житель, официально в партизанах не был, хоть сочувствовал им и помогал, как только мог. Именно в ту ночь он ночевал в Русичах, в семье. Встал рано, направился в лесную усадьбу.

Он первый и заметил необычное движение на дорогах в направлении пущи. Не надо было быть большим знатоком военного дела, чтоб догадаться, к чему все это.

Лесник побежал в усадьбу и поджег здание. Это тем более легко было сделать, что крыша на нем была соломенная.

В землянке спали пятеро партизан, а шестой сидел в дозоре. Дозорный, заметив зарево пожара и увидев лесника, бежавшего к землянке, сразу почувствовал что-то недоброе.

Он быстро поднял на ноги своих товарищей. Сразу встал вопрос: как сообщить в штаб о такой опасности. Хлопцы спросонья немного растерялись.

«А во второй землянке у вас что-нибудь есть?» — спросил лесник.

«Есть! И много».

«Взорвите. Все равно пропащее дело. Как услышат взрыв, сразу догадаются».

Мгновение — и начались взрывы, намного мощнее, чем пушечные выстрелы. И хата лесника уже горела вовсю.

У партизан в землянке был пулемет, автоматы и гранаты.

Отблески пожара, как прожекторы, освещали подступы к затоке, к землянкам. Враги поняли, что их заметили; это их разъярило, и они ринулись в атаку.

Тут их встретил партизанский пулемет. Каратели падали один за одним. Наступление немцев захлебнулось.

Когда все же некоторые каратели прорывались, их глушили гранатами и добивали из автоматов.

Пока немцы стремились продвинуться вперед, партизаны в пуще услышали и взрывы и стрельбу. Увидели они и зарево пожара.

Сразу же все быстро и организованно направились к Оленьей тропе. Взяли с собой оружие, боевые припасы, больных и раненых. Знакомой тропой вышли в соседнюю пущу. Последним было поручено снимать все вешки и уносить с собой, чтоб не осталось никакого следа.

А что же творилось у затоки? Немцы подтянули минометы и огнеметы. В бешеной злобе они залили огнем весь берег «Тихой затоки»…

— Вот она какая… тихая! — вырвалось у одного из юных слушателей, когда Тимох Сымонович рассказывал о том событии.

— Ее надо назвать «Партизанской затокой», — добавила Зося.

Это все, что по крохам удалось собрать о том событии. Больше ничего не было известно про отважных партизан. Думали по-разному: может, их убили на месте; может, схватили и замучили.

И вот теперь с огромным волнением слушают все предсмертное письмо героев-партизан:

> *Братья родные!*
>
> *Что можем, делаем. Лесник Сымон поджег свою хату, предупредил нас. Мы взорвали все боеприпасы, так как не было никакой другой возможности дать вам знать. Бьем фашистов как можем, но нас всего семеро, а их — нет числа. Патроны кончаются. Остается мало и гранат. Последние — для нас самих.*
>
> *Простите, если что не так сделали.*

И все поставили свои имена, без фамилий, так как в этот прощальный час боялись выдать свои семьи, если записка попадет в руки врага. Они, наверно, бросили портсигар к затоке, в кусты, а его весенним разводьем занесло в протоку или, может быть, она туда попала сразу — кто теперь точно может сказать об этом. А

сом — он, может, вчера или позавчера только проглотил его.

Что же с этой запиской прибавилось нового? То, что лесник помог спасти весь партизанский отряд от гибели.

Значит, они в той землянке и похоронены. Там их могила…

Так закончил свой рассказ Тимох Сымонович, такой вывод напрашивался сам собой после прочтения записки.

— Дядя Тимох! А вы знаете, где стояла та землянка?

— Кто же этого из наших людей не знает.

— Покажите нам, дядя Тимох!

— Пойдемте, дети. Я сам теперь буду иначе смотреть на то место…

Пришли.

Там, где стояла когда-то сторожевая землянка, снарядами наворочало целый пригорок. На нем зеленела трава, цвели осенние цветы, желтые, золотистые, красовался чебрец, разрослись кусты шиповника.

А в изголовье стоял могучий, искалеченный дуб: повреждены, оторваны большие сучья, вырваны куски древесины, пробит пулями и осколками. Но дуб залечил свои раны и шумел-говорил со всей пущей.

Сходили хлопцы за топором, принесли лопаты. Вытесали хорошую пирамидку, вкопали ее, а на ней написали имена героев и эпитафию — надмогильную надпись, которую сложили все сообща:

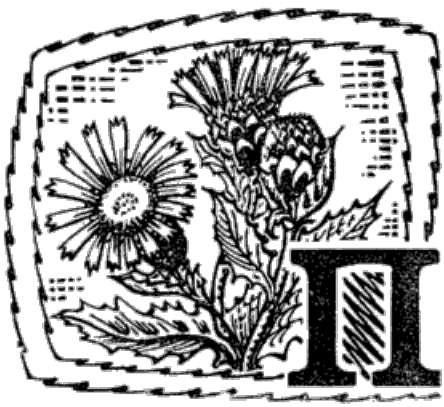
С оружием лежат в земле сырой
Сыны вольнолюбивого народа.
Отсюда шли они в последний бой
За честь его, за славу, за свободу.
Пусть память о бессмертных их делах
Живет всегда во всех живых сердцах!

Дубы шумели, гомонили, роняли свои золотые листья на памятник, на могилу.

О том, как дуб судьей был

Мой край лесной, он был лесным и будет
Всегда овеян славою лесной,
Ни песня, ни легенда не забудет
Лесов твоих, край так любимый мной.

Олег Лойка



После обеда все пошли с Тимохом Сымоновичем в пущу. Ружье он взял опять, но теперь никто не спрашивал: «А зачем оно вам?» Наоборот, Зося перед самым выходом напомнила леснику:

— А ружье, дядя Тимох, вы не забудете взять?

Тимох Сымонович сказал:

— Возьму, возьму! Обязательно! — и усмехнулся.

Они снова увидели столько своеобразных деревьев, растений.

Некоторые привлекали даже необычной формой, своей особенной красотой. В одном месте видели и сфотографировали сосну и березку, которые росли будто из одного корня, словно обнявшись.

Но вот пролетел ворон и громко закаркал.

— Не люблю я эту птицу, — сказала Надейка. — Какая-то мрачная, как осенняя ночь, да и голос какой-то зловещий.

— По правде говоря, я и сам ее недолюбливаю, — ответил Тимох Сымонович. — Но если хорошо подумать, надо сказать, что ворон очень полезен. Это санитар. Ворон убирает все неживое. Не успеет какой зверь умереть, а ворон сразу прилетает на высокий дуб и начинает каркать. На зов слетаются его дружки со всех сторон. Пройдет еще немного времени, и одни косточки остаются

около кустов. А что было б, если бы вороны этим не занимались. Мы с вами в пущу не зашли бы — сплошной смрад был бы в ней. И воро́ны хорошо помогают им в этом деле.

— Слышите, как толково объяснил вам Тимох Сымонович лесные порядки? Подумайте, кто занимался б таким делом в пуще, если бы не было воронов?

— Воро́ны, — по готовому следу сказала Надейка.

— Так-то оно так, но все же вороны больше любят около селений гнездоваться. Воро́ны тоже неплохие санитары — оздоровители местности.

— Ой, Иван Степанович! Они ж цыплят хватают. — Это Зося так пробовала охаивать ворон.

— Кот тоже нужен в хозяйстве, без него мыши уши отгрызли бы. А ежели хозяйка зазевается, так тот же кот и салом не побрезгует. От сметанки тоже не откажется. Следи да следи за ним.

— Говорят, что во́роны живут триста лет, даже больше, — заметил кто-то из хлопцев.

— Не знаю, но люди так говорят, — сказал лесник. — Даже есть одна интересная сказка об этом. Нам все равно надо отдохнуть немного, я и расскажу вам ее. Так слушайте, как мне старые люди рассказывали:

Заяц, Мишка и Лисица
Жили с Вороном не дружно
И никак договориться
Не могли о том, что нужно.

Началось с вопроса: кто же
Всех мудрее, всех старее?
Так и лезут вон из кожи,
Сил в раздорах не жалея.

А когда уразумели,
Что до правды не добраться,
Стали думать: «В этом деле
С кем бы им посовещаться»?

— Больше всех я уважаю
Дуб столетний, Дуб прекрасный.
Я ответ его узна́ю,
Если вы на то согласны.

Так Медведь сказал, вставая,

Возражать никто не вздумал,
И, минуты не теряя,
Поспешили прямо к Дубу.

Дуб их выслушал,
С приветом
Наклонил густые ветви
И сказал им всем при этом:
— Правду все должны ответить!

Только правду! —
Молвил строго. —
Лишь она решит все споры.
Если ж нет, —

Вот вам дорога!
Ни к чему нам
Разговоры! —

Отвечали звери хором:
— Скажем правду,
Правду скажем,
Присягнем перед всем бором:
Коль соврем — костьми все ляжем!

Прошумел тут Дуб ветвями:
— Надо выяснить сперва нам,
Старше кто из вас годами.
Тот и будет самым главным.

Сели спорщики под Дубом,
Долго молча все сидели.
Надо было им обдумать:
Где, когда что пили, ели.

Солнце выше пред обедом.
Наконец Медведь взял слово:
— Помню, я однажды с дедом
Через эту шел дуброву.

Вот в тот день была жара-то!
Нас листва твоя манила,
Тени ж было маловато,
На меня лишь и хватило.

Сел в тени и дед мой тоже
Под березою на камне.
Вот прикинь-ка, если можешь:
Сколько было лет тогда мне?

— Дело скоро прояснится,—
Дуб сказал. — Коль вы готовы,
Держит речь пускай Лисица,
А потом и Зайцу слово!

— Здесь я в детстве пробегала.
Ты листвою красовался.
Я в тени твоей лежала,
А наружи хвост остался.

— Все яснее с каждым разом, —
Дуб свое промолвил слово. —
Заяц нас займет рассказом,
Быть и Ворону готовым!

— Как бежал я по дуброве,
Ты был маленьким дубочком.
Эти ушки были вровень
Верхним всем твоим листочкам.

— Знал я, Заяц нам поможет,
Он сказал слова прямые.
Расскажи нам, Ворон, тоже
Про свои года былые…

— Ты могуч в жару и в холод,
Что тебе ветра и сырость?
Но ведь я принес тот желудь,
Из которого ты вырос!

Зашумел тут Дуб листами:
— Знал я — Ворон спор развяжет.
Ты здесь старше всех годами,
Ты меня растрогал даже.

Да, достоин ты над всеми
В нашей пуще старшим зваться,
И тебе лесное племя

Будет, Ворон, покоряться.

Тут Медведь пригнулся низко,
На него Лисица села,
Заяц же вскочил на Лиску,
Ворон взмыл на Зайца смело.

Звери двинулись походом
И с тех пор вот так и ходят,
Каждым летом, с каждым годом
Хоровод чудесный водят.

Если кто порой их встретит,
Пусть уступит им дорогу.
Мало ль есть чудес на свете,
Но таких совсем немного…

Поблагодарили все Тимоха Сымоновича за сказку, но Зося спросила:

— Как же так? Выходит, что заяц, например, живет столько, сколько дуб вековой?

— Ах ты, Зося! Это же было тогда, когда эта сказка складывалась. А теперь, понятно, заяц живет куда меньше. Да и дружба их давно кончилась: лиса удирает от медведя, заяц от лисицы. Только ворон их никого не боится — взлетит на дуб и скажет: «А ну-ка, достань меня!»

Пройдя немного, встретили в глубокой лощине знакомого всем деда, который им Оленью тропу показывал. Поздоровались с ним.

— Что же это вы, дедушка, с таким маленьким кузовком по грибы пошли?

— Я не грибы, а девясил собираю, коренья. Это хорошее лекарство, от боли в груди помогает.

Пожелали все, чтоб девясил помог ему поправить свое здоровье.

Отойдя немного, Надейка вспомнила:

— Может быть, этот девясил что-то полезное в себе имеет? У Пилипа Пестрака стихотворение про него есть, которое начинается так:

Есть у нас чудесное растенье,
Много скрыто в нем целебных сил,
И из поколенья в поколенье
Носит оно имя — девясил.

Лесник обратился к Ивану Степановичу:

— Действительно, девясил пользуется в народе большим почетом. Мы сами его каждый год сушим — на всякий случай. Но мне интересно было бы узнать, как на него смотрит наука.

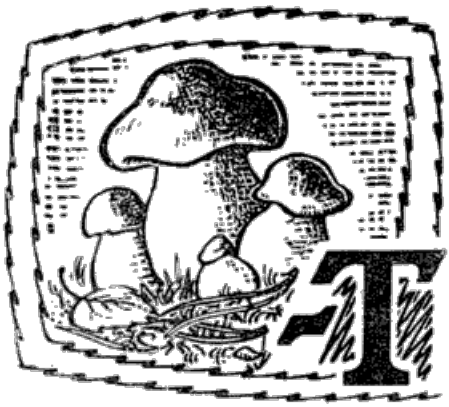
— И научная медицина хорошо относится к нему. Доктора лечат им людей от разных болезней. Правда, особой чудодейственности в нем нет, но есть много разных химических веществ, присущих только ему одному.

Незаметно подошли к хате, где надо было помочь Таисии Васильевне приготовить ужин на такую братию.

Предпоследний день

Вот они привольные просторы
Родной земли спокон веков!

Микола Аврамчик



— Тимох Сымонович! Лист на осине покраснел! — прибежав со двора, объявила Зося.

— Видел, видел, Зосечка! Завтра сообща собираем орехи, а послезавтра ждем вашу машину. Сегодня в обед я буду в Русичах и на их машине по тракту подвезу до «Новой затоки» бочки да Гиляровы цимбалы оттуда заберу, а то мы и не слышали, как он играет. А теперь пойдемте посмотрим на ту затоку. Может, там и орехов вовсе нет, — пошутил лесник.

— Что ты, тата! Мы со Стасей брали там боровики, так я специально поинтересовался. Полно! Да какие крупные! Намного крупнее, чем в «Тихой затоке».

— Хорошо, сынок! Но все же сходим, своими глазами посмотрим.

Позавтракали, и все пошли «следом за дедом», за Тимохом Сымоновичем.

Лес тут был совершенно другим, чем вчера. Кроме дуба и сосны, тут были клены, ясени, липы. Было очень много диких яблонь и груш. А какие они большие вырастают, оказывается!

Видели разных птиц, ранее не виданных. А что до дятлов, так и не думали, чтоб их было столько разных: черные, пестрые, зеленоватые, а некоторые с красными грудками, будто с галстуками. Юные натуралисты сразу, долго не раздумывая, назвали их пионерами: очень похожие галстуки.

— Меня даже тоска берет, как подумаю, что послезавтра

утром уезжать отсюда, — вздохнула Надейка.

— Оставайся, Надейка, у нас! Будем вместе в школу ходить. Мне веселее будет.

— Милая Галечка! А как же дома? Что тата, что мама скажут? Мы лучше к вам на будущий год приедем. Возьмем с собой палатки, припасу разного, обоснуем тут летний пионерский лагерь Ботяновской школы.

— Шутки шутками, а я об этом скажу директору, — сразу заинтересовался этой мыслью Иван Степанович. — Тут будет интересно побывать и ученикам и преподавателям. Это будет не только отдых, но и самая полезная, содержательная экскурсия.

— Слышишь, Галечка? Может еще интереснее получиться, чем мы с тобой думали, — утешилась Надейка.

Юные натуралисты не теряли времени. Одни пополняли свой гербарий, а некоторые — боровиками корзинки.

Пройдя половину дороги, решили отдохнуть.

Зося сразу к леснику:

— Дядя Тимох! А вы, наверно, много сказок знаете! Не рассказали бы вы нам еще одну какую-нибудь?

— Ах ты лисичка! — засмеялся Тимох Сымонович. — А известно ли тебе, что по старому белорусскому обычаю сказки можно рассказывать только вечером, когда огни погасят? А кто нарушает такой обычай, у того длинная борода вырастает. Пускай Иван Степанович расскажет. Человек он молодой, такого суеверия не признает.

— Да Иван Степанович не умеет сказки рассказывать, — заметила Галя.

Тот только усмехнулся:

— Ты, Галечка, даже не представляешь себе, сколько я сказок знаю. Ты мне назови какое хочешь слово, а я тебе на то слово целую сказку расскажу.

— Как это так? — удивился Адам.

— А так! Скажи мне: дуб. Я тебе про дуб сказку дам. Скажи: камень. Я тебе про камень сказку начну. Поняла?

— Барсук! — сказала Зося.

— Где? — подхватился сразу Гиляр.

Этим вопросом он развеселил всех. Посмеялись.

— Долго ты его будешь помнить, Гилярка! — не удержался и Иван Степанович. — Все же, если Зося дала мне такое задание, расскажу вам про барсука, как он с медведем поссорился.

Медведь разгневался на Барсука.
За что и как — нам правды не добиться.
Барсук скорей спасал свои бока,

Когда Медведя повстречать случится.

Уже прошло немало с той поры.
Барсук искал себе добычи ночью.
Поблизости от собственной норы
Копался он, коренья там ворочал.

Однажды все же, солнечным деньком,
В овраг забрел он очень уж глубокий,
На недостроенный похожий дом.
Где был один лишь выход неширокий.

А кто б спросил, зачем туда идет,
На что позарился в таком провале,
Барсук смолчал бы. Но который год
В лесу про этот случай вспоминали.

Кореньям найденным Барсук был рад,
Попробовал и ягод понемногу,
Но только вздумал повернуть назад,
Как чья-то тень отрезала дорогу.

Медведь огромный перед ним возник.
Загородила выход эта груда.
У Барсука же пересох язык:
«Теперь живым не вылезешь отсюда!»

Медведь взглянул и только рявкнул:
— О!.. —
А что барсук?
Барсук хитёр на счастье:
И обманул Медведя он того,
И вызволил себя из злой напасти.

— Ну что ты медлишь? —
Начал так Барсук, —
Тебя с собаками искать —
Но доискаться!
Не видишь?
Нам с тобой пришел каюк:
Стена-то начинает осыпаться!

Скорей, скорей!
Держи спиной стену,

Я принесу надежную подпору.
Тут видел я
Поблизости
Одну,
За ней бегу и возвращусь я скоро… —

Медведь растерянный уперся так,
Что вправду осыпаться стала глина.
Барсук же, торопясь, что твой рысак,
Крутой овраг покинул в миг единый.
Стоял и день, стоял и ночь Медведь…
Барсук с подпорою не возвращался.
Когда же стала третья ночь светлеть,
Медведь сердитый разуму набрался.

Бежит он в лес,
Ревет,
Задумал месть:
— Ну попадись, обманщик, мне под руку! —
Но…
Где уж там
Догнать
И счеты свесть!
Благодари
За добрую науку!

— Дядя Тимох, — спросила на всякий случай Надейка, — а медведь в вашей пуще есть?

— Есть. И не тот ли самый, про которого сказку рассказали. Действительно, он кого-то ищет. Я несколько раз встречал его, наблюдал за ним потихоньку, так он каждый куст внимательно осматривает, проверяет. Постоит, постоит — к другому. Только когда ему надоест, наверно, такая работа, вскочит на какое-нибудь поваленное дерево и начнет гимнастикой заниматься. Потом снова пойдет осматривать пущу.

— А почему вы его не застрелили?

— Жалею! Никого он не трогает. Пускай живет, а то и поколение их переведется. А что с барсуком поссорился, так это не наше дело.

— А не тот ли это самый барсук, которого вы застрелили? — спросила Зося.

— Точно не знаю, но очень похож на него. Тем более, что и яр такой же, про который в сказке говорится, поблизости от того пня

есть.

— Интересная сказка, — задумчиво сказала Ганна. — Мне так и представляется, как медведь стену спиной подпирает, а барсук на солнышке греется. Я обязательно нарисую к этой сказке рисунок, если только Зося запишет ее в наш походный дневник.

— Как бы там ни было, — ответил Иван Степанович, — я свое слово сдержал. Сказку вам рассказал. А теперь пошли дальше.

Не прошли они и метров триста, как перед их глазами открылась огромная затока-старица, окруженная разными деревьями, вся, во всяком случае на три четверти, закрытая разными водяными растениями: белыми лилиями, желтыми кувшинками. На краю стояли рогоз, аир, тростник, а дальше…

— Браточки! — только и смог выкрикнуть Адам.

— Неужели и на нашем озере будет такая красота? — спросила Зося.

— Я согласен идти пешком до самых Ботяновичей и нести на себе столько орехов, сколько осилю, лишь бы только у нас стало так же, как тут! — Это Гиляр так сказал.

— До этого дело не дойдет, чтоб на себе таскать такой груз. Машина отвезет. Только набрать хороших орехов надо.

— Наберем, Иван Степанович! — отозвался Адам.

— У вас будет еще красивее, еще лучше, дорогие мои! Не забывайте о том, что это я со Стасиком и с Галей сделали втроем, а вас два десятка таких молодцов только тут, а сколько там, дома! Горы можно свернуть с такой силой!

Лодки тут не было, но через короткое время под руководством лесника хлопцы смастерили небольшой плотик.

Этот плотик хорошо поднимал троих. Первая разведка и выехала на затоку.

Какой стебель ни потяни, меньше десятка орехов нет. А на некоторых и по двенадцать. Да какие крупные! Почти вдвое крупнее, чем на старой, на «Тихой затоке».

Через короткое время плот подплыл к берегу, и хлопцы выгрузили корзину орехов.

На ужин хватит!

Потом начали разговор о качестве именно этих водяных орехов.

— Тимох Сымонович! Может, вы нам объясните, почему тут орехи крупнее? Семена, вы сами нам об этом говорили, одинаковые, со старой затоки. Грунт, вероятно, тоже одинаковый, большой разницы быть не может.

— Если вы у меня спрашиваете, я вам отвечу. Не так — пускай Иван Степанович сразу поправит, ведь он же не только учитель, но и агроном. Я своей головой думаю так. Причина в

новых семенах. Для этой затоки те орехи, какие мы сажали прошлой осенью, здесь новые. Побудут они тут года три-четыре, наверно, надо будет снова привозить орехи с другой затоки, а с этой, наоборот, отвезти туда. Тогда будет больше пользы. Так или не так, Иван Степанович?

— Честно говоря, Тнмох Сымонович, я с большим удовольствием слушал ваше высказывание. Еще великий, известный всему миру ученый Чарлз Дарвин обратил на это внимание. В одном научном труде он отметил, что некоторые хозяева в современной ему Англии меняли с дальними знакомыми доброкачественные семена одного и того же сорта, так как старые на одном месте через несколько лет начинают вырождаться. Так же делали прежде и у нас в Белоруссии многие крестьяне.

— Если так, то можно надеяться, что водяные орехи именно с этой затоки на нашем ботяновском озере будут расти еще лучше?

— Этого я, Адам, утверждать не могу, но уверен, что хуже они не будут. Что касается нашего озера, так нам надо будет года через четыре семенные орехи с одной затоки сажать в другую и наоборот.

— Ваш разговор я записала целиком в наш походный дневник и подчеркнула ваши последние слова, Иван Степанович.

— Ты очень хорошо сделала, Зосечка, так как мы, занявшись повседневными делами, порой забываем о таких мелочах, а они имеют огромное значение.

— Подъем! — объявил Тимох Сымонович. — Пошли, братцы, обедать. После обеда вы останетесь одни, а я съезжу в Русичи.

Довольные, веселые, с богатой добычей, все пошли обратно.

Возвращаясь, не пропускали боровиков, не пропускали и всего того, что могло быть полезным в жизни и в дальнейшей работе.

Приметили близ затоки большую полянку глицерии-манника, которую собирались набрать в Русичах. Зачем же, действительно, останавливаться там еще раз, если все будет сделано на месте.

Спросили у Ивана Степановича: а нет ли другого, похожего на глицерию растения, которое давало бы еще больше плодов? Он ответил, что есть, и не одно, и более интересная — тускарора, которая в народе называется «водяной рис», хотя фактически это растение из другой ботанической семьи.

Тускарора распространена у нас на Дальнем Востоке и растет там в диком виде, но пытаются заводить ее и у нас в Белоруссии. Особенно она полезна там, где около водоемов бывают птицефермы.

— Об этом мы, — сказал Иван Степанович, — думали давно,

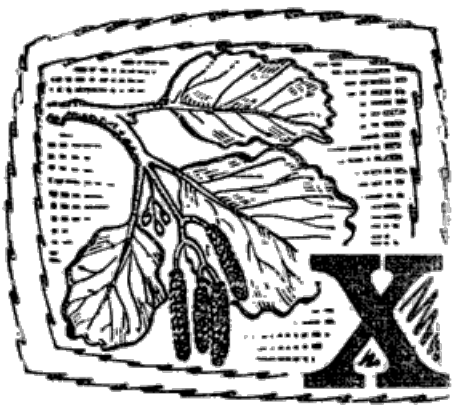
а теперь будем вести дело в колхозном масштабе.

Все стало ясным. Незаметно пришли и к дому лесника. Девочки сразу побежали помогать Таисии Васильевне, а мальчики — за дровами, за водой и всем другим, чтоб сделать что-нибудь приятное хозяевам и хотя бы частично отблагодарить их за большую ласку, гостеприимство и сердечность.

Толока

Озеро глубокое, как память,
От воды поднялся синий дым,
И дубы широкими ветвями
Плещут, как ладонями, над ним.

Петрусь Бровка



Хозяин сделал все так, как и обещал: бочки порожние подвез к самому затону, поставил их в ельничке.

Сам же он был на мотоцикле; на нем, в коляске, доставил в лесничевку цимбалы.

Гиляр по ним уже соскучился. Взял перекинул поясок через плечо, сел перед хатой и начал… Наверно, никогда тут не слышали таких веселых песен, как в этот вечер.

Вопрос о завтрашнем походе за орехами леснику пришлось обсуждать с Иваном Степановичем и с Адамом.

Условились, что пообедают немного раньше и пойдут на затоку, чтоб к вечеру управиться. Решили сделать еще один плот, такой же, как и первый.

Утро объявили свободным, что означало — никаких походов не проводить, а целиком положиться на самодеятельность молодежи.

Интересно посмотреть, как они распределят и используют свое время.

Использовали по-разному. Галя и Зося занялись дневником, переписывали и перерисовывали в него с разных бумажек свои наброски и рисунки. Некоторые группками разбрелись по опушке, пополняли свои коллекции. Другие просто занялись играми, физкультурой.

На обед собрались дружно. А потом, забрав корзинки, ведра и мешки, пошли теперь уже по знакомой дороге к «Новой затоке», на толоку́.

Откровенно говоря, слово «толока́» выбрано не совсем правильно. Оно тут не очень подходило. Был такой обычай у нас — помогать всем коллективом либо после пожара, или при болезни, или одинокой вдове и сиротам: построить хату, сжать рожь, вывезти навоз.

Одному человеку возить бревна, к примеру, на новую хату понадобился бы целый месяц. А тут подъезжали толокой: по бревну, по два — и вскоре весь материал на месте. Или идут жнеи со своих загонов, завернут на ниву больной соседки: минут десять — пятнадцать, и все жито в копнах.

Большое это дело — белорусская толока! Обычай такой ведется в нашем народе исстари. Громада помогала одиночкам.

А тут все как раз наоборот: одиночки (лесник с детьми) помогали громаде. Все понимали, что это — не толока, но, оказывая уважение своим гостеприимным хозяевам, так и говорили: толока.

Шли с песнями, с шутками, с частушками. Некоторые наперегонки бежали, в направлении затоки, разумеется.

Пришли быстро.

Затока имела действительно сказочный вид и напоминала лесное озеро.

Склонившись над водой, стояли вербы, ольхи. Немного поодаль, над ними, — дубы. Именно они били широкими листьями «будто ладонями».

Берега украшал аир. Хватало и тростника, и ситника тоже. Каждое растение имело свой оттенок, но все они были зелены. Листья белых лилий и желтых кувшинок тоже были зеленого цвета, хоть и других оттенков, с восковым налетом. А вот листья водяных орехов были совершенно иными и по форме и по окраске: они блестели в солнечных лучах всеми цветами радуги, но преимущественно розово-ало-красно-пурпуровыми.

Иван Степанович несколько раз сфотографировал затоку, но разве фотография может передать всю многокрасочность, всю гамму оттенков!

Занялась этим Галя, взяв альбом и краски. Тут уже было намного ближе к действительности. Галины зарисовки могли дать вполне удовлетворительное представление о той чарующей картине, которую создала природа, но, следует добавить, с помощью человека: орехи сюда со старой затоки сами не пришли, их принес со своими детьми Сымон Васильевич.

Девочки просили мальчиков набрать не меньше десятка

самых красивых растений — с листьями, с орехами, чтоб показать ботяновцам: «Вот они какие, вот как они растут!»

Тем временем был закончен и пущен на воду второй плот. Работа спорилась. Девочки внимательно перебирали орехи, сортировали их, а мальчики, которым не хватило места на плотах, относили орехи к бочкам, осторожно укладывали их. Да и воды одновременно подливали, чтоб орехи все время были в воде.

Несколько школьников ушли собирать семена глицерии-манника. Они росли невдалеке от основной площадки. Набрали за короткое время полный мешок, но семена были с мякиной. Тут же, на ветру, перевеяли их.

Закончили и сбор орехов. Всего насыпали килограммов сто пятьдесят в бочки.

Тимох Сымонович считал просто: пятнадцать ведер, а каждое не меньше десяти килограммов.

Отбракованных орехов тоже набралось немало — контроль был жесткий — ведер пять. Их ссыпали в мешок — полакомиться.

— Вот и всё. Дождались, детки, красных листьев быстрей, чем эскимосы большой травы, — пошутил Тимох Сымонович.

Бочки стояли в ельнике в таком месте, куда легко могла подъехать машина. Там же поставили мешки с орехами и манником.

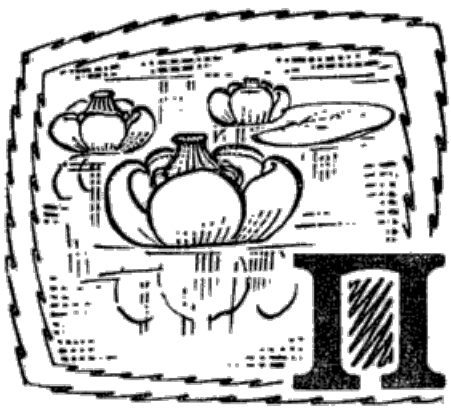
— При погрузке воду из бочек выльем, так как трудно будет поднимать на машину. А свежей нальем тогда, когда бочки будут в кузове. — Так планировал Иван Степанович.

Оставили в кустах и ведро, сплели из лозовых прутьев решетки, которые надо было положить в бочки, чтоб вода не плескалась, и направились к лесниковой хате.

Сказка про зачарованную Лилю и правда о желтых кувшинках

….Летите
Вы, пчелки,
В полет,
Поля посетите,
Луга, огород.
Цветочки лесные,
Растенья болот.

Кастусь Киреенко



По дороге к усадьбе лесника Зося обратилась к учителю:

— Иван Степанович! У нас на ботяновском озере растет много желтых кувшинок. Тут их еще больше. А между тем они как-то остались вне нашего внимания. В свой гербарий мы их включили, но специального разговора о них никогда не было. В чем дело? Не сможете ли вы нам рассказать что-нибудь об этих золотистых цветах?

Ребята и девушки усмехнулись. Галя ответила за всех:

— Зосечка, милая! Разве ты не слышала, что говорил Иван Степанович вчера? «Дайте мне одно слово, и я расскажу вам на это слово сказку». Тем более, он сможет рассказать про желтые кувшинки то, что знает о них наука.

— Наука наукой, но пускай Иван Степанович лучше расскажет сказку про них. Одно другому не помешает, — заметила вторая Галя, дочь лесника.

— Что ж, от своих слов не отказываюсь. Но что вам раньше рассказать — сказку или то, что про желтые кувшинки сообщает

нам наука?

— Сказку, сказку! — попросили одни.

— Раньше сказка, потом наука, — добавил, кажется, Адам.

— Эти слова можно принять за шутку, но в них заключена большая мудрость. Действительно, некоторые мысли, когда они зарождаются у людей, воспринимаются во многих случаях как сказка. В дальнейшем, при углублении этой мысли, после обоснования ее, проверки, нередко бывает, что в ней много правды. Что-то подобное случилось с желтыми кувшинками. Наша народная сказка, которую я слышал еще в детстве, называлась так: «Сказка про зачарованную Лилю». Послушайте эту сказку.

Жила-была сиротка,
Ее все звали Лиля.
Ни матери, ни тетки,
Родные все в могиле.

Родной семьи не знала,
Бродила сиротою,
Трудом хлеб добывала,
Боролася с нуждою.

Раз ведьма увидала,
То была Яговица,
Что всякое бывало —
Тут можно поживиться.

— Иди к нам, Лиля, в дети,
Работать в доме, в поле,
Забудешь, что на свете
Жила ты в горькой доле.

Оденем и обуем
За добрую работу.
Мы примем, как родную.
Жить будешь без заботы.

А ведьма дочь растила,
Уродину-девицу.
На мать та походила,
На ведьму Яговицу.

Как проволока, косы

У ней пучком торчали.
За них, за взгляд раскосый
Дочь Дроценицой звали.

Узнала Лиля вскоре,
Что значат обещанки,
Какое это горе
К таким идти в служанки!

До самой полуно́чи
Гоняют за дровами,
И каждая хохочет:
«А где котел со щами?»

И с озера водицу
Носить досталось Лиле,
Чтоб ноги Яговица
И Дроценица мыли.

Что слезы лить напрасно!
Не встретишь сожаленья…
В такой судьбе несчастной
Одно ей утешенье:

У озера на воле
Присядет над водою,
Поет о горькой доле,
Что ей дана судьбою:

«Расцвела калина,
Да на бугорочке.
Мать на свет родила
Горемыку-дочку.
Породила дочку
Среди темной ночи:
Беленькое личико,
Синенькие очи.
Не дала ей только
Мать счастливой доли, —
Не расцветши, вянет,
Как былинка в поле…»

Серебряным звоночком
Плывет сиротки песня,

Разносится в лесочке,
Уходит в поднебесье.

Той песне отвечает
На свете все живое —
Ведь за́ сердце хватает
Сиротки горе злое.

И гуси приплывают,
И лебеди, и крачки,
Крылами отгоняют
Они печаль беднячки.

Все ярче, все пестрее —
Откуда лишь берется? —
Рой мотыльков над нею
Метелицею вьется.

Цветочками своими
Ей весь лужок кивает,
И а́ир вслед за ними
Сиротку утешает.

Он Лилю манит, кличет:
«Иди ко мне купаться!
Твоя краса девичья
Все будет прибавляться».

Купается девица.
Друзьям своим кивает.
Студеная водица
Красы ей прибавляет.

На солнце стали краше
И косы золотые.
Во всей сторонке нашей
Где ты найдешь такие?

Взглянула Дроценица
На косы сиротинки,
Корежится и злится,
Как листья на осинке.

Сапожничьей смолою

Прилипла к Яговице:
— Вот мне б с такой косою
На людях появиться! —

И в косы Лили с криком
Вцепилась ведьма злая,
У ней, в порыве диком,
Красу отнять желая.

И Лиле страшно стало,
Бороться с ней не может,
Но там, где силы мало,
Смекалка все ж поможет!

И притворилась тихой,
Послушною такою:
— Какого вам тут лиха
Спешить с моей косою?

Мне косы надоели.
К чему краса такая?
И вам их в самом дело
Давно бы отдала я.

Но раньше их помою,
Дарить так не годится,
Прополощу живою
Озерною водицей.

Я принесу водицы
Сюда кувшинчик целый,
И вместе с Дроценицой
Мы примемся за дело!

С кувшинчиком девица
Бежит, рукою машет,
А злая Дроценица
От счастья чуть не пляшет.

К озёрку что есть силы
Сиротка добежала,
Друзей скликает милых —
У ней их там немало.

Вот гуси с лебедями
Из камышей приплыли,
Синички бьют крылами
Над головою Лили.

Цветы кругом пестреют
У заводи озёрной,
И все они жалеют
Ее в судьбине черной:

«Ну что тут сомневаться?
Иди скорее в воду,
Чтоб ведьме не достаться
И дочери-уроду!»

И в озеро глубоко
Зашла она с волною,
Кувшин держа высоко
Над самой головою.

А ведьма с Дроценицей
Все время ждут и злятся:
Из озера водицы
Никак им не дождаться.

Бегут что стало духа,
Глядят — в воде по плечи
Их Лиля. Тут старуха
Совсем лишилась речи.

А лебеди с гусями
Широким взмахом крылий
В кувшинку над волнами
Вдруг Лилю превратили.

Кувшинчиком головка
И венчик золотистый.
Стан в тьму ушел глубоко,
А глазки — в день лучистый.

Широкими ветвями
Простерлись руки Лили,
А волны под цветами
Ей гибкий стан укрыли.

Крича в диком ознобе
Мать с дочерью уродкой,
Нырнули в воду обе,
Чтоб вытащить сиротку.

Успела Яговица
За ножку уцепиться,
Плывет, гребет рукою
Как корень под водою.

Ни солнце им не светит,
Ни ветер им не веет.
Никто на целом свете
Тех ведьм не пожалеет.

А Лиля-сиротинка
Там радует все взоры.
Чудесная кувшинка
Украсила озера.

Названий есть немало
У этого цветочка:
Зовут «горшочком» малым,
Зовут и «плавуночком».

И «Лилией» в народе
Прозвали «золотою»,
Что от лихой невзгоды
Скрывалась под водою.

Едва снега растают
У нас в лесной сторонке,
Кувшинки поднимают
Всё выше стебель тонкий.

Приди сюда с зарею
Ты к заводи озерной,
Любуйся их листвою
Зеленой и узорной.

И ты услышишь пенье
Знакомой тебе Лили,
Все, что мы в день весенний

Послушать так любили:

«Лилия-лилея,
Дремлет в час заката.
Ты не знаешь, где я,
Кем была когда-то.

Чистым будь душою,
Зла не делай людям,
А не то с тобою,
Как и с ведьмой будет.

Чаши лилий всплыли
В заводи на воле.
Уж не плакать Лиле
О несчастной доле!

Пусть же ведьмы эти
Злятся под водою,—
Есть друзья на свете
С доброю душою!»

— Бедная сиротка! — вздохнула Галя.

— Но как же согласовать ваши слова о том, что в сказке бывает и зерно правды? — спросил Гиляр.

— Скажу и об этом. Когда мне пришлось впервые услышать эту сказку, я не думал, что в ней заключено такое зерно правды. Между прочим, родители нас предупреждали: «Цветы можете брать, рвать, а корни не трогайте, не вздумайте пробовать, съесть, так как там Яговица сидит, может загрызть вас своими клыками. Не забывайте, что у нее шестьдесят зубов да еще четыре». Оказывается, это не сказка, а наука утверждает, что в желтых кувшинках есть отравляющее вещество. Правда, есть в этом растении много полезных и съедобных веществ: таниды, сахароза, крахмал. Если корневища высушить или сварить их в соленой воде, то и отрава пропадает. Тогда их люди могут есть, и никакого вреда для здоровья не будет.

— Яговица огня и кипятка боится, — пошутил Адам. — А если все же попробовать корневища сырыми, невареными?

— Кому и зачем нужен такой риск? Тем более, что были случаи, когда от этой яговицы люди умирали. Чтоб не ходить далеко за примером, я расскажу вам про недавнее время. В 1941 году, перед войной, в Кировской области была страшная гроза. На

реке Маломе поднимались такие волны, что они далеко на берег выносили много разных водорослей, в том числе и желтые кувшинки. Когда гроза стихла, к реке пришли деревенские дети, понаелись корневищ и заболели. Кто съел меньше, тот остался жив, а двое умерли. Одному мальчику было семь лет, а второму четыре. Теперь скажите мне честно: права ли сказка, созданная нашими дедами?

— Бесспорно, права! Большое спасибо вам, Иван Степанович, за сказку и за науку. Но вы ничего не сказали о семенах. Их на желтых кувшинках бывает очень много. Неужели и туда проникли яговки?

— Думали меня уличить в чем-то: мол, нет ли в сказке противоречий? Дошли до самого кувшинчика. Отвечу! Ничего вредного в семенах нет. А полезного много. Одного крахмала больше сорока процентов. Семена можно использовать на корм птицам. А если их поджарить и потом смолоть или истолочь, они употребляются как кофе. Добавлю еще, что народная медицина применяет их для лечения от разных болезней — от кашля, при болезни почек.

— Неужели наука так досконально знает про все растения, какие существуют на свете?

— Нет, Галя. Это невозможно, несмотря на огромное число научных работников, занятых таким делом. Даже точно неизвестно, сколько всех растений существует на свете. Одни насчитывают до трехсот тысяч, другие — до пятисот, а третьи — до восьмисот тысяч. Еще много надо работать ученым, чтобы постичь все. Возможно, кому-нибудь из вас, если вы будете хорошо учиться, достанется на долю великое, широкое поле для открытий, для выявления новых и новых свойств и у тех же самых желтых кувшинок.

Бывайте здоровы!

Я ваш, дороги, ваш и навсегда.
Но знаю я еще одну дорогу —
Родней ее не сыщешь никогда, —
Ведущую нас к отчему порогу,

Олег Лойка

В день отъезда завтракали и, можно сказать, не завтракали. Аппетита ни у гостей, ни у хозяев не было. Так, лишь бы обряд исполнить, как говорят в таких случаях. Таисия Васильевна ходила грустная, хотя не забывала к каждому подойти, ласково сказать:

— Ешьте, детки, наедайтесь получше. Дорога не близкая. Приедете домой голодные, что о нас ваши родители подумают?

Тимох Сымонович позавтракал отдельно, раньше, взял ружье и пошел к «Новой затоке». Договорился с Иваном Степановичем, что, как только машина придет, он даст один выстрел в воздух. Тогда и выходить.

Время шло незаметно. Вдруг утреннюю тишину разорвал выстрел. Казалось, что выстрелили не один раз, а несколько — это такое эхо было. Недаром его зовут еще — отзвуки.

Начали прощаться с Таисией Васильевной, благодарить ее за действительно материнскую ласку, внимание, гостеприимство. Но она сказала Стасю:

— Меня на мотоцикле довезешь, и мне хочется посмотреть, что там за затон такой.

Гости растрогались. Им стало понятно, что она хочет проводить их до машины.

Все выстроились, только не по четыре в ряд, а по двое, так

как дорожка лесная уже, чем обычная.

Иван Степанович не «подавал команду», чтоб не навлекать грусть в минуту расставания, а сказал так, будто собрались на прогулку:

— Пошли, товарищи!

Лесникова Галя шла вместе с гостями, рядом с Гиляром. Она взяла его узелок, чтоб ему было удобнее нести цимбалы.

По дороге Надейка начала декламировать стихотворение Олега Лойки «Лесная песня». Это стихотворение, хорошее само по себе, звучало тут, в чаще, как гимн родной природе, ее красоте.

Как жить, не зная, что всегда приеду,
Когда захочется, я в край родной,
Под соснами курган увижу дедов,
У нашей хаты ельник молодой!
Ведь солнце вековечное встает
Не только с волн зелено-серебристых
Или с песка, что жадно влагу пьет.
Иль из угрюмых трещин гор скалистых,
Но и с тропинок наших, свежих, росных,
Где синие шумят немолчно сосны
И тень лежит густо-зеленых лип…
Нет, даже дня прожить мы не могли б,
Родных не слыша песен на опушке…

— Какое красивое это стихотворение! Как хорошо, Надейка, ты его прочла, — сказал Адам, прослушав последние строчки:

Поют и мной посаженные липы
В немолчной величавости лесной!

— Оно же большое, как ты его выучила на память? — спросила Галя.

— Верно, большое, но мне так понравилось, оно так искренне написано, что само собой вошло в мою память…

Вот и машина. Вон и дядя Василь, шофер, разговаривает с лесником и одновременно, подняв вверх руку, приветствует своих юных земляков.

— День добрый, дядя Василь! Как там наши? Ждут ли нас?

— Чего еще захотели! Говорят: хоть бы они там, в пуще, еще недели три пожили бы, без них спокойней!

— Неправда, дядя Василь! Вы шутите.

Тогда только дядя Василь, засмеявшись, сказал истинную

правду:

— Дохнуть мне не давали своими напоминаниями. Мамаши ваши только и спрашивали: «Не забыл ли ты, что тебе надо за детьми ехать?» А вот дружки и подружки ваши так те, со вчерашнего обеда и пока спать не легли, приходили попеременно: «Дяденька Василь! А не лучше ли вам на ночь выехать?», «Дяденька Василь, а не забыли ли вы, какой дорогой ехать?» Я выехал, когда они спали еще, а то утром совсем голову заморочили бы.

Бочки уже стояли в кузове. Их, поставив под уклон доски-скамейки, легко подняли дядька Василь и дядька Тимох. Только воды немного вылилось, так ребята сразу сбегали и подлили. Не забыли положить решеточки поверх воды. Положили и десятка два приготовленных накануне растений. Дядя Василь сходил еще к затоке и посмотрел, как они там растут, эти орехи. Попробовал сырых, а девочки достали ему и вареных.

— Все чудесно, ребятки! Люблю хорошие дела и тех, кто их творит! — Таково было его слово.

Пока все это происходило, подъехала и Таисия Васильевна со Стасем.

Девчата и хлопцы попрощались еще раз и уселись на скамейки в кузове. Гиляр ударил по цимбалам, все запели:

Бывайте здоровы!
Живите богато!
А мы уезжаем
До дома, до хаты!..

Машина тронулась. До самого поворота еще слышалось:

В зеленой дубраве
На отдыхе будем,
А вашей мы ласки
Вовек не забудем…

Стась позвал Таисию Васильевну:

— Поедем, мама!

— Нет, сынок! Поезжайте с Галей, а я с отцом пройдусь пешком.

Когда дети отъехали от них, Таисия Васильевна сказала:

— Вот, Тимох, придет такой день, сядут наши дети в машину, и останемся мы одни с тобой.

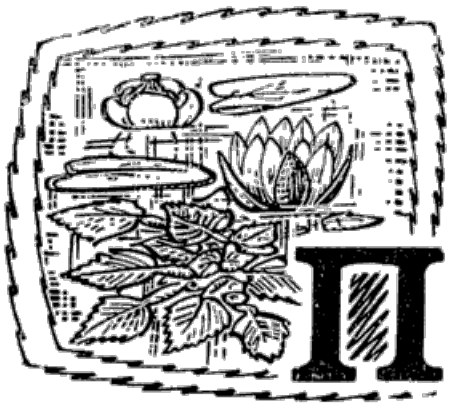
— Что ты, Тася! Как это одни? И наши, выучившись, могут

снова сюда приехать работать. Разве тут не нужны ученые люди, в пуще? Э-ге! Да и теперь около нас, в Русичах например, разве мало хороших людей? А с хорошими людьми никогда скучно не будет.

Приехали

Приехали, приехали,
Приехали с орехами!

Детская песенка



При въезде в Ботяновичи Гиляр заиграл веселую песню, а его товарищи дружно подхватили ее:

Час дадому, час,
Ты, свацечка наш!
Нас матулька выглядае,
Сталы, лавы засцілае,
Чакаючы нас.

В первые минуты некоторые подумали, что через Ботяновичи едет какая-то свадьба, так как эта песня «разъездная». Потом, присмотревшись, начали смеяться:

— Вот так сваты, только посмотри на них!

А «сваты» продолжали:

Ойчанька стары,
Галубок сівы,
Вароцечкі адмыкае,
Сваіх детачак чакае.
Час дадому, час!

С этими словами они подъехали к самой школе. За ними

бежали дети. Всем было интересно посмотреть на путешественников, увидеть водяные орехи. Сегодня же, наверно, и сажать будут.

Директор, услышав веселую песню, сказал только одно слово:

— Приехали!

Одевшись, он сразу вышел во двор.

Подошла и Нина Ивановна, так как ребята проезжали мимо ее квартиры и она уже знала об их приезде, оповещать не надо было. Пришли к школе и родители.

Мужчины помогли снять бочки, ребята поснимали мешки с орехами и глицерией. Узелки очутились на школьном крыльце, и машина ушла в гараж.

Первым делом размотали и аккуратно разложили на земле стебли водяного ореха. Чудо не малое. Метра по два длиной, по восемь, десять, двенадцать орехов на каждом, а листья красноватые, бордовые — это они, завянув, потемнели немного.

Директор тут же объявил, что после обеда назначенные Ниной Ивановной хлопцы и девчата поплывут на лодках в затоны сажать орехи. А сейчас всем надо разойтись по домам. Путешественники пусть отдохнут.

Оставшись одни, директор и учителя составили план действий. Сажать водяные орехи ранее предполагалось в трех затонах озера, где глубина не превышала двух метров. Поплывут на трех лодках в большой затон, на двух — в меньший и на одной — в самый малый, как его называют, Богатьковка. Всего будет тридцать человек: по пять на каждую лодку, по четыре на веслах и один рулевой. Они же и будут сеятелями.

Пойдет и моторная лодка — с директором, Ниной Ивановной и Иваном Степановичем.

— Ответственным в первой группе утвердим Адама, во второй — Зосю, в третьей — Галю.

Сбор был назначен на два часа.

Галя по совету матери взяла старенькое пальто и спички.

— Во-первых, — рассудила мать, — близко осень, на озере ветер, плыть далеко. Во-вторых, на той стороне растет картошка. Соберете хворосту и напечете, согреетесь и голодными не будете.

В назначенное время лодки отплыли от берега. Орехи были разделены. В самый большой затон — семь ведер, во второй — пять, а в Богатьковку — три, но им досталось фактически четыре, так как орехов оказалось больше: не пятнадцать, а шестнадцать ведер.

На каждой лодке был поднят красный флажок. Школьники сидели с важным видом: «Смотрите, какое ответственное дело нам поручено!»

За ними направилась целая флотилия, не меньше двадцати лодок: это были хлопцы и девчата, которым не терпелось посмотреть, как будет происходить посадка водяных орехов.

Случилось так, что все они — назовем их зрителями — направились в большой и средний затоны. Туда же сразу устремилась и моторка.

Сымон Васильевич предупредил всех зрителей:

— Хотите посмотреть — подгоняйте лодки к берегу, вылазьте и оттуда наблюдайте. Только не мешайте работать.

Порядок был полный. Галина лодка в Богатьковку приплыла одна. Этот затон был похож на озерцо. Он соединялся с озером узким протоком. А берега так заросли деревьями и кустами, что, не зная, особенно летом, чужой человек и не нашел бы его.

Вскоре Галя и хлопцы выбрались на берег, огляделись. Набрали сухого хвороста, накопали немного картошки, а Галя повесила на куст пальтишко. Лишь после этого они начали свою работу — сев. Галя, сидя на корме, медленно направляла веслом лодку, а хлопцы неторопливо раскидывали орехи, приблизительно через каждый метр. Приятно было наблюдать, как орехи падали на дно и сразу же, словно якорьками, цеплялись рогульками за грунт. Все было хорошо, как нельзя лучше. Даже горсти две орехов осталось. Галя перешла на нос лодки, на ее место сел Петрусь, а она начала подсевать — кидать остатки орехов в такие места, где, казалось, они лежали редко.

Окончив сев, они направились к берегу, чтоб разжечь костер и испечь картошку. Будучи в такой самостоятельной и, что ни говори, ответственной экспедиции, хотелось использовать все возможности.

Недалеко от берега Петрусь вздумал перейти от кормы к своему месту — боковому веслу, но при этом нечаянно наступил на борт, и… все оказались в воде. Для несчастья достаточно одного мгновения.

— Помогите! Тонем!..

Действительно было глубоко. Хорошо, что все умели плавать и берег был близко. Галя первой выскочила на берег, а ребята подтянули, идя по воде, лодку. Бедному Петрусю пришлось доставать ведра из воды. Друзья подобрали весла.

— Что делать? Так заболеть можно. Пока доберемся в Ботяновичи, продрогнем, — волновался Петрусь.

Галя скомандовала:

— Разжигайте костер! Обсушимся и только тогда поедем домой.

— Чем разжигать, Галечка! Спички у меня были, но… что они теперь сто́ят?

— Благодарите мою маму. В моем пальто есть полная коробка.

Достали спички, подожгли сухой можжевельник, и костер сразу запылал.

Сразу как-то стало легче на сердце, когда окутало всех дымом. Даже шутить начали.

— Как это ты, Галя, надумала заготовить хворосту?

— Мне хотелось печеной картошки. Думала, что, окончив работу, вы не захотите с ней возиться. А имея готовые дрова и накопанную картошку, деваться будет некуда… Но что же мы стоим? Надо скорее сушить одежду.

Галя спряталась за куст, разделась, накинула на себя пальто оно было сухое, — так и подошла к костру. Ребятам пришлось сушить одежду на себе, поворачиваясь то одним, то другим боком к огню.

Одежда быстро подсыхала. Дров хватало, подкидывать их не забывали. В золу уже была посажена картошка.

Директор с учителями, наведя порядок в большом затоне, задержались в меньшем, так как там оказалась неодинаковая глубина: с одного берега превышала два метра. Пришлось вырубить жердочку, промерить дно и объезжать глубокие места, чтоб не портить орехов. И только потом вспомнили про Богатьковку. А что у них?

Заметив издали дым, директор сказал:

— Ого! Дым идет. Значит, работа закончена. Галя молодчина!

Выйдя из моторки, они увидели, что у костра прыгают хлопцы и поют:

Гарні, гарні бульбу з печы
У торбачку да за плечы…

Сымон Васильевич сразу догадался:

— Далеко от берега опрокинулись?

— Почти у самого берега, Сымон Васильевич, — ответил Петрусь, чтобы как-то уменьшить свою вину.

— Вот если бы узнал Евстигней Поликарпович! Сразу поднял бы шум на весь район: «Разве я не предупреждал? Или я не говорил: к черту все, что связано с глубокой водой!»

— Вы, Нина Ивановна, выбросьте из головы этот вздор… А вы ребята, будьте осторожны! Если уж так получилось, то досушивайте одежду, допекайте картошку, а потом мы вас на моторке подбросим домой.

Так и сделали. Через десять минут хлопцы и Галя доели картошку, угостили, разумеется, и учителей. Потом сели в лодку

вышли через протоку на веслах, а там моторка как дала ходу, так мигом были на месте. А через несколько минут и дома.

Галя умылась, переоделась. Мать только спросила:

— Что это платье у тебя такое влажное?

— Мамочка! Сколько раз ты мне говорила: «У воды — да не замочиться». Что же тебя удивляет?

— Так-то оно так, но все же осторожнее надо быть.

Как бы там ни было, орехи посажены. Каждый орех — это хорошо видели все — вцепился своими рогульками за дно ботяновского озера. Значит, все будет хорошо…

Собрание в школе началось в шестом часу. Рассказывала больше Зося, заглядывая в дневник. Не пропустила и того, как Гиляр попал в нору барсука.

Галя больше говорила о красоте полесской пущи. Показала свои рисунки.

Дополняя юных натуралистов, Иван Степанович не забыл сказать о сердечных и гостеприимных людях, каких они встретили в Русичах и в лесной сторожке. Рассказал он и о желании организовать там летний пионерский лагерь.

Директор весьма доброжелательно встретил это пожелание, так как там школьникам было бы действительно и интересно и поучительно.

Обсудили вопрос и о распределении оставшихся орехов. Решили дать понемногу в каждую хату, чтоб все — и старые и малые попробовали их и убедились, что разводить их стоит.

В гости к братковским юннатам

Дума думу подгоняет.

Пословица

Причин для поездки в гости было несколько: приглашение братковских юннатов, постановление общего собрания послать добрым соседям гостинец — два центнера орехов. Да и вообще стоит наладить связь с соседями. Кроме того, ботяновцы везли еще — правда, немного, килограмма два, — водяных орехов. Это уже не подарок, а для показа, так как они вряд ли их когда видели.

— На большее пока пусть не рассчитывают. Когда у нас свои хорошо уродятся, дадим им и на семена, — сказал Сымон Васильевич.

Делегация ехала большая — человек двадцать, среди них две учительницы: Нина Ивановна и Тамара Алексеевна. Тамара Алексеевна это та самая учительница одной из соседних школ, которая просила Василия Григорьевича помочь ей перейти на работу в кооперацию. Она заменила в Ботяновской школе Тита Апанасовича, ушедшего на пенсию. Обещал он помогать новой учительнице, передать свой опыт. Но случилось так, что после двух-трех посещении ее уроков Тит Апанасович честно признался директору:

— Не берусь учить ее: мне самому на старости лет есть чему у нее поучиться.

Понравилась Тамара Алексеевна и ученикам. Она обладала какой-то врожденной привлекательностью, приветливостью. Ее сердечность, даже голос ее — певучий, мягкий, приятный — привлекали к себе.

Когда Сымон Васильевич был как-то у секретаря райкома и поблагодарил его за то, что он направил в Ботяновскую школу такую отличную учительницу, так Василь Григорьевич просто не выдержал:

— Ну знаешь, Сымон! Ты меня удивил так, что больше некуда. Ты, случайно, не шутишь?

— Какие могут быть шутки! Золото, а не дивчина.

— Она теперь не будет в кооперацию проситься?

— Думаю, что нет. Веселая стала. Хорошая певунья, помогает нашему Лопушинскому хором руководить, а он на оркестр переключился.

— Чудеса, да и только! А там… никакого внимания, затравили. Эх, когда это все люди станут людьми, научатся не только требовать уважения к себе от других, но и станут уважать и беречь других!

Махнул рукой Василь Григорьевич и больше об этом не говорил…

Так вот, эта самая Тамара Алексеевна ехала вместе с Ниной Ивановной и с ботяновскими юными натуралистами в Братков.

Там их уже ждали.

Случилось так, что Октябрьский праздник был в воскресенье, а суббота стала предпраздничной. Вот они эту субботу и выбрали для своей поездки.

Школа была красиво убрана, не хуже, чем в Ботяновичах. Гостей встретили с музыкой. Правда, духового оркестра у них не было, но были хорошие цимбалисты, скрипачи. Исполнили марш.

Хлопцы внесли прямо в зал пять мешков орехов. Их можно было ссыпать и в три, но чем больше, тем солиднее.

Не теряя времени, ботяновцы вместе с хозяевами развесили на стенах огромные плакаты с коллекцией более чем сорока полезных дикорастущих растений.

Можно было бы и не говорить, что все ученики, учителя и директор Дорофей Иванович приветствовали своих гостей тепло, сердечно. Сразу же состоялась товарищеская беседа — иначе не назовешь эту интересную встречу.

Не будем пересказывать всех речей. Скажем только, что Дорофей Иванович в своем слове отметил:

— Наши юные натуралисты делают много хорошего, но ботяновцы нас обогнали. Нам надо учиться у них и обязательно сравняться с ними.

Нина Ивановна сделала короткую, но очень интересную информацию о путешествии в Москву.

Зося рассказала о том, что сделали ботяновцы за это время и что должны сделать в недалеком будущем. Сказала о прививках

кедра на сосну. Не забыла и о «празднике лещины» — весеннем и осеннем, — о путешествии на Полесье, о всех приключениях, о партизанской могиле…

Стася Никифоровская от имени всех братковцев поблагодарила гостей.

Про водяные орехи она сказала так:

— Если они у вас примутся и дадут хороший урожай, мы обязательно попросим семян для посадки. В нашем лесу есть два небольших озерца. Мы их для этого и используем. Вот почему мы особенно желаем вам богатого урожая.

После Стасиного выступления был объявлен перерыв. Братковские школьники с большим интересом рассматривали гербарий, ботяновскую выставку.

И концерт был хороший. Исполняли песни, хоровые и сольные. Декламировали стихи. Активно участвовали в этом и гости.

Хорошо выступила братковская девушка Ядя. Она произнесла коротенькую речь:

— Меня растрогал рассказ о том, как вы, дорогие наши гости, отыскали партизанскую могилу. И то, какие цветы растут на могиле и вокруг нее. Это все напомнило мне курдскую народную сказку «Суд цветов», которую я вам и прочитаю:

Дошло из давней дали
До наших дней преданье.
Как сход цветы сзывали
Под осень на поляне.

Они туда, все кряду,
Луга покинув, рощи,
В роскошных шли нарядах
Иль платьицах попроще.

Про все, что сотворили,
Про доброе и злое
Цветы здесь говорили
С открытою душою.

Одним — лишь порицанье,
Другим — почет великий…
Сияло все собранье
Созвездьем многоликим.

Бубенчиков ли звоны,

Журчанье ручейка ли?
Все на лугу зеленом
И пели и плясали.

И вдруг над всей толпою
Раздался звучный голос
(На сходе старшиною
Был нынче Гладиолус):

— Ромашка опоздала,
Чебрец, Шиповник — тоже.
А времени так мало,
Мы больше ждать не можем!

Пусть Роза для начала
О всех своих деяньях
Нам скажет. — Роза встала
В роскошных одеяньях. —

— Росла в саду я школьном,
На клумбе красовалась,
Уходом так довольна,
Что явь мне сном казалась.

Потом в одно из зданий
На праздник я попала
Под гром рукоплесканий
Всего большого зала.

Учителя, ребята
Мне были очень рады,
И свежесть аромата
Была для них награда.

— Ну что же, дело ясно! —
Цветы сказали дружно. —
Такой судьбе прекрасной
Завидовать бы нужно.

Жасмин поднялся следом,
Склонив свой венчик томно:
— За свадебным обедом
К чему быть очень скромным?

Букетик мой невеста
На платье приколола,
И это было место
Почетнее любого.

— Да ты хвастун, приятель!
Пред нами в самом деле
Расхвастался некстати, —
Цветы вдруг зашумели.—

Хвалить тебя не станем,
А поругаем даже.
Пускай перед собраньем
Фиалка слово скажет!

Фиалка и сказала:
— Была я на банкете,
Какого не бывало
Еще на белом свете.

Все в золоте палаты.
Бесценные каменья…
А речи у богатых —
Про кровь да про сраженья…

— Молчи!
Чтó нам злодеи?
Чтó их житье пустое?
Они лишь горе сеют
И губят все живое.

Молчи! Противно слушать.
От них пошли все войны,
Они всех гнут и душат
И гнева лишь достойны!

И все цветы при этом
Свое вставляли слово…
Потом, что было летом,
Припоминали снова.

Шел спор уже о чести
Стоять на первом месте.
Но вдруг явились вместе

Пропавшие без вести:

Чебрец, Ромашка. Рядом
Шиповник в ожиданье.
И недовольным взглядом
Их встретило собранье.

— Ну что ж вы!
Как!
Нельзя же…
Оставьте шутки эти!
Шиповник пусть расскажет,
За всех троих ответит!

— Мы шли все через поле,
На нем разгар был боя.
Сражались там за волю
Народные герои.

Отчизну заслоняли
От ворога собою,
Ни пяди не отдали
Насилью и разбою.

И все легли костями
У рощицы соседней,
Где с лютыми врагами
Вели свой бой последний!

Был Чебрецом, Ромашкой
Ковер им дан духмяный,
От солнца в зное тяжком
Я закрывал им раны.

Склонясь к ним головою,
Мы боль их облегчали
И с лепестков росою
Им жажду утоляли.

Когда ж их схоронили,
Засыпали курганы,
Добраться поспешили
До вашей мы поляны…

Тогда цветы все разом
Почтительно склонились,
Достойным их рассказом
Все дружно восхитились:

— Благодарим сердечно!
Вы заслужили право
Быть первыми навечно.
Вам, самым скромным, слава!

После концерта началась самодеятельность: танцы, игры, дружеские беседы.

Зашел разговор и о народной сказке, прочитанной Ядей.

— Мне очень хотелось послушать стихи про эти скромные, родные цветы.

— Стася! — откликнулась на эти слова Кася. — Такие стихи еще не написаны.

— Что ты, Кася, — начал возражать ей Адам, — быть этого не должно!

— Быть-то этого не должно, но так действительно есть.

Наши поэты, правда, часто вспоминают в своих стихах ромашки, маргаритки, медуницу и много разных цветов, но очень мало таких стихов, прочитав которые ты мог бы зримо представить себе любой цветок во всей его красе.

Кто-то предложил:

— Пожелаем удачи поэтам и на цветочном фронте! Такие стихотворения пишут не по заказу, а по велению сердца. И будем ждать новых стихотворений о родной природе, о дубравах и пущах, о растениях и цветах.

На том и сошлись юные натуралисты Ботяновской и Братковской школ.

И все вслед за Стасей исполнили прощальную песню:

Бывайте здоровы! Живите богато!
А мы уезжаем до дома, до хаты!..

Вот так и кончилась эта интересная встреча.

Кедр в белорусском сосняке

Мысль — это величайший, еще не понятый нами источник силы. Мысль, побеждающая пространство, одним великим открытием умеряющая страдание человечества, овладевающая тайниками природных сил, самими недрами атомов. В этой мысли человеческого гения заложен новый мир науки будущего.

Академик А. Е. Ферсман

Сколько человеческих мыслей исчезает бесследно. А они всё рождаются, будоражат творческую энергию, зовут на создание нового, чтоб дать людям счастье, принести изобилие, оборонить их от всего плохого.

Мысль дала вдохновение, указала путь первым, неизвестным нам сынам человечества, которые преобразили дикие яблоньки и груши в удивительно красивые современные нам деревья с сочными, крупными плодами. В наше время родились строго проверенные способы прививки кедра сибирского на обыкновенную сосну.

Мы уже вспоминали мудрую белорусскую народную пословицу: «Дума думу подгоняет».

Оправдалась она и в данном случае. Труды А. И. Северовой побудили наших героев использовать этот ценный способ и на белорусских просторах. На прошлогоднем собрании юных натуралистов Ботяновской школы было решено провести практическую работу по прививке кедра на сосну.

Пришел февраль. В школе шли обычные занятия. Прошлогодние восьмиклассники стали девятиклассниками. Повзрослели, поумнели. Начали более серьезно относиться ко всем вопросам, школьным и жизненным. Продумали основательно и этот вопрос, посоветовались с директором, с учителями. Пришли все к одному мнению: ехать в Сибирь юным натуралистам нельзя. Условились, что поедет один Иван Степанович. А ехать было куда: получили письма от научно-исследовательских институтов, имели адреса сибиряков, которые хорошо знают тайгу. Тайга — это не ботяновский лес. Тайга — это безграничный зеленый океан, в котором свои, неписаные законы, приметы, не зная которых можно и отдать богу душу…

Иван Степанович справился со своей задачей отлично. Конечно, с помощью сердечных, внимательных и отзывчивых сибиряков. Заготовили там чуть ли не две тысячи веток-лапок. Собственно говоря, чуть ли не вдвое больше того, чем было нужно.

Но принималось во внимание, что часть испортится в дороге, часть во время прививок. А если не хватит, за пять тысяч километров снова не поскачешь. Так пусть лучше останется. Можно и соседей выручить.

Не будем рассказывать подробно о поездке Ивана Степановича, какие были у него трудности или преграды. Когда он вернулся, когда машина с долгожданными ветками остановилась во дворе школы, учеников пришлось отпустить с занятий на целый час раньше. Сымон Васильевич сказал учителям:

— Этот час как-нибудь наверстаем, а так он совсем пропадет и ученикам испортим праздник.

А праздник был большой!

Как мать нежно носит своего первенца, прижимая его к груди, так нежно и осторожно снимали ученики пакеты с кедровыми ветками и относили их в теплицу.

В теплице хвоя была разложена на стеллажи, в ней поддерживалась низкая, но постоянная температура. Там должны были дожидаться эти далекие гости своего времени и дня, когда их начнут прививать к белорусским соснам…

Такое время пришло. День прививки был назначен на воскресенье 10 апреля.

В ожидании этого дня юные натуралисты испортили много ивняка и вообще кустарников, совершенствуя способы прививки.

Говорят, самый отличный хирург, если он делает операцию обыкновенному больному, сделает ее значительно лучше, чем когда он делает такую же операцию какому-нибудь важному

человеку. Тогда у него начинают, бывает, дрожать руки. «Ах, что будет, если постигнет неудача?»

Что-то подобное ожидалось и тут.

В субботу, накануне, директор школы, председатель колхоза, агрономы, садоводы, учителя, часть старших учеников, которых намеревались поставить звеньевыми, пришли в сосняк.

Во время беседы председателя колхоза Сергея Петровича с учителями и директором выяснилось несколько важных обстоятельств. По научным данным, прививки принимаются не все, в пределах от 50 до 70 процентов. Значит, ни в коем случае нельзя портить или вырубать те сосенки, на которых не будет прививок. Это и есть запас, необходимый для новых прививок, если первые не примутся. Кроме того, эти сосенки будут охранять прививки своей тенью от ветра и жары.

Из опытов Красноярского института леса и древесины было известно, что в Сибири такие прививки портит шишковая огневка, от которой там спасаются либо пастой «ДДТ», либо опрыскиванием.

— Поскольку мы не знаем, появятся ли вредители вроде такой огневки у нас, — сказал Сергей Петрович, — чтоб нам не рисковать ценным материалом, надо использовать сибирский опыт и принять соответствующие меры. В школе, наверно, пасты «ДДТ» нет?

— У нас она есть, но очень мало, — ответила Нина Ивановна.

— Тогда я советую вам сегодня же взять в колхозе столько, сколько нужно. Советы ученых используйте обязательно.

— Вот, Нина Ивановна, работа и для наших химиков будет, — сделал вывод Сымон Васильевич. — Придется организовать специальное звено, включить в него только взрослых юннатов, а ответственным поставить Антона Саломаху. Хлопец он очень добросовестный, умный, проведет, будем надеяться, всю работу хорошо.

Разбили весь сосняк на делянки, поставили колышки, а на соснах, назначенных для прививки, навесили тоненькие соломенные хомутики.

Как будто предусмотрели все.

В воскресенье, в девятом часу, должны были прийти к школе только те, кому надо делать прививки или обмазку, — человек сорок. А пришло человек сто, даже больше. И все с ножами, с какими-то кинжалами, даже со штыковыми тесаками, какие кое у кого остались с войны. Этими ножами и кинжалами они собирались прививать кедр.

Посмотрев через окно во двор, на котором выстроилось все это войско, Сымон Васильевич воскликнул:

— Я так и знал!

Что поделаешь! Прогнать? Это легче всего. А что будет твориться в маленьких сердцах, какая обида ранит их, об этом разве не надо подумать?

И Сымон Васильевич придумал, как использовать этих добровольцев.

— Друзья! Прививку будут делать девушки и ребята, прошедшие практику, хорошо знакомые с этой ответственной работой. Но мы, конечно, не управимся без вас. Без вас у нас может провалиться все дело. Что будет поручено вам? В первую очередь — перенести в Суховершь ветки кедра. В самой Суховерши, в сосняке, надо выносить на поле сосновые ветки, которые будут срезаться от каждой сосны во время прививки. Потом все сосновые ветки, должны быть сожжены. Скажите, согласны вы помочь нам? Посильна ли вам такая работа?

— Согласны! Справимся!

— Хорошо. Я благодарю вас за то, что вы соглашаетесь нам помочь. Но у нас есть одно условие: сейчас же вы все должны отнести домой ваши ножи, кинжалы, штыки — одним словом, все это оружие. С оружием мы вас в свой поход не примем. Поняли?

— А вы без нас не уйдете?

— Как же мы вас можем обмануть, если мы сами просим вас помочь нам?

Ничего не поделаешь. Сбегали, отнесли домой «холодное» оружие.

Прибежали снова.

Вот тогда и начался торжественный момент.

Открыли настежь двери в теплице и стали подавать кедровые ветки.

Всех предупреждали:

— Не мните хвою. Идите потихоньку, ровно.

На каждого пришлось чуть ли не по десятку.

Надо было видеть, какой это был поход!

Шли через все Ботяновичи, залитые лучами весеннего солнца. Сымон Васильевич и Зоя Кирилловна — впереди; они тоже несли лапки-ветки, за ними по тротуару шли школьники. Едва ли не на полкилометра растянулся строй. Будто вышли на встречу какого-то прославленного героя, на встречу с чудом.

Если хорошо подумать, так оно и было: шли встречать завтрашний день, шли осуществлять благородную мысль известных ученых, претворять мечту в светлую явь.

Кто бы не заинтересовался таким торжественным походом!

Многие взрослые — матери, сестры — вышли из хат и внимательно вглядывались в длинные красивые хвоинки

сибирского гостя, который с сегодняшнего дня становится туземцем, братом извечной белорусской сосны.

Только и слышалось со всех сторон:

— Вот он какой!

— Лишь бы принялся! Какая радость нашим детям будет!

— Да и для нас радость немалая.

Позади шло звено Антона Саломахи: все в халатах, с предохранительными очками, с сумками через плечо.

А весь поход замыкали учительницы — Нина Ивановна и Тамара Алексеевна.

Когда все были расставлены по участкам и работа, самая ответственная, началась, директор с большим удивлением вдруг заметил, что Тамара Алексеевна тоже прививает.

— Тамара Алексеевна! Что вы делаете?

— Прививаю кедр.

— А вы… вы не испортите прививку?

Тамара Алексеевна улыбнулась:

— Дорогой Сымон Васильевич! Мой отец — садовод в техникуме. Я ему помогала студентов приучать к этому делу, можно сказать, сама профессор, а вы спрашиваете.

Сымон Васильевич протер очки, посмотрел, как она ловко, аккуратно, с настоящим мастерством работает, и сказал Нине Ивановне:

— И такую дивчину посмели обидеть! Вы только подумайте, сколько у нее талантов: певица, историк, еще и садовод!

Работа подвигалась успешно. На поле, близ сосняка, росла горка сосновых веток, куда младшие школьники сносили их из сосняка.

Антон Саломаха со своим звеном не отставал. Плохо только, что запах от «ДДТ» был не очень приятным, но, к счастью, ветер тянул в другую сторону, и аромат соседнего соснового бора нейтрализовал запах химикатов.

Наконец подошла минута, когда было сказано одно короткое слово:

— Всё!

Привили больше тысячи молодых деревцев. Если взять самый плохой результат, 50 процентов, то и тогда в Суховерши станет пятьсот красавцев кедров.

— Придется со временем и название урочища менять. Какая тут Суховершь будет…

— Придумаем.

Разожгли костер. Не сразу занялся он: пришлось бегать и за можжевельником, и за сухим хворостом. Но зато потом как вспыхнул, так только приходилось отводить малышей подальше

от огня. У костра договорились, что из двухсот веток, которые остались в теплице, сто надо передать в Братковскую школу и послать своих ребят и Нину Ивановну.

Нина Ивановна сказала, что у нее есть неотложные дела и что она сегодня поехать не может, а только в следующее воскресенье.

Тамара Алексеевна выручила ее:

— В чем дело? Вы только договоритесь по телефону с братковцами, чтоб прислали машину. Пообедаем, и я съезжу вместо Нины Ивановны.

Директор даже руками всплеснул:

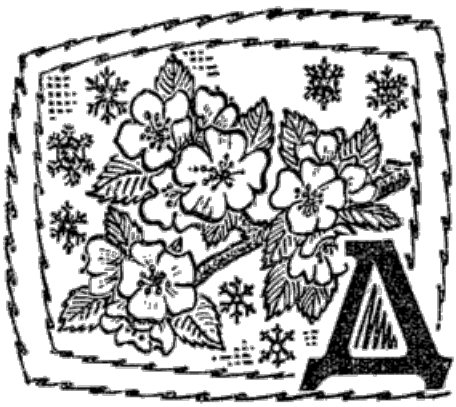
— Какой же я чудак! Дорогая Тамара Алексеевна! Я просто забыл, что вы мастер на все руки. Согласен!

Так и сделали: из Браткова пришла машина, забрали из теплицы сотню, а может, и больше кедровых веток, поехали туда молодые садоводы и химики с запасом «ДДТ». Эту «экспедицию» возглавила Тамара Алексеевна. Таким образом, в Ботяновичах и Браткове в один и тот же день хорошее и интересное дело было сделано. Теперь остается только ждать шишек с орехами. Они-то начнут завязываться на будущий год, но их обязательно надо срезать, чтоб не обессиливать молодые деревца. Через два года и ботяновцы будут иметь три сорта орехов: извечную лещину, кедр и водяные орехи. Пожалуй, тогда их деревню и можно переименовать в Ореховичи. Пускай им сопутствует удача!

Это не конец, а начало

Земля, мать родная, нас всем наделила,
Жить вольно дала и дышать с полной силой,
Так жить, чтоб мы всюду, борясь, побеждали,
Чтоб звезды нам, вечные звезды, сияли.

Алексей Русецкий



Для нашей поступи нет границ, как нет границ в наших исканиях. Перед нами беспредельные просторы. Нам даны неисчерпаемые возможности для осуществления самых смелых поисков и мечтаний.

Это величайшее счастье принес нам Великий Октябрь.

Такими словами я мог бы и закончить свою повесть. Но чувствую, что некоторые мои читатели будут недовольны такой концовкой. Они спросят: «А каковы результаты той работы, которую начали проводить ботяновские юные натуралисты? Что с желтой акацией? Где обещанные ими аллеи из грецкого ореха до Пригожего Городка? Как принялись прививки на дубках, предложенные братковскими школьниками?»

Могут быть еще и другие вопросы, не менее важные и законные.

Ответить на них можно, так как я знакомился с работой своих героев непосредственно у них, пересмотрел почти все рисунки и фотографии, прочитал их дневники, протоколы педагогических советов и общих собраний. Более того, дополнительно

разговаривал с участниками собраний, если какой-нибудь вопрос или выступление в протоколе было не четко записано.

Но спрошу и я: нет ли в моей повести ответов на все эти вопросы? Вы познакомились с моими героями. Вы должны убедиться в том, что слова у них не расходятся с делами. Значит, если у них что-нибудь недоделано, какой опыт не доведен до конца, то они его, безусловно, закончат.

Работа их только начинается.

Подумайте хорошенько сами.

Семена желтой акации посажены. Остается только ждать, пока они взойдут.

Лещина находится под неустанным присмотром и дала богатые плоды.

Водяные орехи посажены. Думаю, что каждый из вас скажет, что и они дадут неплохой урожай.

Груша, привитая на тополе, дала первые плоды. Их пробовали, признали вкусными и съедобными.

Кедр на сосны привит. Через года два будут орехи.

Так это ли не достижения? Еще какие! А ведь у них ведутся опыты с дубровкой, с черноплодным пасленом, да мало ли еще каких! Взять хотя бы масло из липовых семян. Они его пробовали? Пробовали! Всем это масло очень понравилось. А что, если они выведут такие сорта липы, на которых семена, будут по доброму ореху?

Вы говорите, что не выведут? Слишком много задач на себя взяли?

А почему бы не попробовать сделать, осуществить это вам, вашему кружку юных натуралистов? Почему бы и вам не привить кедр на сосны? Почему бы вам не посадить в затонах своего озера или в старицах своей реки водяные орехи? Что вам мешает в этом? Кто вас лишает возможности посоревноваться с юными ботяновцами? Что мешает подготовить в школьном питомнике молодняк тех же грецких орехов или черноплодной рябины и обсадить ими хотя бы свою школу или улицу в родной деревне?

Ничто вам не мешает в этом, наоборот — все содействует и помогает.

Кто-нибудь может ответить и так: давать советы легче, чем их выполнять.

Должен заметить, что я сам занимался этим делом. Занимался немало, только не в таких условиях и не при таких благоприятных обстоятельствах, какие есть у вас. Когда-нибудь я расскажу вам более подробно об этом. Теперь приведу только один маленький пример. В далекой Сибири, над рекой Бирусой, где зимой морозы доходят до шестидесяти градусов, я в 1957 году

посадил яблони улучшенных сибирских сортов. Некоторые люди тогда говорили мне так: «А зачем ты их сажаешь? Они либо вымерзнут, либо ты уедешь отсюда и не отведаешь яблок». Я и ответил, как старик из известной сказки:

«Если я не попробую яблок, попробуете вы!»

И что же получилось? Передо мной, на моем столе, сегодня лежит фотография яблонь, которую мне прислали те самые скептики, и на снимке я вижу деревья, от самой земли и доверху усыпанные крупными, красивыми яблоками.

Слышу я и другие голоса:

«А зачем нам? Окончим школу, разойдемся в разные стороны».

Неправда! Вы-то уйдете, но вы никогда не сможете, не должны забывать о своих Русичах. Чапличах, Малиновке, Студенцах, или как бы ни называлось то селение, где вы впервые увидели солнце или звезды, где вы сделали свои первые шаги в жизни. Вы, если даже не будете там жить, оставите память для своих товарищей, родителей. Выйдет когда-нибудь ваша милая сердцу мама, обнимет рукою стройное, красивое дерево, какое вы посадили когда-то, да и скажет: «Посмотрите только, какое оно красивое! Это мой сынок его посадил, он и сам такой же рослый, красивый!»

А когда вы приедете в свой родной уголок, пойдете со своими друзьями по знакомым стежкам-дорожкам, подойдете к чудесным деревьям грецкого ореха или другого дерева, разве вам не приятно будет посмотреть и на него, и на деревья, посаженные вашими друзьями?

Гордость и приятное чувство появятся в ваших сердцах в тот момент, как они появились у нашего поэта Алексея Русецкого, когда он посадил молодые деревья:

Услышат шум дубов тогда
Прожившие с годами годы
Потомки наши — господа
Трудом освоенной природы.
По ним дознаются они
О нашем мужестве и силе,
Когда мы, возвратясь с войны,
Дубы вот эти посадили.

Вы только вдумайтесь в эти стихи, мои дорогие юные друзья.

Они возвращались домой с войны, спешили поскорее увидеть своих родных, близких, помочь им после страшной разрухи. И в то же время они оставили о себе где-то память, да какую:

посадили целый дубовый лес!

И другой наш поэт, Олег Лойка написал о том же самом. Приехал в гости на короткое время к любимой матери. А тут сажают молодые деревья. Так что же вы думаете? Может, он остался сторонним наблюдателем? Нет! Попросил прощения у своей мамы:

Прости мне, мать, что я расстался с хатой,
Что в этот день не мог побыть с тобой,
Что целиком провел его с лопатой,
С колхозною шумливою толпой.

А затем присоединился к товарищам, к открытой, сердечной молодежи, такой, как и вы все.

Что же его позвало из хаты? Какое чувство? Вот это и должно вас всех заинтересовать, так как тут вы найдете ответ на некоторые вопросы, заданные мне.

Спеши, спеши, зеленая трехтонка,
В кружащийся спокойно листопад,
Откликнись эхом, радостным и звонким,
Под нашу песню, звон и стук лопат…
Зеленый друг, наш лес, везем в подмогу
И руки наши, и любовь — тебе.
Так не печалься в страхе и мольбе —
С собою мы берем тебя в дорогу.
Ты будешь жить на тысяче дорог
И, юный, свежей шелестеть вершиной,
Чтоб тешить сердце песней соловьиной.
Там, где над лугом веет ветерок.

Ко всему тому, что мы с вами припомнили, можно сказать еще одно. Не все же будут, получив аттестат, уезжать из родных мест. Белоруссия — я в это верю вместе со своими героями — станет городом-садом, где сотрутся, исчезнут все границы между городом и деревней: бытовые, культурные, материальные.

Так не стоит ли нам с вами начать уже сегодня готовиться к этому?

Возьмите одно какое-нибудь дикорастущее растение, начните культивировать его, добиваться улучшения его полезных качеств. Разве ваш кружок юных натуралистов, такие способные, талантливые девчата и хлопцы, не справится в соревновании с теми же ботяновцами или братковцами? Да я не допускаю даже

мысли, чтоб вы остались позади.

Теперь вы, наверно, согласитесь со мной, что я дал правильный заголовок своему разделу: «Это не конец, а начало».

Начало великого похода юных энтузиастов за преобразование природы, за подчинение ее нашим задачам и нашим нуждам.

Посвящая книгу вам всем, участникам славного, красивого, неустанного похода, я кончаю свое слово строками из собственного стихотворения (в переводе Л. Хаустова):

Так пусть же мой привет умчится
к тем, кто не топчется на месте,
кто в дали новые стремится,
хотя покуда неизвестен!
И сто преемников найдется,
чтоб не пропало их уменье.
От века так у нас ведется:
где взлет, размах —
там и цветенье!

Оглавление

Нет, я не против путешествий … 3
И сады цвели тогда … 7
Живите живой жизнью … 10
«Подпольный» кружок «Желтая акация» … 18
Про осот, оперу «Черевички» и сахалинскую гречиху … 22
А повеет ветер, поразгонит тучи … 26
Когда весна была в полном расцвете … 29
«Текущие» и «праздничные» дела … 31
Лекарство от глухоты … 37
И баран бы косил, кабы косу кто носил … 44
То не шум боровой над моей головой! … 55
Кто ищет, тот находит … 61
Насреддинова гробница и нарочанский мост … 67
Назад озирайся, а вперед продвигайся! … 69
Про Наполеона Бонапарта, про Зою Кирилловну и про нашу лещину … 76
Интересный спор, объяснения и интересные стихи … 81
Всегда вперед! … 83
Желтая акация … 92
Золотая осень … 95

Осенний праздник лещины … 100
Неожиданные приключения … 105
Дорога. Ореховая аллея … 111
Но вот и Минск! … 114
В Москву … 120
Венец человеческого ума и Бова Поллитрович … 124
От жгучки держи дальше ручки … 129
О розах, терниях, боксе и о маленьком Коле … 133
Наука, наука и еще раз наука … 142
Ах вы преступники, разбойники! Пришли?! … 145
Бездельники и созидатели человеческого счастья … 149
Ой, пора домой, пора! … 153
В полесских просторах … 157
В усадьбе лесника «Тихая затока» … 163
Не обед, а барский ужин … 170
Что же было в тех бумагах? … 176
О том, как дуб судьей был … 179
Предпоследний день … 184
Толока … 189
Сказка про зачарованную Лилю и правда о желтых кувшинках … 192
Бывайте здоровы! … 199
Приехали! … 202
В гости к братковским юннатам … 208
Кедр в белорусском сосняке … 212
Это не конец, а начало … 217

Цена 57 коп.

notes

Примечания

1

Плот — забор.

2

К. Керам. Боги, гробницы. Москва, 1960, стр. 192.

3

Перевод М. Исаковского.

Млына́р — мельник.

5

Гаспадар (*белорус.*) — хозяин.